

Серия "Чистые ручьи "

Г.Н. Хлебников

Зарницы

Серия "Чистые ручьи"

Г.Н. Хлебников

Зарницы

Приключенческая повесть

г. Комсомольск-на-Амуре
"Со-Весть", 2007

Вишнякова Светлана Ивановна —
составитель и издатель
повести Г. Хлебникова "Зарницы"

ДВ 84 Р Хлебников. Т.Н.
Х55 Зарницы. Повесть. — г. Комсомольска-на-Амуре: Со-Вестъ,
2007 г.; 260с. (серия: "Чистые ручьи").

В повести "Зарницы" говорится о том, как через пятьдесят лет после Великой Октябрьской социалистической революции юные следопыты пытаются восстановить историю полка Народно — революционной партии. Автор Геннадий Николаевич Хлебников — ленинградец. По комсомольскому призыву он поехал строить город Комсомольск — на — Амуре и с тех пор навсегда сроднился с амурской землей, с людьми, населяющими и обновляющими эту землю.

*Эта книга посвящается памяти писателя
Геннадия Николаевича Хлебникова и
75-летию города
Комсомольска-на-Амуре.*

СЛОВО О ХЛЕБНИКОВЕ

I

1988 год, апрель. Я в гостях у Хлебникова в который раз. Комната, куда меня любезно пригласил Геннадий Николаевич, небольшая. Это рабочий кабинет писателя. Всё в нём просто, уютно, ничего лишнего. Письменный стол, на котором неизменно находится пишущая машинка. Рядом со столом — стул, кресло. Стул — для хозяина, кресло — для гостя. Шкафы и книги заполнили всё пространство. Книги лежали повсюду, постоянно находясь в поле зрения хозяина. Из окна — удивительный вид на Амур. Молодой ветер свободно проникал в комнату через открытую форточку, парусинил тюлевые занавески и выгонял накопленную теплоту.

Писатель и краевед, художник слова и документалист, словограф и летописец. Я преклоняюсь перед мужеством этого человека, ибо он описывает реальные события, поступки реальных людей, подчас не лицеприятные. И не всем это нравится. Приходится вступать в перестрелки, страдать от остро отточенных стрел, изнывать от кровоточащих ран.

Общаясь с первостроителем города вечной юности Г.Н. Хлебниковым, я учусь у него стойкости, я вбираю мудрость. И благодарю судьбу, что не дала разминуться нам в этой жизни.

Геннадий Николаевич, высокий худощавый человек, несмотря на преклонный возраст, строен, с внимательным прищуром добрых глаз. На все мои вопросы отвечал, сдержанно взвешивая каждое слово.

— Родился я в селе Кипень Гатчинского района Ленинградской области. Кипень — русское слово: гореть, пламенеть, кипеть. Наречие оправдывает себя. Когда едешь со стороны Красного села, то на пути встречаешься с большим оврагом, ещё со времён ледника возникшим. По оврагу речка змеится. В народе её зовут ласково — Змейка. На берегу Змейки в весеннюю пору полыхает белый огонь — это черёмуха буйно цветёт, белая кипень ярится, пенится.

Изначально Кипень — почтовая станция. От неё, как от озера, в

разные стороны, разбежались три ручейка — три деревеньки: русская, эстонская и немецкая колония. Немцы приехали в Россию и заселили русские земли ещё при Екатерине Второй.

Геннадий рос здоровым, весёлым, любознательным мальчиком. Как и другие мальчишки, его сверстники, в жару он не вылезал из реки, ловил рыбу, ходил в лес по грибы и ягоды. Мальчик трудился на грядках с отцом. Трудились славно. И на работу отец вовремя поспевал.

И всё-таки мальчуган отличался от своих сверстников особым восприятием природы, окружающего его мира. Глаза, распахнутые встреч солнцу, говорили со светом на языке света. Чудесная музыка лилась с небес и падала золотыми зёрнами в недра сердца мальчиша. Музыка слов наполняла его существо, душа пела. Он ещё неумело складывал из слов образы, рисовал поступки сказочных персонажей, борьбу добра со злом. А затем проверял склады на слушателях, как они воспринимали его фантазии.

— Учиться я начал в 1922 году,— вспоминает Геннадий Николаевич. — В первом классе учился в немецкой колонии. Обучение велось таким образом: пять дней — занимались на немецком языке, один день — на русском. Так что читать, писать и излагать свои мысли на немецком языке научился гораздо раньше русского языка. Мои успехи отмечали учителя. Писали пером рендо, буквы получались угловатые, колючие, готические.

Николай Андреевич радовался успехам сына по немецкому языку. Но его всё же настораживало: а не забудет ли сын свой русский язык? Не растеряет ли и запахи, и звуки, и колыбельный мотив родного слова? И отец находит выход: вечерами, по очереди с сыном, читали вслух народные сказки, былины, сказания. Мать же наизусть знала много сказок, она пропевала каждое слово. Напевное слово устанавливало первые контакты с миром, побуждало к милосердию.

Геннадий не просто слушал сказки, черпая из них необходимый жизненный опыт, но и запоминал звучание слов, повторял про себя, проигрывал их, сочинял продолжение, находил свою концовку. Он фантазировал, комбинировал. Отец поощрял сына в литературной игре.

И совсем не случайно, став взрослым, Геннадий Николаевич вводит в свои книги сказочные события ("Легенда о Чуге").

Русские народные сказки, былины о богатырях, сказания о тружениках научили Геннадия Николаевича бережно обращаться со словом и постоянно стремиться к той высокой простоте, которая доступна лишь творческому человеку.

С 1928 по 1931 годы учился в школе — семилетке, в школе крестьянской молодёжи, сокращённо ШКМ. Жил в интернате. Школа находилась в Гостилице Ленинградской области.

С 1931-1933 годы учился в ФЗУ, получил рабочую профессию слесаря. Работал слесарем на Путиловском заводе, легко влился в трудовую семью, его усердие заметили, поощряли за старание и аккуратность.

Мог бы учиться в юридическом институте, мечтал об этом. И поступил бы. В те годы принимали в высшие учебные заведения без

экзаменов. Но это долгий путь к самостоятельной жизни. Семейные события сложились так, что требовали как можно быстрее зарабатывать деньги, стать опорой матери.

II

Я с дочерью возвращалась из светлого Пиваньского леса с одарками великана — с разнотравьем для чая. На пристани народ заметно прибывал, все ждали пароход. На валуне сидел мужчина с переполненными авоськами. Знакомая фигура. То был Геннадий Николаевич Хлебников. Я поздоровалась и присела рядом на горячую гальку. А дочь стала кидать камушки в Амур — любимое занятие.

— С дачи? - задала нелепый вопрос писателю, щурясь от яркого солнца.

— Да... Не потрудишься на земле, не отдашь ей энное количество поклонов, и не услышишь, как она поёт тебе славу. Каждый день принимаю награды за вежество. Чудно всё это.

— И что выращиваете?

— Да всё: и овощи, и фрукты, и ягоду, зелень, и даже грибы шампиньоны. Собрал клубнику, видите какая она крупная да сладкая. Угощайтесь. А жена варенье наварит. На земле она не работает, болеет. А дома — труженица. Мы с ней поделили обязанности.

Ленивые воды набегали на пологий берег, Лизали его прохладным и влажным языком. Под тихую музыку амурской волны хорошо помолчать, помечтать ни о чём.

"Ом" причалил. И люди хлынули бурным потоком по деревянно-му настилу, торопились занять лучшие места в залах. Мы не спешили. Мы остались на палубе: здесь ветер обдувает и солнце ласкает. От ветра, солнца и воды исходит пар, как от только что испеченного хлеба. На гребнях волн играют белые зайчики.

Хоть медленно, но приближается противоположный берег. Белый город приветствует издалека, его высотные дома сбежали на кручу и застыли в ожидании "Ома".

— Вот так всегда, пересекая Амур и приближаясь к родному взгорью, вспоминаю, как впервые сошёл с "Рыбака" и каким город предстал передо мною, — говорит Геннадий Николаевич и умолкает, задумчиво глядя вдаль. Его взгляд устремлён не на приближающийся город, а мимо, в глубь прожитых лет. — В Павловске учился в ФЗУ два года на автослесаря, был активным корреспондентом стенгазеты, — при этих словах Геннадий Николаевич улыбнулся и улыбка отразилась в глазах, осветила их тихой радостью, — Таковы мои первые шаги на пути к литературному творчеству. Практику проходил на заводе в Царском Селе. На работу ходил мимо памятника Пушкину, мимо плачущей девушки у разбитого кувшина, через Царскосельский парк. После ФЗУ работал в Ленинграде на Путиловском заводе.

27 июля 1934 года ЦК ВЛКСМ принял постановление о дополни-

тельном призыве молодёжи на строительство города юности. Комсомолец Геннадий Хлебников долго не размышлял. Желание сделать больше своих возможностей жило в нём. Наступил момент осуществить свою мечту. Желавших поехать оказалось двадцать человек, завод же должен был отправить всего пять человек. На открытом комсомольском собрании обсуждалась каждая кандидатура.

— Атмосфера в зале накалилась, каждому хотелось попасть в число счастливых, — вспоминает Геннадий Николаевич. — По большинству голосов прошёл и я. Представляете мою радость!

Юноша чувствовал себя открывателем неведомого мира. Для него Дальний Восток — другая планета. Ленинградские добровольцы — юноши и девушки — собрались в Смольном. Один за другим подходят они к председателю обкома комсомола, называют фамилию и профессию:

— Пишите: Геннадий Хлебников — слесарь Путиловского завода.

— Мне было в то время восемнадцать с небольшим. На вокзале нас провожал Сергей Миронович Киров. Его речь дала большой заряд на всю долгую дорогу, — свидетельствовал писатель.

Паренёк взял в дорогу самое необходимое: сахар, чай, сухари, три тома сочинений А.С. Пушкина, книги Лермонтова, два романа Жюль Верна, роман А. Фадеева "Разгром". И... мечту — построить город своими руками. С ним отправлялся Василий Гусев: его друг, единомышленник.

Геннадий сообщил родителям о своём непоколебимом решении — самое трудное позади. Бедная мама, она-то всё хлопочет, чтобы её Геннадий был поближе, пусть не совсем рядом, не в родительском доме, но поближе. "Ничего, освоюсь на новом месте, домом обзаведусь, вот тогда всю родню перетяну к себе, опять будем вместе", — мысленно утешал доброволец себя и мать.

Они вошли в вагон — он и Василий. И много других молодых парней и девчат.

...Серый осенний день. По небу гуляли лохматые облака. Старый "Рыбак" причалил к пристани Комсомольска-на-Амуре 19 сентября. Пассажиры сошли на берег, их встречали музыкой, словами приветствия.

— Будете жить на Брусчатке, — объяснили прибывшим.

Их сначала накормили в столовой, пристроенной к часовне Ильи Пророка, а потом привели в общежитие — обыкновенный деревянный барак с пустыми глазницами окон и тёмным провалом дверей. Геннадий и Василий растерянно переглянулись.

— Были бы стены, — сказал провожающий, заметив растерянные взгляды новичков, — дом достроите сами, после работы. Завтра — на стройку. — И ушёл быстрым широким шагом.

Парни осторожно, словно боясь оступиться, вошли в барак. Под ногами шуршала стружка, пахло смолой.

Хлебников и Гусев заняли место поближе к окну. Сверх стружек бросили одеяла и, не раздевшись, легли спать. Помолчали. Не хоте-

лось разговаривать. Перед глазами воспроизводилась безрадостная картина: бараки, шалаши, землянки, ухабистые дороги, брёвна, доски, щепки, неприветливое небо. После Ленинграда показалось жутковато.

— Гена, слышишь меня? — позвал друга Василий.

— Слышу.

— Может, вернёмся?

— Почему? — приподнявшись с лежанки, отозвался Геннадий. Пышный чуб упал на лоб и от этого он выглядел совсем мальчиком. — А как же клятва?... Нельзя, дружище.

Всю ночь хлестал дождь по золотистым брёвнам. К утру затихло, подсинённое небо пронзило яркое солнце.

Первое утро в далёком краю, омытое прохладным дождём, ворвалось в неухоженное жильё, прогнало дрему. И вскоре — труд землекопа, к которому ребята не были приучены. Были кровавые мозоли, и пот застилал глаза, и в голове шумело от усталости. Потом втянулись в работу и даже план перевыполняли, а вечерами достраивали своё жильё. Торопились, ведь впереди их ждала зима, она уже не за горами, по утрам стояла у дверей и всё не решалась постучаться, знала, что будет незваной гостьей.

Геннадий Николаевич первое время работал не по специальности. Для того чтобы работать слесарем, нужно построить хотя бы мастерскую. Землекопом, плотником он начинает свою трудовую биографию, затем работал слесарем, бригадиром монтажников на строительстве судостроительного завода, устанавливал опоры здания эллинга "А".

Со слов писателя: "Летом 1936 года был послан комитетом комсомола на монтаж оборудования кирпичного завода № 1 (в районе озера Мылки). После окончания монтажа остался на заводе, чтобы этими механизмами управлять. Работал бригадиром, техноруком, стал керамиком. В армию не взяли, забраковали из-за зрения. Отработал на заводе десять лет: слесарь, бригадир, мастер, два последних года — главный инженер кирзавода. Изучил керамику, все хитрости изготовления кирпича. Всё это за счёт самообразования. У меня было семилетнее образование, здесь я закончил десять классов, получил среднее образование. Технологию производства изучал по книгам, советовался с деловыми людьми".

III

Геннадий Николаевич был членом литературного объединения с первых дней жизни на стройке. Руководил ЛИТО в то время Николай Кириллович Поварёнкин — один из первых поэтов города.

"Всё-то мы могли, везде успевали: и самоучёба, и работа до седьмого пота, и ежедневная стенная газета в рабочем уголке красной комнаты. Мы жили радостью приобщения к художественному слову. Мы знали А. Фадеева, П. Павленко, Н. Островского, В. Пастернака, Н.

Тихонова, Э. Багрицкого. И был у нас свой поэт, ровесник по судьбе и времени. Это Николай Поварёнкин. Он помогал нам уверовать в себя, в свои возможности. Это была счастливая пора познания и удивления. Мы радовались каждому новому стихотворению, рассказу своего товарища", — поведал мне Г. Хлебников в доверительной беседе.

Г. Хлебников начинал свою литературную деятельность с небольших заметок, зарисовок, со стихов, басен; они печатались в городской газете: "Трактор в болоте", "Пчела и саранча", "Хорёк — критик" и др. Острые, сатирические, на злобу дня стихи вызывали спор, не оставляли равнодушными. Подписывался псевдонимом — Николаев.

Первая серьёзная заявка на литературном поприще — очерк "На окраине города", опубликованный в начале 1945г. Его заметили. Эта публикация сыграла решающую роль в судьбе будущего писателя. Нужны были литсотрудники для газеты "Сталинский Комсомольск", направляли рабкоров, творческую молодёжь. Н. Поварёнкин порекомендовал Г. Хлебникова. У Геннадия Николаевича возникло двойственное чувство к интересному предложению. Газета — это всё-таки творчество, начало литературного процесса, можно приучить себя писать. Рядом с ним, в нём самом жило трепетное чувство к журналистике. Лестно, что именно ему предложили, а значит доверяют, верят в него, в его возможности, в его принципиальность, честность. Да и он сам понимал: журналистика — его дело, его стезя. И в то же время боялся нарушить уже сложившуюся жизнь. На кирпичном заводе он — главный инженер, нужный работник и как руководитель, и как человек, умеющий выслушать другого, понять, направить, разобраться в сложных ситуациях. Да и семья: жена, дети, приличная зарплата, немецкая легковушка, жильё рядом с производством.. Да и не мальчик, чтобы начинать сначала, уже тридцать лет... Редакция находится далеко. Каждый день вышагивать пять километров. Никаких привилегий... В общем отказался. Ему пригрозили: может получить выговор. Ночь не спал. Не выговора испугался, он привык быть там, где нужнее его познания, его участие. К тому же он — коммунист. Какой пример для других!

2 октября 1945г. приступил к новой обязанности. Тогда редактором газеты был Фёдор Куликов. Он назначил Г. Хлебникова заведующим промышленным отделом. На новом месте пришлось начинать с нуля: заново изучать русский язык, учиться рассуждать. Но уже через полгода освоил все жанры публицистики: очерки, статьи, зарисовки, репортажи. Иногда писал рассказы.

В 1948 году Хлебникова назначают зам. редактора, а в 1955 — редактором. С годами журналиста всё чаще стало подводить зрение, и он вынужден был уйти с должности редактора. Начал работать в ТАСС. Был собкором по Комсомольску, Совгавани, Николаевску. Работа немного легче, высвободилось дополнительное время для литературного творчества.

Со слов писателя: "Если бы я в газете не работал, то и ничего не написал. Нужно было преодолеть страх перед белым листом. Желание

быстро высказаться, пренебрежение к деталям мешало литературной работе. Поэтому я долгое время не мог написать больше шести страниц. Не умел распоряжаться материалом, строить логические мостики".

Первая большая публикация — очерковая книга о бригадире строителей Николае Щеглове. Второй книгой явилась историческая повесть "В долине Желтуге" — это его первое крупное историко-художественное произведение. О золотоискателях, золотодобытчиках, о различных приключениях и бытие старателей, о дружбе русского и китайского народов...

С лёгкой руки благословения и благодарения знаменитого писателя Вс. Иванова Г. Н. Хлебников вошёл уверенно в семью писателей Дальнего Востока.

Им написано более двадцати книг.

Геннадий Николаевич Хлебников прошёл нелёгкий путь:

— от слесаря до главного инженера кирпичного завода №1;

— от рабочего корреспондента до редактора газеты "Сталинский Комсомольск" (ДВК);

— от очеркиста до писателя России.

Есть люди, и таких не мало, которые играют роль культурного человека; но, когда неприятная струя касается их души, они взрываются и тем самым обнажают свое истинное "Я". Не таков Хлебников. Геннадий Николаевич по своей сути культурный человек: культура сама проявлялась в нем, а он — в культуре. И даже тогда, когда дальше постели не двигался, Геннадий Николаевич встречал гостя в форме, старался сидеть прямо и слушать со вниманием. Как это ему удалось — никто не знает.

Культура сама в нем жила, совершенствовалась, наливалась золотым зерном и падала в черствые души, заставляла их трепетать, сопереживать, жить.

А какой собеседник! С ним интересно было общаться. Он умел слушать и слышать человека.

Борис Геннадьевич, сын писатель, издал сборник стихов, которые заслуживают внимания. Литературная нить не оборвалась и это прекрасно.

ПАМЯТИ Г. Н. ХЛЕБНИКОВА

Я переживаю большое горе....

2 ноября 2006 года в городе Комсомольске-на-Амуре после долгой и тяжелой болезни скончался мой верный, хороший, добрый, мудрый друг, старейший писатель Дальнего Востока и России Геннадий Николаевич Хлебников.

Очень трудно писать, что он был. Скорбит душа и никак не верит, что его уже нет на свете...

Он был не только замечательным писателем, но прежде всего — чутким, добрым, отзывчивым, удивительным человеком. Его любили, уважали многие. Он был бесконечно дорог всем, кто его знал и уважал. В их числе и мне.

Помнится, почти сорок лет назад, когда и я, как и Г.Н. Хлебников, жил и работал в Комсомольске — на — Амуре, и когда мы были просто знакомы, именно он, Геннадий Николаевич, опубликовал в городской газете свой теплый отзыв о спектакле Комсомольской — на — Амуре городской студии телевидения, поставленного по моей большой пьесе "Портрет" о любви и трудовых делах молодых первостроителях города Амурска и целлюлозно-картонного комбината. И емкое слово Хлебникова об этом спектакле было теплым, искренним и добрым. И это окрыляло, вдохновляло на новое творчество, чем были "больны" многие молодые журналисты. И это было естественно.

Я жил в Комсомольске-на-Амуре в 1963 — 1970 годах, был собственным корреспондентом по нему от Хабаровского краевого комитета по радиовещанию и телевидению (как он тогда назывался), работал главным редактором городской студии телевидения. Г. Н. Хлебников был всегда внимателен к моим творческим делам. А я не мог не радоваться его советам и суждениям, к которым я прислушивался.

С декабря 1970 года я живу в городе Самаре. Так получилось, что много — много лет по разным объективным и субъективным причинам мы не имели переписки друг с другом. Нас успокаивало то, что мы живы, трудимся и что у нас одна любовь — к чудному Амуру, к замечательному городу юности, которому я подарил восемь лет труда и жизни, а Геннадий Николаевич Хлебников отдал ему всю жизнь. Это был его родной город. Он его строил — с первого колышка. В нем раскрылся его талант журналиста, в нем он редактировал городскую газету, потом стал из первых писателей — комсомольчан. И как первостроитель Комсомольска — на — Амуре, он стал его истинным певцом и не мыслил своей жизни в каком — либо ином городе. И потому именно Комсомольску — на — Амуре, всем комсомольчанам он посвящал выношенные сердцем книги, вдохновенно писал об их труде и жизни, их беспредельной верности Отечеству.

Какой же это благородный и прекрасный труд писателя!

Между тем порой Г.Н. Хлебникову бывало очень, очень трудно. Достаточно сказать, что он долгое время никак не мог стать членом Союза писателей страны, хотя его книги были востребованы благодарными читателями. И Хлебников писал! Наперекор всему создавал новые художественные произведения, уверенно шел к массовому читателю со своим видением жизненных проблем, с героями своих произведений, которых он описывал. И вновь садился за стол, упорно шел к цели — стать признанным писателем страны. И он достиг ее!

В 1999 — 2000 годах мне удалось издать в городе Самаре два небольших тома своей поэзии: сборник стихотворений "Любви высокие слова" и документальную лирическую повесть в стихах "Тебя я помню, первая любовь", над которой я работал 22 года. Г. Н. Хлебников был одним из первых моих друзей — дальневосточников, которым я отправлял свой поэтический двухтомник. И он немедленно откликнулся. Он не только высоко оценил мою позицию, но и опубликовал о ней свою добрую статью в газете "Советское Приамурье" — статью чистую, открытую, полную искренних суждений, в которых не было ни слова лести. Он все писал от сердца.

Так же по-доброму он оценивал и другие мои литературные труды, и я был рад его словам.

Как же теперь будет не хватать мне в моей жизни этого чуткого, прекрасного человека, который всегда был внимательным к творческим делам и других литераторов и журналистов города юности, искренне радовался их успехам и не скупился на теплые слова об их достижениях.

Я всегда любил и уважал Геннадия Николаевича Хлебникова. О моем отношении к нему и о нашей доброй, бескорыстной дружбе вы, дорогой читатель, можете судить по прилагаемым к этим воспоминаниям трем моим стихотворениям, которые связаны с именем этого писателя. Первое стихотворение — о нем, второе я написал в скорбные для него майские дни 2002 года, когда он похоронил свою милую жену, верного друга жизни Валентину Павловну.

Я отправлял ему эти стихотворения, и он благодарил меня за них.

Третье стихотворение — особое. Оно написано в ноябре — декабре этого года по поводу безвременной кончины Геннадия Николаевича Хлебникова, в честь светлой памяти о нем...

Эти произведения обязательно войдут в мой новый поэтический сборник, который я издам в Самаре. Я не могу поступить иначе. Это мой долг перед памятью о Геннадии Николаевиче Хлебникове.

ПИСАТЕЛЬ

Вся Ваша жизнь большим трудом полна
Писателя — творца, и Ваше слово
Всегда звучит призывно, веско, ново,
И мысль — мудра, оправа — седина.

Вы боль сердец героев Ваших книг,
Как собственную боль воспринимали,
Об этом Вы так многое сказали,
И разум Ваш — живительный родник

Для всех, кого пытала жизнь порой
И горем, и бедой неотвратимой...
Ах, как же Вы всем нам необходимы!
Хочу, как Вы, быть нужным хоть строкой.

И чтобы в ней мысль четкая жила,
И чтоб она сердца обогащала,
Звала людей на добрые дела
И на борьбу за правду вдохновляла!

Спасибо Вам за Ваш великий труд,
Хотя пути бывали не простые,
Но с радостью читатели зовут
Вас признанным писателем России!

*2001,
г. Самара*

В ДНИ ТЯЖКИХ ИСПЫТАНИЙ

Друг мой, как скорбно, к Вам горе пришло.
Как же его и чем утешить?
Ваше известье меня потрясло —
Верю: вам трудно и мыслить, и жить...

Смерть беспощадна: жену увела
В мир неизвестный загробных теней...
Трудно подумать в прошедшем — БЫЛА...
Сколько же знали Вы радостей с ней!

Если б судьба повторилась бы вновь,
Только бы с Павловной снова сошлись:
Вам отдала она жизнь и любовь,
Вы подарили ей сердце и жизнь!

Ваши дела были в радость и ей,
Вас от недугов она берегла.
Другом, надеждой Вам нежностью всей
Ваша супруга — БОГИНЯ — была!

Скорбь отдаю этим тихим стихам,
Здесь о печали душевной пишу.
Слово участия, сочувствия Вам
Выразить сердцем скорбящим спешу.

Мужества Вам ~ в этом горе большом,
Памяти светлой о добрых делах,
Тех, что вы в жизни познали вдвоем, —
Искренне Вам я желаю в стихах.

*28 мая 2002,
г. Самара*

НА СМЕРТЬ Г. Н. ХЛЕБНИКОВА

Наверно, мысль по-своему мудра —
Ее один философ произносит:
Смерть хороша, когда ее пора,
И старости конец она приносит.

Но эта мысль — уверен — не о Вас!
Ее нельзя принять за аксиому:
Хоть были Вы стары, но дар не гас —
Творить добро на зависть молодому!

В трудах своих умели воспевать
Дела других, полезные для жизни.
Учили Вы дерзать и создавать
Все лучшее для матери — Отчизны.

Есть труд у Вас среди многих Ваших книг —
"Амурская трагедия" — название.
В нем жизнь кипит и слышен сердца крик,
Труд Ваш велик и дорог, как преданье.

В той книге есть мечтанья и борьба
За лучшее Отечества. Воспета
Еще любовь героев, их судьба
Не дождалась победного рассвета...

Враги их расстреляли, торопясь, —
Так жизнь отнять у них они спешили, -
Героев кровь на землю пролилась...
Их имена Вы к жизни воскресили!

Вы книгу ту писали, как поэт,
Доверившись и сердцу, и фактуре,
И виден в ней Ваш пламенный завет —
Чтоб не было трагедий на Амуре!

Чтоб Родина цветущею была,
Успех в делах державных умножала,
Была б она свободно от зла,
Своим добром планету удивляла!

И люди чтоб любили мать свою —
Российскую державу! — неподдельно,
И были б ей в работе, и в бою
Верны всегда — счастливо, беспредельно!

Вся Ваша жизнь в трудах отражена,
В них — Ваша боль, любовь к стране, сердеч-
ность.

Теперь всегда над Вами ночь черна...
Но в памяти народа Вы — навечно!

*7 ноября — 14 декабря 2006,
г. Самара*

О СОВРЕМЕННОМ

Геннадий Николаевич Хлебников — явление в культурной жизни г. Комсомольска-на-Амуре. Город рос и в ширь, и в высоту. И. Хлебников менял свое обличье: землекоп, слесарь, керамик, бригадир, главный инженер кирпичного завода №1 (Мылки) — таков путь творческого рабочего; корреспондент стенной газеты, рабкор, журналист, редактор газеты "Сталинский Комсомольск", член Союза журналистов Советского Союза — таково восхождение в загадочную журналистику; член литературного объединения, председатель литературного объединения, писатель, член Союза писателей Советского Союза и России — так открывались двери в большую писательскую среду.

Геннадий Николаевич написал много книг, свыше двадцати. А ведь он начал писать в зрелом возрасте, ему же было за сорок лет. Все его книги можно разделить на такие темы: рабочая ("Бригадир строителей Николай Щеглов", "Сталевар Полежаев", "Испытание доверием", "Корабелы", "На пределе" и др.), героико-приключенческая ("Зарницы"), историческая ("В долине Желтуге", "Награда", "Амурская трагедия", "Зарницы"), биографическая ("Рассказы сыновьям", "Хождение за горизонт", "Уроки в Гостилицах"), хронико-документальная ("Подвиг на Амуре", "Мужество Комсомольска")

Самая первая книга очеркового жанра "Бригадир строителей Николай Щеглов" вышла в Хабаровском книжном издательстве в 1958 году; 21 с. Она скрылила его, это был праздник души, он вырос литературно — художественно в своих глазах и в глазах друзей, на него стали смотреть как на писателя.

Все книги сотворены на документальной основе. Писал о тех, кого знал лично, с кем не один пуд соли съел.

Сидел в архивах, в библиотеках, обложившись кипами книг, бумаг, выписывал из них нужный материал — документ, подтверждающий события, которые имели место в очередной книге.

Совершал поездки, пешены* по дорогам героев книги.

За особые заслуги Г.Н. Хлебников отмечен знаком Муравьева — Амурского, званием "Почетный гражданин города Комсомольска-на-Амуре".

Низкий поклон вам, добрый и мудрый человек!

* пешены — ходьба пешком

КАК ПИСАЛИСЬ "Зарницы"

В июле 1934 года по путевке ЦК ВЛКСМ Г.Хлебников приехал на Амур строить Комсомольск. Работал землекопом, плотником, слесарем, монтажником. Участвовал в возведении судостроительного завода. На кирпичном заводе прошел путь от бригадира до главного инженера предприятия.

В 1945 году по рекомендации горкома партии Г.Хлебников приходит в редакцию городской газеты. Через год он становится заведующим партийным отделом "Сталинского Комсомольска", через три года — заместителем редактора, затем редактором.

Первая художественная повесть — "В долине Желтуге" (1959г.), она написана в историческо-приключенческом жанре.

В Хабаровском книжном издательстве выходят один за другим ряд повестей и романов - "Если рядом друзья" (1960г.), "Паутина" (1963г.), "Награда" (1966г.), "Зарницы" (1972г.), "Подвиг на Амуре" (1967г.), "Мужество Комсомольска" (1974г.), "Испытание доверием" (1978г.), "Расскажи сыновьям..." (1984г.), "Хождение за горизонт" (1988г.), "Уроки в гостиницах" (2000г.), "На пределе" (2002г.), "Амурская трагедия" (2002г.), "Кому строить дом?" (2003г.).

Чтобы рассказать молодому читателю о создании приключенческой повести "Зарницы", я не раз встречалась с автором, записывала его воспоминания... Беседы доверительные, проиллюстрированные картинками жизни интересных современников.

Через узкое окно вид на Ливанскую сопку, на железнодорожный мост. Амур укрыт белой шубой, чернеет далекая правобережная тайга. Неяркое зимнее солнце оставляет на полу крохотного кабинета светлое пятно, на котором, жмурясь, растянулся рыжий кот, любимец хозяина кабинета.

Спокойно, не торопясь, иногда отклоняясь от заданной темы, Геннадий Николаевич отвечает на интересующие меня вопросы.

— Я отношусь к поколению, детство которого приходится на годы революции, на годы ожесточенной гражданской войны. Спасаясь от голода в столице, мой отец увез большую семью в Саратовскую губернию, и осели в большом степном селении. Там я встретился с жестокостями, чинимыми белогвардейцами. На всю жизнь я запомнил кровавую картину, увиденную в саратовском селе. Белые захватили село и взяли в плен несколько сот красноармейцев. Как они потешались над пленными на нашем большом дворе! Два офицера в золотых погонах, смеясь чему-то, мне непонятному, выводили из строя стоящих у стены красноармейцев и рубили их шашками, похваляясь силой удара...

На мысль, написать книжку о прошлом Приамурья, меня навели школь-

ники. Одно время я довольно часто встречался с учениками городских школ, и ребята буквально засыпали меня вопросами, которые касались истории Приамурья. И я видел, как мало мы рассказываем детям о прошлом их земли, на которой они родились. По школьным учебникам они знают историю Варфоломеевской ночи, сезонные изменения водного режима реки Лимпопо, но не знают ничего о сражениях в 20-м году за Николаевск-на-Амуре, о железном походе николаевцев по тайге в Благовещенск! И, конечно, ничего не знают о водном режиме Амура.

И зрело желание написать книжку, которая хотя бы в малой мере, хотя бы в общих чертах дала молодому пытливому разумнику сведения о знаменательных событиях родного края.

Когда мы, восемнадцатилетние, начинали строить город на Амуре, то с нами были люди постарше, это тридцатилетние, участники Гражданской войны. С некоторыми из них мне посчастливилось встретиться; их образы, их воспоминания, опаленные грозowymi вспышками, я записывал; они стали героями "Зарницы" — это кочегар ТЭЦ № 1 Михаил Артемович Борода, организатор рыболовецких артелей на Камчатке и на Амуре; Леонид Давыдович Кольчущин, наборщик и редактор первой партизанской газеты в Благовещенске. а потом — редактор нашей городской газеты; наборщик и верстальщик Федор Михайлович Димура; работник сельского райисполкома Петр Пантелеймонович Ремняков и другие.

Но для создания самой книжки необходим особый толчок, то зерно, из которого должно вырасти все древо сюжета, все линии повести. И таким зерном мне послужила медная самодельная печать Ульбинского полка... Печать нашли школьники на огороде жителя села Пермское. Дом пошел на слом, на том месте наметили строить другой — Дом Молодежи. Убирая последний раз картофель, дети нашли печать Ульбинского полка. То не выдумка. Печать нашли и принесли в краеведческий музей и отдали тогдашнему директору музея Василию Кирилловичу Ткачеву. Эту печать Василий Кириллович показал мне. И возникла идея: школьники-следопыты ищут исчезнувший полк, побывав во многих окрестных селах и поселках, окружающих Комсомольск. Они находят так много интересного, романтического, таинственного...

ВЫ НАМ НУЖНЫ!

Дорогой Геннадий Николаевич!

Перечитала вашу приключенческую повесть "Зарницы" и вспомнила, как проводила урок краеведения в начальной школе. На отдельных эпизодах дети плакали, переживая за судьбы героев...

Но почему же, повесть? События, происходящие на страницах Вашей книги, охватывают значительный пласт нашей жизни, локально отличаются, и, к тому же, временные отрезки исторически обособлены, но связаны логической канвой произведения.

Я полагаю, что "Зарницы" — это роман. Хорошая, умная нужная книга, которая была нужна тогда в 75-м, оказывается нужна сейчас и на все времена.

Как мне близки все происходящие события тех лет! Как ярко и выпукло вы показали трудовой подвиг и настоящий патриотизм российских девушек и юношей! Это и открытие оловорудного месторождения Олегом Кабаковым, и беспосадочный перелет отважных летчиц команды самолета "Родина" Расковой, Осипенко и Гризодубовой, археологические находки мирового значения...

И это все рядом! Это наша история, история города, история наших родителей, а теперь прадедушек и прабабушек наших малышей-школьников.

Жаль, что традиция "Зарниц" прошла... Но кто мешает нам вновь и вновь возвращаться к давним событиям и видеть их уже окрашенными романтикой. Вновь поднимается движение юных краеведов, любознательных исследователей. Они идут в библиотеки, ищут и находят нужные книги, Ваши книги, Геннадий Николаевич!

В день Вашего 90-летия желаем Вам крепкого здоровья, душевной гармонии, и восхищенных читателей! Вы нам нужны!

***Кашейкина Светлана Николаевна,
учитель английского языка школы № 51***

О ПОВЕСТИ "ЗАРНИЦЫ"

Я не была любительницей исторических книг до недавнего времени, пока не прочла повесть Геннадия Николаевича Хлебникова "Зарницы". Эта повесть потрясла меня. Я поняла, что книги с историческим содержанием могут быть захватывающими и очень интересными.

Самое замечательное в этом произведении — это то, что она написана доступным и понятным каждому языком.

В произведении имеются две хорошо прочитанные сюжетные линии. Одна относит нас в далекие события 20-х годов. Во времена гражданской войны. В одном из боев у Ульбинского полка было украдено знамя, что обесчестило полк, и его расформировали. Персонажи этой линии — бойцы того времени. Офицеры и рядовые солдаты, герои и предатели.

Другая линия более приближена к настоящему времени. Это 70-е годы. И речь идет о молодых людях, твердо решивших найти утерянную реликвию — знамя и восстановить честь полка.

Эта повесть может использоваться не только для обычного чтения, но и как учебник по истории и географии нашего края, как пособие по геологии и туризму.

Все исторические события, описываемые Хлебниковым, например, такие, как взятие Волочаевки Красными войсками, написаны так правдоподобно, что, читая эту повесть, я явственно чувствовала запах пороха, видела перед собой яркие всполохи огня и разделяла общее настроение персонажей, воюющих за правое дело...

В повести описывается почти весь Хабаровский Край, и, вне всякого сомнения, Хлебников лично бывал в каждом из мест, описываемых им. Благодаря Геннадию Николаевичу в одной единственной повести его сочинения прочитанной мной, я узнала очень много о моей родной земле. Например, то, как река Силинка получила свое название или то, как раньше назывался поселок имени Полины Осипенко.

И очень приятно читать о знакомых местах и думать: "И я здесь была, хоть и более чем через полвека". Биробиджан, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Амурск, поселок Солнечный, станция Ин — все это такое родное. Хоть в повести они не такие, как сейчас, мне кажется, что, читая о них, я нахожусь там. Когда автор описывал Комсомольск-на-Амуре, мне казалось, что я сейчас выгляну в окно и увижу всех его героев.

А геологические знания Хлебникова просто поразили меня. Он описывает не только месторождения, но и то, как именно добываются металлы, какая при этом используется техника. И еще могу ска-

чать точно, что, прочитав эту повесть, вы получите большой багаж знаний по туризму и по методам выживания в тайге. Готова поспорить, что, оказавшись я в таежной глуши, я буду действовать, исходя из информации, полученной мной при прочтении этой книги.

Несомненно, Хлебников описывает то, что знает не понаслышке, а по личному опыту. Я уверена, что он лично бывал и в тайге, и на оживленных улицах Хабаровска, и на целлюлозном комбинате в Амурске, и на приисках в Солнечном.

Я советую последовать моему примеру и немедленно пойти в ближайшую библиотеку и прочесть остальные повести Геннадия Николаевича Хлебникова. А еще лучше, если его книги составят часть вашей домашней библиотеки, ведь они не только интересные, но и познавательные.

Шигаева Екатерина
Школа №34, 10«б» кл, 15 лет

Зарницы

повесть

1. НАХОДКА

Костя лежит в борозде и смотрит, как пчела заботливо исследует лиловые цветы картофеля. Глазастая ее голова погружается в чашечку цветка, когда она запускает в него хоботок. Проверила один цветок, перебирается на другой. И так пока всю кисть не прошупала хоботком, не улетела. Вот бы ему, Косте, такое терпение. Сегодня мать послала его с сестрой Верой окучивать картофель. Поначалу он с азартом бил тяпкой, но прошел три рядка, устал, во рту пересохло, руки заломило. Сгреб завядшую под жарким солнцем траву в борозду и лег на спину. Приятно лежать и смотреть на белые облака, неторопливо плывущие по синему небу. Если долго глядеть, то кажется, что на они, а ты плывешь куда-то, а облака стоят на месте.

А Вера не бросает тяпки. Слышно, как звенит сталь, когда тяпка ударяет о камень или черепки разбитых чашек. На огороде много таких осколков.

— Долго будешь валяться? — сердится Вера.

— Дай отдохнуть. Из сил выбился, — стонет Костя, стараясь разжалобить сестру.

— Скорее, от рук отбился, — ворчит Вера и повторяет знакомые мамини слова: — И в кого ты такой лентяй уродился?

— ...Как ты только жить будешь на свете? — подхватывает Костя.

— Вот именно, — соглашается Вера.

Костя честно признается себе, что и мать, и Вера правы, обвиняя его в лени. Но они обе несколько преувеличивают опасность. Подождите, вот еще немного подрастет Костя, и станет он, как его отец, ударником коммунистического труда. А что? И будет! И портрет его, как портрет отца, машиниста тепловоза, будет красоваться на Доске почета. Вот увидите... Костя представил себе, как он, машинист, шагает на работу. Вместе с ним идут мать и Вера. Им по пути. Возле городской Доски почета Костя нарочно сбавляет шаг: "Между прочим, мам, мой портрет на этой доске". Мать радостно и удивленно всплескивает руками. А Вера смущена. Поделом тебе, зазнавака! А говорила: лентяй... Костя почувствовал удовлетворение от своей предполагаемой победы. А что, он своего добьется, дай школу закончить. А там в техническое... Да еще попасть бы к отцу на стажировку. Костя и теперь почти все части тепловоза знает.

Мать все еще считает Костю ребенком, а ему скоро четырнадцать. Чудные, эти матери! Отец, он по-другому относится к Косте — как к равному. Любит повторять: "Ты мужчина, Костя, а потому..." Отец берет Костю с собой на рыбалку, за грибами. Отец любит реку. Он бывший моряк Тихоокеанского флота, и поэтому, наверное, в нем такая неистребимая тяга к воде. А мама воды боится. И всегда наказывает, когда они идут рыбачить: "Осторожнее на воде, в шторм не плывите, лучше переночуйте на островах". Отец только посмеивается. Плавать научил Костю. Бросил в Амур из лодки и сам плюхнулся в воду рядом. Костя почти сразу поплыл. Ребята не верят, а так и было. Вера тоже хорошая пловчиха. И на рыбалку ездить большая охотница. Ловко подсекает удочкой. Вера учится лучше Кости. Ему бы такие способности! Девчонки вообще лучше учатся, они старательные. Егорка объясняет это тем, что девчонок неохотно берут в техникум или институт, да и в ремесленное больше берут парней. Может, Егор и прав, но Вера способная, тут надо быть справедливым. Восьмой класс на "отлично" закончила, а Егор получил переэкзаменовку.

Егорка живет в, одном доме с Костей. А учится в одном классе с Верой. Он, Костя, Вера и Олег — друзья. Когда-то закадычными были, но за последнее время Егор охладил к Косте: чувствует себя взрослее. А там и разница-то года два. Реже стал Егор бывать у них дома. Однажды встретил в подъезде, остановил, спросил: "Домой идешь?" Словно Костя мог идти не домой, а на чердак, что ли. "Отдай Вере вот эту записку". Костя взял записку, во все глаза глядя на товарища. "А зачем записку, зайди лучше, сам скажи". — "Не все можно сказать, что надо написать", — загадочно проговорил Егор. Отдал. Вера взглянула на него растерянно и даже зло. Костя догадывался, что письмо было, конечно же, любовное, но деликатно об этом помалкивал. Ему какое дело? Вот Олег не то что Егор, остается настоящим товарищем, не задается...

— Он спит, вот бессовестный!

Костя открыл глаза. И верно: задремал, сам не заметил как. Над ним стоит Вера, опершись на тятку. Волосы теребит теплый ветер, брови сердито сошлись у переносицы, синие глаза смотрят строго и осуждающе.

— Спит... Задремал малость, — лениво отозвался Костя, нехотя поднимаясь с мягкого ложа. — А вообще-то, мне не нравится...

— Что именно? — брови Веры изогнулись вопросительно.

— Командовать любишь.

— Я старше.

— Подумаешь...

— Ты еще огрызаться?.. — Вера намеревается схватить брата за вихор, но он ловко увернулся из-под карающей руки и помчался по огороду.

— Не догонишь!

Догнала, крепко схватила за руку. Костя применил испытанный прием — подножку. Забарахтались в ботве, хохоча во все горло. Нет, Вера не только плавать, но и бегать может хорошо, и бороться. Правда, он не всю силу применил, девчонке надо уступить.

— Сдаюсь! — прохрипел Костя, продолжая смеяться. Вера отряхнула пыль с вылинявшего ситцевого платышка, поправила растрепанные воло-

сы, перевязала в пучок на затылке лентой. Вера довольна, что одержала верх, и Костя решил воспользоваться переменной ее настроения.

— Верка, пойдем искупаемся.

— Полоть надо, — нерешительно сказала Вера. Ей и самой давно хочется сбегать на реку, ведь это рядом.

— Мы быстро. Окунемся разика два и обратно...

Река манит Веру своей прохладой, но не в ее характере уступать, тем более Косте. Тогда с ним ладу не будет. Как можно равнодушнее она говорит:

— Ладно, лежебока... Только эти два рядка пройдем. А ну, берись за тяпку!

Костя старается вовсю. Он ожесточенно рубит траву, подгребая рыхлую землю к картофельным кустам. Вера работает неторопливо, но Косте никак не догнать ее.

Так они долго сражаются с сорняками на огороде. Отец Кости называет огород историческим. В самом деле, этот клочок земли на берегу Амура несколько необычен. Зеленым пятном он вклинивается между большими новыми зданиями. Родителей Кости уже предупредили, что в следующем году огород отойдет под строительную площадку. По рассказам отца, огород разработали в тайге первые поселенцы Приамурья, крестьяне из Пермской губернии. Произошло это побольше ста лет назад. Приехали переселенцы на плотах, высадились на берегу, построили избы и сразу же стали корчевать тайгу. С той поры и существует огород. Избы снесли, их место заняли многоэтажные дома, деревенская улица покрылась асфальтом и получила название Пермская.

Костя все же ухитрился закончить свои два рядка первым, так старался. Правда, Вера недовольно хмурила брови, осматривая его работу, но солнце пекло немилосердно, а вода в реке так соблазнительно поблескивала, что Вера не заставила переделывать работу, бросила тяпку и молча направилась к реке. Костя со всех ног кинулся вниз, на отмель, добежал до воды, сбрасывая на ходу майку.

Потом сидели на песке, обсыхали. Вера выжимала мокрые волосы, а Костя подставил солнцу дочерна загоревшую спину. Хорошо! Целый день пролежал бы на теплом песке, слушая равномерные вздохи лениво набегающих на берег волн. Но с Веркой много не належишь. Характер! Через полчаса они снова пололи картофель. Костя опять отставал, часто присаживался, жалуясь то на жару, то на затупившуюся, мол, тяпку. Вера помалкивала, и это злило Костю. Он уже хотел бросить тяпку и отправиться домой, как в это мгновение Вера удивленно вскрикнула, поднимая что-то с земли.

— Костя, иди-ка сюда!

— Ты чего? — спросил Костя, подбежав к сестре. Та держала на ладошке нечто похожее на пятак, почерневший от времени. Костя взял пятак, прикинул на вес — тяжеловата штука.

— Что бы это могло быть? — вслух подумал Костя, с любопытством разглядывая находку. — Похоже на монету.

— Что вы там нашли? — послышался голос.

Вера и Костя разом оглянулись. Над плетнем торчала голова Олега. Он поправил на носу всегда сползавшие роговые очки и повторил вопрос.

— Иди сюда, сами не знаем, что это такое, — позвал Костя.

2. МОНЕТА ЧЖУРЧЖЭНЕЙ

Будь Костя на месте Олега, он бы мигом перемахнул плетень и подбежал к ним. Не таков Олег, недаром его прозвали в школе "профессором". Он чинно прошагал вдоль плетня, не спеша открыл калитку и даже веревочку, коей запиралась калитка, аккуратно надел на колышек. Костя молча протянул монету. Олег осмотрел ее со всех сторон, поскреб ногтем неясно проступающие сквозь темную корку очертания каких-то знаков. Вера и Костя терпеливо ждали. Они почти не сомневались, что Олег разберется в этой находке. У него собрана порядочная коллекция старинных денег. И откуда только ни добывал Олег эти монеты! Он переписывался с любителями нумизматики, однажды ему прислали в обмен несколько монет даже из фонда столичного музея. На одной из них были изображены всадник с копьем и вензель Петра I. Олег пояснил, что вот от этой петровской увесистой монеты и пошло название копейка.

— Что скажешь? — потеряв терпение, спросил Костя.

— Не торопи, дай рассмотреть, — заметила Вера. Она стояла, опершись на таяпку, и выжидающе глядела на Олега.

— Наверно, все-таки, это монета, — рассуждал вслух Олег. — Хотя по толщине и велика, не встречал таких.

Вдруг лицо его просияло, он снял очки, помахал ими и почти шепотом, торжествуя произнес:

— Ребята, а ведь эта штука вполне может оказаться монетой чжурчжэней! Надо ее почистить чем-нибудь, тогда и установим. Ученым покажем.

— Каких чжурчжэней? — спросил Костя.

— Жили такие на Дальнем Востоке, большое у них было государство. Так чем бы почистить? — размышлял Олег, не желая больше распространяться о чжурчжэнях.

Ребят заинтересовало: неужели монета такая древняя? Даже Вера и та забыла, казалось, о роли старшей наставницы и стала обыкновенной девчонкой, сгорающей от любопытства. Такой Вера больше нравилась Косте. Он бы пофилософствовал на эту тему, но сам переживал встречу с чем-то большим и романтическим.

— Сколько этой монете лет? — спросил Костя.

— Веков десять, — уверенно отозвался Олег. И менее уверенно: — Если, конечно, она чжурчжэньская.

— Пойдемте к Егору, — предложил Костя. — Он ее почистит, — и взял из рук Олега драгоценную находку.

И в доме, и в школе Егор славился как мастер на все руки. Он был непременным участником различных выставок детского творчества. Его катамаран в гонках занял первое место, и Егору вручили диплом. К Егору хозяйки несли запасть чайники и кастрюли, он все делал охотно, но, правда, не всегда в срок. Егор — человек настроения. Дед Егора, Александр Николаевич Новицкий, пророчил внуку большое будущее: "Станешь инженером". И всегда при этом добавлял: "Если будешь хорошо учиться. А вот с такими отметками, как у тебя, и в дворники, между прочим, не возьмут".

У Егоркиного подъезда Вера заколебалась, приостановилась, пропуская ребят вперед.

— Может, мы с Олегом зайдем, а ты — домой? — спросил Костя.

Вера внимательно посмотрела Косте в глаза. У нее чуть-чуть порозовели уши. Произнесла отрывисто:

— Это почему же?

— Так, может, тебе некогда, — притворно сказал Костя.

— Не суйся не в свое дело, — отрезала Вера, решительно подошла к дверям квартиры Новицких и нажала кнопку звонка. Дверь открыл Егор. Он держал в руке раскрытую книгу.

— Привет! — сказал за всех Костя и проскользнул в коридор первым. — Егорка, ты нам очень нужен.

— Проходите, — мотнул головой Егор.

— А дед дома? — дознавался Костя,

— Обед готовит. Сегодня его очередь, — ответил Егор. — Да вы присаживайтесь, — пригласил Егор, задержав взгляд на Вере.

— Что за книжка? — поинтересовался Олег. Он не мог равнодушно глядеть на книгу, не узнав, о чем она. В руке Егора был учебник русского языка.

— Зубришь? — понимающе заметил Олег.

— Приходится. Дед сказал: "Не буду я Новицким, ежели не заставлю тебя заниматься систематически и одолеть переэкзаменовку". Режим ввел каторжный. Два часа в день — за книгой. Все по расписанию, как на космическом аэродроме.

Над столом Егора на большом листе крупными буквами написан распорядок дня: "Зарядка... Завтрак... Домаш. дела... Учеба..."

— Дед у тебя... — начал было Костя.

— Дед у него хороший, — прервала брата Вера. Егор с благодарностью посмотрел на нее.

— Я не сказал: плохой, — обиделся Костя и принялся разглядывать книги на стеллажах.

Дед действительно был человеком хорошим. После того как родители Егора умерли, Александр Николаевич заменил внуку отца и мать. Так и живут вместе вот уже десять лет. Александр Николаевич Новицкий много лет строил на Дальнем Востоке железные дороги. Он инженер-путеец. И

дорогу, которая связывает город с остальным миром, тоже строил Александр Николаевич. Всю жизнь он провел в тайге. Несколько лет назад он ушел на пенсию и, чтобы не скучать с ней, он каждое лето уходил в туристические походы. Не один. Брал с собой школьников, студентов. Александр Николаевич создал школу инструкторов туризма. Вот какой дед у Егора, Костя хотел сказать, что дед неплохой... А эта Верка... Всегда она сунется...

Костя любил бывать на квартире Новицких. Настоящий музей. Стены сплошь заставлены стеллажами с книгами, над диваном висят рога лося. На столах, шкафу, серванте установлены чучела птиц. Подоконники завалены образцами руд. В комнате, где спит Александр Николаевич, у кровати мохнатая шкура бурого медведя. Трофей деда.

Олег, заметив настроение Кости, поспешил погасить ссору.
- Мы к тебе, Егор. Надо вот почистить монету. Костя, покажи-ка монету.

Костя молча протянул Егору находку.

— Мы предполагаем, что это монета чжурчжэней, — сказал Олег, правляя вечно спадающие с носа очки.

— Кто здесь вспоминает чжурчжэней? — послышался хриловатый басок. Ребята оглянулись, в дверях стоял Александр Николаевич. Его тучное тело заполняло почти весь дверной проем. Лысая голова, крепкая шея борца; маленькие серые глаза смотрели на людей с постоянным добродушным любопытством. На животе Александра Николаевича смешно подвязан женский фартучек с оборками. В волосатой руке он держал шумовку.

— Да вот ребята деньгу старинную нашли. — Егор подал монету деду. — Говорят, чжурчжэней.

— Ого! Это весьма любопытно. — Александр Николаевич сунул в руки стоящей рядом Веры шумовку и взял монету. — А почему вы решили, что монета именно чжурчжэней? — обратился он к Олегу.

— Старая... — неопределенно ответил Олег.

— Что ж, аргумент солидный, весьма солидный, — в голосе деда послышалась ирония.

— Для монеты, пожалуй, слишком вес тяжелый, — предположил Егор.

— А это не аргумент. Да! Бывают на свете такие монетки, что их с места сдвинуть нельзя. Из камня вытесаны. Так и лежат на земле, время от времени меняя хозяев. — Заметив выражение недоверия на лице юных собеседников, Новицкий подтвердил: — Да, да, молодые люди. Такие деньги существуют и сейчас на некоторых островах Тихого океана. Егорка, — обратился он к внуку, — иди на кухню, там в шкафчике есть кислота, налей немножко в блюдце и опусти монету. Чернь сойдет. Почистим потом пастой.

— А если монета окажется чжурчжэньской? — спросил Олег.

— Это будет ценнейшая находка для науки! — воскликнул Александр Николаевич. — Очень мало найдено предметов чжурчжэньской культуры. Одна монета может рассказать многое о государстве чжурчжэней.

— А кто они были, чжурчжэни? — спросила Вера.

— О-о! Это интереснейшая страница истории нашего Дальнего Востока. Егор, иди убавь под кастрюлей огонь, пусть попреет мясо, — распорядился Александр Николаевич и, усевшись поудобнее в кресле, начал рассказ о чжурчжэнях.

— Лет двадцать тому назад мне пришлось строить железнодорожную ветку возле Уссурийска. Трасса трудная: сопки, лес, мари, речки. И вот в такой-то глухомани один участок поразил меня. Пробралась наша поисковая группа сквозь чащобу, и видим мы довольно широкую просеку. Она точно пришлась на нашу трассу и, естественно, мы воспользовались этим природным подарком. Но чем ближе я изучал просеку, тем больше убеждался, что это древняя, давно заброшенная дорога, творение рук человеческих. Явственно просматривались выемки в склонах сопки, насыпные дамбы в распадках. А в одном месте я обнаружил водосток, предохраняющий дорогу древних от размыва водами ручья. Из замшелого каменного грота вытекал этот ручеек и в наши дни.

Своим открытием я поделился с коллегой, старожилом Уссурийска. Он работал в нашей экспедиции и слыл человеком любознательным, большим

знатоком истории края. Нередко ученые пользовались собранными им сведениями, археологическими находками. Коллега побывал на древней просеке и авторитетно заявил мне: "Вы правы, это древняя дорога. Ее строили чжурчжэни". И, заметив, что я слушаю его с большим интересом, пообещал мне рассказать о чжурчжэнях: "Я покажу вам старое городище чжурчжэней. Оно недалеко от Уссурийска. Это нечто грандиозное, сами убедитесь".

Выдалось свободное время, и мы отправились с товарищем смотреть городище. Оно расположено на правом берегу Суйфуна на Красноярской сопке. Века прошли с тех пор, как здесь жили люди. Но время не стерло следов их огромного труда. Вся сопка была опоясана высокими оборонительными валами. Кое-где валы расположены в несколько рядов. Наверно, тут были наиболее уязвимые участки обороны крепости-города. Во рвах мы увидели кучи каменных ядер. Этими ядрами чжурчжэни отбивались от врагов, стреляя из камнеметных машин.

Непосвященному человеку мало чего говорили холмы, выкопанные в склонах сопки террасы, огромные ямы. А мой коллега, прошедший здесь на раскопках многие недели, с подлинным вдохновением читал древнюю, еле сохранившуюся страницу человеческой истории. Дворцы и храмы были покрыты глазированной черепицей. Осколки ее и сейчас подбирают на месте развалин. Дорогу к главному храму украшали статуи военачальников и императоров чжурчжэней, скульптуры драконов и львов. На каменных стелах, изображавших гигантских черепах, начертаны слова о деяниях императоров. "Запретный город" назывался этот район городища. Тут жила знать. В другой части городища остатки землянок. Наверно, это были жилища воинов гарнизона, ремесленников, слуг. А огромные ямы, ныне ползасыпанные землей, поросшие кустарниками, служили водоемами на случай осады города неприятелем.

— Не утомил я вас, друзья? — спросил Александр Николаевич, вставая с кресла,

— Что вы! — хором отозвались ребята.

— А теперь тащи, Егор, монету, будем чистить ее, — распорядился Александр Николаевич.

Кислота сделала свое дело. Чернь сошла с монеты. Егор недолго тер её пастой, диск зажелтел, и на нем показались мелкие буквы, бегущие по краю.

— Русские! — удивленно воскликнул Егор.

— Что — русские? — спросил Александр Николаевич.

— Буквы. Вот, смотрите, — Егор протянул монету Александру Николаевичу.

Все обступили старика, с любопытством уставившись на диковинную монету. По кругу неровными буквами было выгравировано: "Седьмой особый Ульбинский полк". В центре изображено солнце с лучиками. Над ним буквы побольше: "ДВР". Под солнцем цифра "1920".

— Это историческая штука, дети, полковая печать, — с юношеским жаром проговорил Александр Николаевич. Не меньше своих молодых друзей он заинтересовался находкой. — Принадлежала она полку Народно-револю-

ционной армии Дальневосточной республики. А дата "1920" обозначает, когда был создан полк.

Кусочек металла напоминал о грозных годах гражданской войны, о боях и походах партизан и народоармейцев, о штурме Волочаевки и Спасска. Каждому захотелось подержать печать. Передавали ее из рук в руки.

— А "ДВР" — что такое? — спросил Костя, когда печать легла на его ладонь.

— А ну, кто скажет? — повторил вопрос Александр Николаевич.

— Дальневосточная республика, — сказал Олег.

— Правильно, — подтвердил Александр Николаевич. — В годы гражданской войны и иностранной военной интервенции на советском Дальнем Востоке существовала одно время такая республика как буферное государство.

— Буферное? — переспросил Костя.

— Да, друзья мои. Если хотите, я вам как-нибудь расскажу о ДВР, — пообещал Александр Николаевич. — А сейчас мне хотелось бы знать: как вы думаете поступить со своей находкой?

— Сдать в музей, — сказал Егор.

— Несомненно! И все? — Александр Николаевич с сожалением взглянул на внука.

— Надо обязательно выяснить, как оказалась в земле эта печать, — горячо вмешалась в разговор Вера. Безразличие Егора к ее находке показалось ей оскорбительным.

— Ну, — буркнул Егор.

— Что — ну? — метнула сердитый взгляд Вера.

— А то, что я не досказал свою мысль. Конечно, нужно попробовать разузнать, как она попала на огород.

— Я вижу, вы все одного мнения, — примирительно заговорил Александр Николаевич. — Конечно же, очень интересно узнать историю печати.

— И полка, — добавил Олег.

— И полка тоже, — продолжал Александр Николаевич. — А для этого необходимо что?.. — брови Александра Николаевича поползли вопросительно вверх. Он сейчас был похож на учителя, спрашивающего ученика, нетвердо выучившего урок.

— Нужны логические предположения, — солидно заметил Олег.

— Умница! — похвалил Александр Николаевич, — И какие мы сделаем предположения? Пусть каждый выскажет свое мнение.

— Печать потеряли, — сказал Костя, по школьной привычке встав с места.

— И объявили в газетах: "Утерянную печать считать недействительной", — с издевкой процитировал Егор.

— Могли же потерять? — обиделся Костя.

— По-моему, печать спрятали, — вступил в разговор Олег. — Шел бой, человек, у которого была печать, оказался в окружении. Чтобы печать не попала в руки врагу, он ее зарыл в землю. А человека этого, возможно, убили, а возможно, он позабыл потом место.

Почувствовав на себе вопрошающий взгляд деда, Егор сказал:

— Могло случиться так: какой-то человек с преступной целью выкрал печать. Решил подделать нужный ему документ. Подделал, а печать бросил в огород.

— А я согласна с Олегом, — сказала Вера. — Печать спрятали во время боя. Об этом знал один человек, а он погиб...

Теперь ребята ожидали, что скажет Александр Николаевич.

— Что ж, каждый из вас может оказаться прав, — сказал он. — Попробуем проанализировать ваши версии. Маловероятно, чтобы полковую печать утеряли. Печать — это символ власти, юридическое лицо того, кто ее имеет. В данном случае — полка. Утратить печать лишиться на какое-то время этих прав. И время-то заметьте какое: гражданская война. В газетах не объявишь, прав Егор. Да и печать — воинской части. Она равна полковому знамени, какие уж тут объявления, полк не торговая контора. И украсть ее никак не могли. Я больше склонен согласиться с Олегом и Верой: печать была спрятана. Но есть у меня и серьезное возражение. В районе села никогда, как мне известно, не происходили бои, тем более с участием целого полка.

— Тогда зачем было прятать? — заметил Егор.

— Есть и у меня некоторые мысли, — отозвался Александр Николаевич. — Случилось это в двадцатом, а может, в двадцать первом. Комиссар полка, возможно, начальник штаба с несколькими народоармейцами приехал в село. Причина? Мобилизация в армию сельских парней, а то заготовка провианта. Может, то и другое вместе. В селе немало зажиточных семей. Хлеб отдают нехотя, парней прячут на таежных заимках. Но не прост представитель полка. Сам таежник, крестьянин, знает повадки богатеев, знает их характер. Видят те, что не отвертеться от комиссара, решили избавиться от него. Вызывают из тайги бандитов-дезертиров. Те ночью нападают на избу, где остановились на постой комиссар и его помощники. Завязалась перестрелка. Смертельно ранен комиссар, убиты ординарцы. Теряя силы, комиссар подзывает перепуганную хозяйку дома и говорит ей: "Гражданка, возьми из планшетки бумаги и брось в печь, а печать спрячь. Это полковая печать. Завтра придут наши, передашь..." Хозяйка не хотела или побоялась выполнить просьбу комиссара (или начальника штаба). Выбежала в огород и зарыла печать в грядку.

— А бумаги... планшетка? — спросил Костя.

— Бумаги? Наверно, сожгла, — с улыбкой, предположил Александр Николаевич, довольный, что придумал столь правдоподобную историю.

— А планшетка? — не унимался Костя.

— Планшетку хозяйка оставила себе.

— Откуда вы знаете?

— На то она и хозяйка. Пожалела. Из хорошей кожи сшита была та планшетка. Впрочем, все эти предположения и останутся пока нашими догадками, — продолжал Александр Николаевич. — Я посоветовал бы вам, друзья мои, не откладывая, взяться за раскрытие тайны печати.

— Вы нам поможете? — спросила Вера.

— Чем смогу. Для начала надо установить, кто был хозяином избы и

огорода.

— Так избы-то давно нет! — разочарованно проговорил Костя.

— Изба есть. Погодите-ка, — Александр Николаевич порылся в письменном столе и достал из ящика фотографию. — Вот снимок села. Сам фотографировал, когда сюда приехали первые строители города.

На снимке ряд изб под железными крышами, с резными наличниками на окнах. Деревянная часовня с колокольной. Поспорив, определили избу, за которой находился огород. Шесть окошек избы смотрели на деревенскую улицу. Крыльцо тоже украшено — затейливой резьбой.

— В таком доме наверняка богач жил, — сказал Александр Николаевич. — Надо отыскать хотя бы одного жителя села в городе. Трудно найти. Ведь в те годы все жители села, как только началось строительство города, выехали отсюда в другие деревни Приамурья. А впрочем, я знаю одного старожила. Партизан. Сейчас он стар, постарше меня будет. На охоте я с ним познакомился. Много рассказывал мне о гражданской войне на Амуре. И о селе Пермском. Говорил, что работал здесь по найму у одного богача. Рыбу ловил, почту гонял. В революцию стал партизаном. Все может быть, даже то, что и жил он в этой самой избе.

— А где он сейчас живет, ваш партизан? — спросил Олег.

— В родном своем селе Вознесеновке. Он тамошний коренной житель, — пояснил Александр Николаевич.

— Так это совсем рядом! — воскликнула Вера. — Ребята, давайте поедem завтра в Вознесеновку. Как вы думаете, Александр Николаевич, стоит съездить?

— Стоит. Могут все наши предположения оказаться неправильными, но все же вы сможете ухватиться за нить и узнать потом всю тайну, — сказал Александр Николаевич. — Я вот недавно читал в газете, как школьники одного украинского села разыскали летчика, Героя Советского Союза, которого считали погибшим, и даже памятник ему поставили на месте его гибели. А вдруг вам удастся найти имена героев гражданской войны, восстановить подробности их подвига. Это будет великое дело, милые вы мои следопыты!

— Красные следопыты, — поправил Олег.

— Красные следопыты! — согласился Александр Николаевич. — Так за дело, друзья!

— За дело! — дружно ответили ребята.

— Как зовут того старого партизана? — спросил Олег, приготовив блокнот.

— Да, чуть не забыл! Его звать Иван Евдокимович. В селе его все знают и дом укажут. И еще, ребятки, возьмите-ка эту тетрадь и аккуратно записывайте все интересное, что придется услышать при встречах с людьми. — С этими словами Александр Николаевич подал Вере толстую тетрадь в коленкоровом переплете. — Записи пригодятся для истории. Тот же Иван Евдокимович, какая интересная судьба у человека!

— Вы говорите: при встречах... Разве их будет много? — спросил Костя.

— Все возможно, все возможно.

— А Егора вы отпустите? — осторожно осведомился Олег, невольно

покосившись на листок с расписанием дня. Александр Николаевич поймал этот красноречивый взгляд, усмехнулся и проговорил:

— Отпускаю. Но расписание есть расписание, отменять его не собираюсь. Пусть берет книги и учит в дороге.

Так получилось, что ребята, не сговариваясь, избрали своим вожаком Веру. И тетрадь ей вручил Александр Николаевич, признав в ней самого увлеченного тайной человека. И она сама это почувствовала и потому решительно сказала ребятам:

— Завтра в восемь утра на дебаркадер, и без опозданий.

— Есть без опозданий! — за всех отозвался повеселевший Егор. Он побаивался, что дед не разрешит ему ехать. А так хотелось. И может, тому причина была не только тайна печати, кто знает...

3. ДОМ НА КОСОГОРЕ

Теплоход "ОМ" отчалил от пристани. Берег стал быстро удаляться; все шире становилась полоса воды, отделяющая маленькое суденышко от твердой земли. Под лучами утреннего солнца розовели дома. Тысячами зеркал отвечивали оконные стекла. Много раз видела Вера родной город с реки и каждый раз восхищалась и гордилась его красотой. Восточные кварталы терялись в сиреновой дымке дали — такой он большой! Западные, добежав до озера, смотрелись в его голубую гладь. А над тысячами крыш знакомо горбились темно-синие сопки.

В поездках по реке Вера всегда испытывала праздничное приподнятое настроение. Ей нравились оживление пристаней, непрерывная смена берегов, нравился запах краски, смолы, машинного масла и еще чего-то, напоминающего о морских путешествиях, штормах, приключениях. Но Амур — река особенная. К ней надо относиться с уважением. В штормовые дни огромные волны валами перекатываются по его необозримой равнине, и тогда мелкие катера и лодки спешат укрыться в затишье протоков и заливов.

С придирчивостью обремененного ответственностью человека Вера посматривала на своих подопечных. Костя стоит нахохлившись, словно воробышек, зябко передергивает острыми плечами. "Свежо, надо было ему потеплее одеться", — запоздало подумала Вера. Да и Олег, хотя и храбрится, тоже замерз, губы лиловые. На шее Олега висит фотоаппарат, с которым он последнее время не расстается, — очередное увлечение. А Егор?.. Тот, кажется, чувствует себя превосходно. Рыжие волосы чуть прикрывает выгоревший шерстяной берет. Одет Егор в старенькую вельветовую куртку, спортивные брюки, поношенные белые кеды. Егор привык к путешествиям. Александр Николаевич часто берет внука с собой в таежные походы. У ног Егора лежит рюкзак. На пристани Вера сказала насмешливо: "Ехать-то полсотни километров, а ты словно на Северный полюс собрался". На это Егор ответил; "Идешь на день, рассчитывай на неделю". Наверняка дедовские слова повторял Егор. Дольше, чем других, рассматривает Вера Егора, стараясь делать это незаметно. Смешной он: худой, высокий, руки с

широкими красными кистями торчат из коротких рукавов вельветки. Егор зевает, показывая белые крепкие зубы, изредка поплеывает в воду. Почувствовав, что на него смотрят, косит серыми глазами на Веру. Кивнув головой в сторону Кости, Егор произнес:

— Шел бы он в трюм, замерз парень.

— Верно! Костя, иди в трюм! — приказала Вера, сердясь на себя, что сама не додумалась.

— И рюкзак прихвати, — попросил Егор.

Слабо отнекиваясь, Костя все же подчинился. Взял тяжелый Егоркин рюкзак и отправился в трюм, темный и теплый. Мысленно он обвинял себя в слабости. Вчера, когда Вера сказала, что он, Костя, надоест ей своим нытьем в дороге и потому лучше бы его не брать в Вознесенку, он "встал на дыбы", по выражению матери, и настоял па поездке. "Ну, бывает, что ною, — мужественно признавался он. — Но я буду себя закалять, самовоспитываться". На это Вера заметила: "Болтать ты мастер, посмотрим, каков на деле..." А что он, собственно, плохого делает? Ну, погреемся малость в трюме. Он прилег на свободную скамью и уснул под ровный убаюкивающий рокот дизеля.

Вслед за Костей ушел Олег отыскивать удобную для фотоснимка "точку", как он пояснил. Егор и Вера остались вдвоем.

— А ты чего не идешь погреться?

— Мне не холодно, — повела плечами Вера. Ветерок низовой, а так — ничего.

Помолчали.

— А мы не зря туда едем? — спросил Егор. Спросил, чтобы не молчать. Молчание тревожило его почему-то. С тех пор как он с Костей переслал Вере записку, они еще не оставались наедине. Из школы Вера всегда шла с подругами. Записка... Через два дня Вера, взволнованная и сердитая, встретила его у подъезда и протянула тот злосчастный листок: "Возьми. Не по адресу". И пошла. Егор машинально взял бумажку и так же машинально рвал ее на мелкие клочки. Спросить бы сейчас: почему не по адресу? Но он чувствует сердцем: нельзя говорить об этом.

— Что молчишь, каково твое мнение?

— Приедем, узнаем. Что это с тобой сегодня? — Вера посмотрела пристально и серьезно. Егор не успел ответить, за спиной веселым баритоном сказал кто-то:

— Девушка, что вы здесь стоите? Это величайшая несправедливость на свете! У нас не хватает партнерши, а вы тут скучаете. Идемте, идемте, прошу вас. — Слова принадлежали высокому стройному молодому человеку с черной шкиперской бородкой. Егор застыл от неожиданности. Он перевел взгляд с этого наглеца на Веру. Сейчас она ему скажет, и обладатель шкиперской бородки уйдет как побитый пес. Вот Вера нахмурила брови — признак раздражения... Но нет, она улыбнулась кокетливо и незнакомым, искусственным таким голосом сказала:

— Я плохо танцую.

— Не поверю! — Парень умело подхватил девушку под руку и повел на корму теплохода, откуда доносились звуки аккордеона. Вера послушно шла

с незнакомцем, а он, чуть склоняясь, говорил ей что-то смешное, потому что Вера смеялась, откинув голову.

Возмущенный до глубины души стоял Егор. Может, оглянется Вера? Нет, не оглянулась. Непонятная обида охватила Егора. Броситься на бородатого, оттолкнуть небрежно плечом и сказать: "Извините, вы ошиблись, это моя партнерша". Куда там! Бородатый легко справится с таким недоростком. Только вконец опозоришься. Сознание собственного бессилия — что может быть хуже этого чувства! Егор бесцельно побрел по палубе и встретил Олега. Тот совал ему в руки фотоаппарат, говорил что-то о панораме, выдержке. Егор тупо слушал, не понимая ничего.

— Ты не заболел, Егорка? — участливо спросил Олег.

— С чего ты взял? Так, не выспался...

— Н-да, сегодня рано поднялись, — согласился Олег. И он еще что-то хотел сказать, но Егор, не слушая товарища, стал подниматься по крутой лесенке на верхнюю палубу.

Но и здесь он не находил себе места. "Там Вера танцует с этим..." Все внутри кипело от обиды и злости.

Бесцельно слонялся Егор по теплоходу, забрел даже в капитанскую рубку, но был вежливо выпровожен. "Посторонним не полагается". Да, видать, везде Егор — посторонний... В салоне увидел себя в большом настенном зеркале. Острые плечи, длинные, как у обезьяны, руки, рыжие волосы, не поддающиеся никакой расческе. Конопатый, как у всех рыжих, нос, оловянные глаза. Чучело! Гадкий утенок. Мысленно поставив себя рядом с обладателем шкиперской бороды, вздохнул безнадежно. Бросить все, прыгнуть в воду и махнуть саженками вон до той отмели, где струится дымок над костром и сидят с удочками рыбаки. Как бы не так! Он пойдет сейчас на корму и уведет от этих стилиг Веру. Как он это сделает, Егор не знал, но решительно направился в ту сторону, откуда доносились задорные переливы аккордеона. Остановившись в двух шагах от танцующих, Егор позвал:

— Вера, на минуточку, дело есть!

— Это ваш брат? — чуть склонив голову, с усмешкой спросил бородатый.

Вера будто не замечала усмешки. Она, как показалось Егору, обиженно произнесла:

— Почему брат? Это Егор.

— Так кто он — Егор? — спросил бородатый и нахально уставился на Егора.

— Товарищ... товарищ моего брата Кости... — пролепетала Вера, смущенная общим вниманием танцующей компании. А Егор осмелел.

— Я жду, — повторил он, глядя прямо в глаза бородатому.

— Молодой человек, вы невежливый, — спокойно сказал обладатель шкиперской бородки. — Разве так можно?

— Не учите меня вежливости! — огрызнулся Егор. — Я жду, Вера.

Та оставила партнера и быстро пошла вперед. Егор поплелся вслед, поняв, что переборщил. Он знал нрав Веры и ожидал разноса. Вера облокотилась на перила и, глядя в воду, отрывисто спросила:

— Я слушаю, какое это у тебя важное дело?

Никакого дела не было, и Егор молчал.

— Повторяю: зачем звал? — строго допрашивала раскрасневшаяся Вера. Злость утихла, неловкость совершенного поступка сковала язык Егора. Выручил его Олег. Он появился рядом и направил на них объектив фотоаппарата.

— Ты, Вера, встань вот так, ты, Егор, обопрись на перила. Поближе, поближе. Отлично! Классный снимок получится. Улыбочку, улыбочку, не так серьезно, друзья. Больше оптимизма! Готово!

Милый очкастый друг! Вовремя подоспел. Не любил сентиментальничать Егор, но на этот раз готов был расцеловать товарища. И Вера вроде оттаяла, заулыбалась, обычное ровное настроение вернулось к ней. Отпала и угроза новой встречи с бородатым. Капитан громко объявил по радио, что теплоход приближается к пристани Вознесенки. На высоком песчаном берегу забелели крыши домов. На барже, которая служит дебаркадером, толпится народ, готовится к посадке. Чуть в стороне от села ребята заметили серую иглу обелиска-памятника. За селом тайга, еще дальше — голубые вершины Сихотэ-Алиня.

— Добрались, — примирительно сказал Егор, тронув Веру за локоть. Она пристально посмотрела ему в глаза, так пристально, что Егору стало жарко,

— Ты что взбеленился там, на теплоходе? — тихо спросила Вера.

Егор молчал. Он и сам не знал, что такое с ним произошло. Но знал, что иначе поступить не мог. И все. Как объяснишь? А Вера ждала. Она отвела глаза и вздохнула, а когда опять взглянула на Егора, то снова была такой же Верой, хорошим товарищем.

— Обиделась? — спросил Егор.

— Ладно, забудем, — великодушно сказала Вера. — Готовься, ребята, сейчас будем сходить.

Она, пожалуй, не видела, как с палубы теплохода, навалившись на перила, прощально махал руками бородатый парень. Егор торжествовал, ему даже хотелось показать язык бородатому, но он сдержался. И уже очутившись на берегу, Егор еще не совсем освободился от мыслей, вызванных неприятным инцидентом на теплоходе. Из задумчивости его вывел Костя. Тронув Егора за руку, он повторил:

— Рюкзак возьми, Егорка. Тяжелый он.

У начальника пристани ребята спросили, как пройти к дому Ивана Евдокимовича.

— Знаю такого. Наш коренной амурец. Вон, на косогоре домик его, приметный. Дымок идет из трубы, стало быть, Иван Евдокимович дома. Да он последнее время все больше дома находится, приболел старик.

Калитка усадьбы Ивана Евдокимовича была заперта. Егор постучал, запоздало залаяла собака. Вера отодвинулась от калитки подальше. Она боялась собак. Пес гавкал и хрипел, звеня цепью. Стукнула дверь, кто-то прошел по дощатым мосткам и приоткрыл калитку. В проеме появился высокий, чуть сутуловатый старик. Вопросительно смотрели из-под нависших бровей тусклые глаза.

— Кто такие будете? — глухим голосом спросил старик.
— Нам Ивана Евдокимовича, — выступил вперед Олег.
— Я Евдокимович, заходите, — старик посторонился, пропуская гостей во двор. Крикнул на пса, и тот живо убрался в будку.
Ребята зашли в маленькую кухню. Старик усадил гостей на лавку, для Веры принес старинный венский стул.
— Я нас слушаю. — Иван Евдокимович разгладил седые усы.
Друзья переглянулись, Вера начала объяснять причину визита.
Старик слушал, не перебивая, прислонив ладонь к уху. Наверно, туг на ухо хозяин дома. Его усталое лицо, изборожденное глубокими морщинами, не выражало никаких чувств. Когда Вера закончила рассказ, Иван Евдокимович спросил:
— Как Александр Николаевич изволит здравствовать?
Вера сказала, что он здоров и что еще ходит в туристические походы.
— Орел мужик, орел, — сказал Иван Евдокимович. Давненько с ним знакомы. И не однажды хаживали по тайге-матушке. Теперь-то я отбегался, ноги...
— Вам приходилось что-нибудь слышать про Ульбинский полк? — спросил Олег.
— Нам хотя бы некоторые подробности, — вмешался Егор.
— Подробности... — повторил Иван Евдокимович, потирая лоб сухой ладонью. — Ульбинский? — старик оживился, голос покрепчал. — Знал такой полк. Как же, был Ульбинский. Партизанский полк. Я ведь сам партизанил. До Тихого океана прошел с боями от самого Амура.
Вера достала из сумочки фотографию села Пермского и подала ее Ивану Евдокимовичу.
— Вы не смогли бы сказать нам, кто жил вот в этом доме?
Старик пошарил в кармане куртки, вытащил очки в роговой оправе, надел их и стал внимательно рассматривать фотографию.
— Как же, село знакомое. Соседи. Работником там жил года два, однако, — вспоминал Иван Евдокимович. — Невесту в том селе взял. Уже после гражданской.
— А вот в этом доме, возле часовни, кто жил, не помните? — допытывалась Вера.
— Кто жил... кто жил... — повторял Иван Евдокимович, словно не мог понять суть вопроса.
— Мы предполагаем, что в этом доме кулаки могли убить комиссара полка или кого другого и взять у них печать, — продолжала Вера.
— Могли, могли... — безучастным голосом вторил старик. Он глубоко задумался и, казалось, забыл обо всем на свете. Гости не решались нарушить молчания. Но вдруг Иван Евдокимович встрепенулся, посмотрел на ребят добрыми глазами и извиняющимся тоном сказал:
— Виноват, молодые мои товарищи. Находит на меня. Склероз... врачи говорят. Просто старость. И контузия... Под Спасском. Забываться стал. Имена, числа забываю, годы... Простите, вы о чем спрашивали? А, вспомнил! Я сейчас, посидите минутку. — Иван Евдокимович скрылся в соседней комнате.

— Ребята, не задавайте слишком много вопросов. Видите, человек болен, — предупредила Вера. — Пусть сам выскажется.

Иван Евдокимович вернулся, держа в руках что-то завернутое в тряпицу. Бережно развернул тряпку и подал предмет Олегу, сидевшему рядом. Предмет оказался револьвером. Он был смазан, вороненое дуло угрожающе глянуло на Олега.

— Не заряжен... Дареное оружие... Вы про комиссара спрашивали? Так вот сам комиссар Шерый вручал... перед строем... — припоминал Иван Евдокимович. — Вот, обратите внимание: пластинка. Надпись есть.

Олег вслух прочитал надпись: "Герою-партизану Ивану Васильеву за отвагу".

— Славный человек был комиссар. Погиб, — сказал Иван Евдокимович.

— А где он погиб? — нарушил уговор Костя.

— Здесь, на Амуре, в соседнем селе. А похоронен в Вознесеновке. Идемте-ка, ребятки, я покажу вам его могилу.

По дороге, борясь с одышкой, Иван Евдокимович продолжал говорить о комиссаре:

— Ивана Ивановича Шерого весь Дальний Восток знал. Поискать таких героев. Сокол был, сокол! Сам Постышев с ним советовался. Ценил комиссара Шерого. Я вам потом все расскажу. Погиб Шерый. Почти на моих глазах погиб сокол... В соседнем селе было...

Тропка вела на окраину села. Пригревало солнце. По синему небу плыли облака. Ноги путались в высокой траве, временами почти скрывавшей утрамбованную тропинку. У старых лип, широко разбросавших ветви, стоял серый обелиск. Его игла торжественно тянулась к небу. У подножия обелиска цветничок. Иван Евдокимович первым приблизился к могиле, обнажил лысую голову.

"Комиссару партизанского отряда Ивану Ивановичу Шерому..." — прочитали друзья надпись на обелиске.

В почтительном молчании стояли у могилы героя гражданской войны старик, трое мальчиков и девочка. Старший вспоминал прожитое, подводил мысленно итог своей жизни, юные проверяли себя: "А мы сможем, как комиссар Шерый?" Ну конечно же смогут! Они внуки бесстрашного комиссара, они дети русского народа, всегда отличавшегося бесстрашием, революционностью. Они смогут! У них всегда есть пример самоотверженного служения Отчизне, много примеров, миллионы. Придет время, и они, нынешние школьники, внесут свое в величие и славу земли отцов. Сейчас им понятнее и ближе слова учителя истории, рассказывавшего о борьбе дальневосточных партизан за их светлое будущее, за их счастливое настоящее. Ребятам казалось, что они слышат трубный призыв революции: "Вперед, за власть Советов!" Идет в последнюю атаку партизанская цепь, и впереди комиссар в кожаной тужурке, с маузером в руке. Пусть упадет он, сраженный вражеской пулей, солдаты революции сомнут врага. Смерть комиссара-большевика станет победой.

— И смерть Шерого приблизила поражение врага, — тихо проговорил Иван Евдокимович.

Вера вздрогнула от неожиданного совпадения мыслей своих с мыслями старого воина. Она тихо приблизилась к памятнику и положила к его подножию букетик полевых цветов, собранных по дороге.

На обратном пути Иван Евдокимович все говорил о партизанах, называл имена живых и погибших. Его воодушевляло трепетное внимание юных гостей, и старик словно спешил высказать все, что знал о прошлом, ставшем давно легендарным.

Вечерело, когда наши друзья собрались за столом под дикой яблоней возле домика Ивана Евдокимовича. Комары сегодня особенно неистовствовали.

— Перед дождем лютуют, — рассуждал Иван Евдокимович. — А мы их дымком. Сейчас дымокур расшаманим. Вот так. Под дымок садитесь, ребята. Не бойтесь дымка. Значит, вам рассказать о комиссаре Шером. Записывать будете? Записывайте, ребята. Надо, чтобы люди знали, какой был человек Иван Шерый. Особенно вы, люди молодые. О нем бы песню надо написать, и напишут, сложат когда-нибудь...

Готовясь к беседе со старым партизаном, ребята уговорились: дневник станет вести Олег. У него всегда отличные отметки по сочинению. Олег — редактор стенной школьной газеты, он к тому же стихи пишет.

Олег пододвинул поближе фонарь "летучая мышь", раскрыл тетрадь.

4. КОМИССАР

Первая запись в дневнике следопытов, сделанная Олегом Лисицыным со слов партизана Ивана Евдокимовича Васильева.

— Иван Иванович Шерый человек был необыкновенный, особенный. Сам он родом из Минской губернии. Бедно жил. Отец умер, Иван один содержал семью.

Пастухом у помещика работал, потом в гончарной мастерской у купца. А потом подался на Урал, на рудники. Но и тут не сладкая жизнь. Прослышал Иван Шерый о том, что привольные земли есть на Амуре и что туда можно переселиться, потянуло парня в неведомые края. Сговорился с другими мужиками, земляками своими, и вызвался в ходоки, новые земли высмотреть на Амуре. Нашел такое место Шерый на берегу глухой амурской протоки, что вытекает из озера. Земля подходящая, рыбы полно, тайга зверьем богата. Жить, можно. За год до начала первой мировой войны приехали пятьдесят семей, стали обживать. По совету Шерого селу дали название Синда. Умели работать белорусские мужики. Дома тесовые поставили, школу выстроили, целину подняли. Вроде и жить можно стало. Да война помешала. Один за другим уходили на фронт синдинцы. В 1916 году забрали в армию Ивана Шерого.

После революции вернулся солдат Шерый в родное село. На фронте большевиком стал. Еще большим уважением стал пользоваться у мужиков. Я как раз тогда впервые увидел Ивана Ивановича. Сам-то я из Вознесен-

ки, а в Синде у крепкого мужика в работниках состоял. Однажды веду лошадей на водопой, повстречал человека в кожанке, кожаной фуражке, маузер в деревянной колодке по ноге бьет. Ну, красив человек! Глаза вытаращил, смотрю. А он понял, наверно, что амуниция его мне приглянулась, и говорит с улыбкой:

— Что, паря, хороша, тужурка?

— Больно хороша, — отвечаю.

— А ты сам кто будешь? Что-то таких парней не встречал в Синде.

— В работниках я там.

Нахмурился человек и говорит:

— Вот пакость — кулачье это. Не успело село опериться, и кулак завелся. Ну ничего, паря, кулачью и прочим захребетникам мы хвост накрутим. Понял? Власть теперь советская, наша власть. Мы вот коммуны организуем, к нам перейдешь.

И еще что-то говорил, не помню сейчас, но после того я как на крыльях летал. Вот она, рядом, новая жизнь!

Рядом, паря... Но и враги рядышком стояли. В восемнадцатом захватили Хабаровск калмыковцы и японцы. Началась гражданская война. Поднялся народ против беляков и их хозяев из-за моря. Кое-кто полагал, что война обойдет стороной Синду. Уж больно место глухое. Иван Шерый таких страусами назвал. Птица есть, говорит, такая в Африке. Голову сунет в песок и думает, что от охотника спасется. А он ее за хвост. Готовиться к жесточайшей борьбе с беляками — наша кровная задача, говорит.

В курсе всех событий на Дальнем Востоке был Шерый. Потом я узнал, много лет спустя, что он связь держал с большевистским подпольем в Хабаровске через брата своего, тоже коммуниста, Степана. Тот тайно приезжал в Синду.

Прав оказался большевик Иван Шерый. Летом 1919 года в Синде появились калмыковцы. Они забирали у мужиков лошадей, повозки, фураж. Кто сопротивлялся, шомполами били. А уехав, наказали старосте, моему хозяину: мобилизовать в калмыковские банды всех парней призывного возраста. Тот рьяно взялся за дело. Первым в список попал я.

— Истинную Россию будешь защищать, дурак, — сказал мне хозяин. — Большевиков и красных бить.

Хоть я и молод был, а понимал, за какую истинную Россию стоят староста и калмыковцы. Целый день рыскал мой хозяин по хатам, список писал. Довольный возвращался домой. Идет возле хаты Шерого, а там толпа народу. Обсуждают что-то громко. Подошел староста, насупился грозно:

— Что за сборище? А ну, разойдись!

— Не сборище, господин-староста, а собрание граждан села Синда, — говорит ему Шерый. — Слышал я, ты списки составляешь. Давай сюда, ознакомить надо. Да пошевеливайся, гнида!

Побелел староста, протянул список. Шерый, не торопясь, порвал бумагу.

— А теперь, — обернулся он к мужикам, — свой список составим. Кто добровольно вступает в партизанский отряд? Белых гадов бить будем...

В тот день многие записались в партизаны. А я первым. Побывал Иван Шерый в Челнах, Вятском и других селах, агитировал дать отпор белогвардейцам и японцам. Отовсюду, приходили в Синду новые бойцы. Синда центром партизанским стала. Вскоре в Синду пришел матрос-большевик Даниил Мизин. С ним десяток партизан — все, что осталось от отряда: принял он бой под Хабаровском. Беляков было вдесятеро больше, да и оружие у партизан — одни берданы охотничьи.

О Данииле Мизине мы уже были наслышаны. Орел парень. Комиссаром Амурской флотилии стал сразу после революции. Объединились наши отряды. Мизина выбрали командиром, Шерого — комиссаром. А отряд назвали "Первый морской отряд партизан". Почему морской? Моряк нами командовал. Да и воевать нам приходилось больше на Амуре. А чем не море наш Амур-батюшка?

Учет оружию произвели. Посмотрел Мизин на наши пять бердан, двенадцать винтовок, шесть фанат и несколько дробовых ружей, сказал:

— Негусто, ребята. Надо оружие добывать.

Сделали мы налет на волостную полицию села Троицкого. Винтовки достали, патроны. А продовольствие крестьяне охотно давали, так что воевать можно.

Послали меня в дозор. Пост мой оказался в густом ивняке, на берегу небольшого заливчика. В этом месте неширокая старица Амура. Залез в кусты, сию, даже подремывать начал от скуки. Жду, когда смена придет. Вдруг вижу, из-за поворота показался катер. За кормой на буксире несколько лодок. Так у нас рыбаки отправляются на тонь. Притаился, жду. Катер причалил к берегу почти возле моего поста. Верно, рыбаки. Одеты по-рыбацки, сети на палубе, в лодках сети. Человек двадцать народу в лодках и на катере. Всматриваюсь, глаз в юности у меня был острый, не узнаю никого из людей. Странное дело. Уж я-то почти всех рыбаков на сотню верст вверх и вниз по Амуру знал с самого детства. Хотел выйти спросить, откуда их черт принес в наши края. Удержался, наблюдаю. Вдруг вышел на палубу высокий человек в дождевике, огляделся и сказал негромко:

— Выставить дозоры...

Смекнул я, что здесь дело нечистое. Зачем рыбакам дозоры выставить? А вдруг это переодетые беляки? Решил: мешкать нельзя, нужно доложить в штаб. А штаб рядом, за сопкой. Доложил. Мизин собрал отряд, сам вывел его к заливу. Дозорных белых сняли без шума, а рыбаков захватили на берегу, как раз чаевничали гости. Догадка моя подтвердилась. "Рыбаками" оказались переодетые калмыковцы-каратели и с ними полковник — контрразведчик Гроссевич. Зубами скрипел от злости полковник:

— Глупо попались!

— Всех переловим, господин полковник, — сказал Гроссевичу Мизин.

Мне тогда Мизин и Шерый благодарность объявили перед строем. За сообразительность. А я героем себя чувствовал. Что ни говори, а ликвидация группы контрразведчиков была первой боевой операцией нашего молодого партизанского отряда. Да еще какую гадину сразу заарканили: самого изверга Гроссевича.

Из подпольного центра отряд наш получил задание: мешать передви-

жению транспорта белогвардейцев и японцев по Амуру, срывать связь Хабаровска с Николаевском, где засели беляки и япошки. Развернулись мы тут всюю. Телеграфные столбы спиливали, провода рвали, знаки навигационные переносили. Идет пароход, смотришь, сел на мель. Наш! Не раз огнем с берега из засады брали катера с белогвардейской охраной. Калмыковцы решили уничтожить наш отряд. В начале сентября, как раз в кетовую путину, помню, утром это было, подошли к Синде канонерка и два морских катера, да еще пароход. Сотни солдат прибыли. Нашему отряду не под силу бой вести с таким сильным противником. Пришлось отступить в тайгу. Всех жителей увели с собой. Остались только два старика. Разграбили село белогвардейцы, сожгли все хаты, а стариков пытали и расстреляли потом.

Мизин и Шерый решили вести отряд на зимовку в село Малмыж. Там укрепились. У белых транспорт с мукой отбили. Склад тайный в тайге устроили. Это недалеко от Иннокентьевки. Мы и это село очистили от врага. Большой бой там приняли. И как в Синде, сюда прибыли каратели с канонерками и катерами. Снова бой. Много тогда истребили беляков. Но мы отступили, чтобы привести в порядок отряд, пополнить его.

Остановились в глухом распадке, неподалеку от Амура. Устали все, мокрые и голодные. Дождило очень в ту пору. Но народ в отряде бывалый, таежный. Шалаши соорудили, землянки выкопали. Порешили выждать, разведать обстановку и напасть на калмыковцев, где скопится их побольше. Мизин направил группу бойцов за продовольствием на тайный наш склад.

Как-то ночью будит Шерого Мизин. Я с комиссаром в одной землянке спал. Слышу, шепчет Мизин:

— Беда, Иван, разворовали склад. Какой-то подлец прознал про наш тайник.

Долго молчал комиссар. Потом говорит:

— Выход один — в Иннокентьевну возвращаться. Каратели, пожалуй, покинули село, А нет, драться будем.

— Разведка нужна точная, — сказал Мизин. — Я пойду.

— Ну уж нет, Данила. В разведку пойду я. И не спорь, пожалуйста. Ты командир, место твое в отряде. Подбирай добровольцев.

— Меня возьми, Иван Иванович! — встрепенулся я.

— Не спишь, тезка? Секретный разговор командования подслушиваешь? Да я тебя, стервеца, в трибунал! — с шуговой угрозой прикрикнул комиссар. А я уже поднялся, шапку натягиваю на голову, винтовку свою в углу шарю.

— Иди, Иван, собирай ребят. Добровольцев подбирать будем, — приказал Мизин.

Скоро у костра собрался весь отряд. Одеты, как кому повезло: кто в шинелях, с оторванными погонами, кто в полушубках или телогрейках-ватниках. Иной щеголял в бекеше с бобровым воротником: золотопромышленник, видать, бросил, удирая к белякам. На головах лохматые шапки из овчины, картузы, кожаные фуражки, повитые красными лентами. Народ весь ладный такой, веселый, говорливый. Словно не они

только что бились с калмыковцами, потом шли многие версты по таежному бездорожью в аховской обуви на стертых ногах да еще на голодное брюхо. Кремень народ был, скала!

К костру подошли Мизин и Шерый. Даниил Мизин — рослый, черноусый красавец, в матросском бушлате, кожаной фуражке, тельняшка видна в прорезе расстегнутой гимнастерки. Стоит, освещенный красным пламенем костра, чуть раскачивается на крепких ногах, словно на палубе боевого корабля. Мы все примолкли, ожидаем, что скажет командир. На Иване Шером тужурка кожаная блестит, как лакированная, от дождя. Переглянулись комиссар с командиром, Даниил руку поднял.

— Ребята, — сказал Мизин. — Сами понимаете, туго нам приходится. Скрывать не буду: с провиантом дело — полнейший швах...

— На кедровых орешках проживем, рябчиков станем бить, — крикнул кто-то из тех молодых, кому всегда весело.

— Воевать надо, беляков бить, а не рябцев, — возразил ему старый партизан. — Вон в селах что творится. Хаты жгут, людей изничтожают, гады золотопогонные!

— Правильно, воевать надо! — поддержал его Мизин. — Это я о провианте, чтобы пояса не ослабли, чтобы животы в строгости держал всяк, — под общий смех пояснил командир. — А задача наша такая. — Мизин качнулся чуть вперед. — Выбить беляков из Иннокентьевки. А там и провиант и боеприпасы есть кое-какие. Белогвардейцы небось не палками воюют, поделятся с нами.

Опять дружный хохот в ответ.

— Внимание, товарищи! — повысил голос командир. — Сегодня пошлем разведку в район Иннокентьевки, нужны добровольцы.

Вперед выступили десятка два партизан.

— Двух нужно, — поднял руку Мизин. — Иван Васильев идет и Степан Куликов, — указал он на меня и еще одного парня. Оба мы в солдатских шинелях, у калмыковцев разжились. — Остальные — отдыхать. Но недолго. Оружие проверить, обувь. Быть готовыми к выступлению. Разойдись!

Мизин провожал нас до самой реки. Обнял каждого. Прижал крепко к груди Шерого, промолвил глухо: — Будь осторожен, Иван, к волкам идешь...

— Не впервой, Данила. Ожидай, к утру обернемся, чай готовь, — сказал Шерый и обратился к нам: — В лодку, ребята, гребите тихо, не курить, не говорить громко...

Уселись в плоскодонку, взяли за весла. В пяти шагах ничего не видно: туман, белесый такой. Думаем себе: "Хорошо в тумане, незаметно подберемся". Однако туман скоро рассеялся: ветерок подул низовой, разогнал его. Сквозь рваные осенние тучи показывалась луна. Вот некстати! Держались ближе к берегу, винтовки наготове. Шерый подбадривает нас, говорит негромко, что беляки против незащитных граждан смелые, а так они по ночам на пароходах и баржах отсиживаются, боятся партизан, гады.

Пристали к берегу у сопки, неподалеку от Иннокентьевки. Комиссар шел впереди. Приметили мы, что сильно припадает на ногу комиссар. Ранен он был в германскую. Видно, рану разбередил в походе.

— Не ходи́ть бы тебе, товарищ комиссар, — сочувственно сказал Куликов. — Нога-то...

— Вперед смотри, Куликов! — строго оборвал его комиссар. — Зорче смотрите, ребята.

Не повезло нам в ту ночь. Хотя и шли скрытно, первыми обнаружили нас калмыковцы. Оказывается, они держали реку под неослабным наблюдением. Дали нам отойти подальше от реки, потом слышим, орут: "Эй, кто там, сдавайся, стрелять будем!" Комиссар остановился, присмотрелся к бегущим белякам — со всех сторон окружают. Через несколько минут отржут нас от реки, и тогда всем конец. А Мизин ждет... Отряд может попасть в ловушку.

— К лодке, живо! — скомандовал Шерый. Мы бросились к реке. Дал нам отбежать комиссар, сделал несколько выстрелов по белым. И те палить начали. Залегли и стреляют. Шерый круто повернулся, чтобы за нами бежать, упал. Видно, ногу раненую подвернул неловко. Мы к нему было метнулись, подобрать хотели. Но белые уже бежали к нему, пригнувшись к земле, вот-вот схватят комиссара.

— Назад, к лодке, застрелю! — что есть силы крикнул нам комиссар. Мы — снова к лодке. Запрыгнули, ударили в весла, лодка поплыла. Оглянулись, видим, обступили нашего комиссара белогвардейцы, а он рукояткой нагана отбивается... С берега палят, а мы пулю не замечаем, что над головами как шмели жужжат. Это беляки стреляют. Да при лунном свете разве попадешь...

Потом от жителей Иннокентьевки мы узнали, как погиб наш комиссар.

...Очнулся Шерый в полуразрушенном сарае. Сквозь дырявую крышу виднелось серое осеннее небо. В проеме ворот стоят офицер-калмыковец и несколько солдат.

— Встать! — заорал офицер на комиссара.

Ногой в бок пнул со злостью, но не почувствовал комиссар боли: все тело горело как в огне. "Беспамятного били сволочи", — мелькнуло в пылающем мозгу. Офицер повторил приказание. Подскочили солдаты, подняли Шерого на ноги. Но стоило им опустить руки, как тот снова упал на землю. Тогда Шерого привязали веревками к столбу.

— Комиссар? Разведчик? Рассказывай все, большевик! — бесновался офицер.

— Сам знаешь... говорить не буду, — пытаюсь улыбнуться окровавленными губами, отвечал комиссар. — Расстреливай...

— Нет, ты у нас заговоришь. Пискунов умеет учить...

Долго били Шерого шомполами, кололи штыками, прижигали лицо папиросами. Комиссар несколько раз терял сознание. Его обливали холодной водой и снова принимались истязать. Но ни одного слова не сказал палачам комиссар, ни одного стога не вырвалось из его груди. Четверо суток пытали Ивана Шерого белогвардейцы. Потом подвесили к мачте парохода за руки. Висел он так по несколько часов. Снимали его, обливали водой и опять подвешивали... Калмыковцы хотели устроить население сел, мимо которых шел их пароход. Но бандиты и сами

не могли без страха смотреть на этого человека. У села Вознесенка пароход остановился. Офицер-контрразведчик Пискунов еще раз попытался вырвать признание у комиссара. Тот только с ненавистью произнес:

— Конец вам скоро, гады...

На ночь Шерого бросили в трюм баржи. А вскоре к нему впихнули молодого парня. Парень чиркнул спичкой и, увидев окровавленного человека, закричал от испуга, попятился к выходу.

— Кто? — с трудом выговорил Шерый.

— Арестованный... Вознесенский я... — пролепетал парень.

— А ты не насадка? Врешь, не обвести меня Пискунову... Ничего не узнает, — словно в бреду, промолвил комиссар. "Наседками" в те времена называли провокаторов. Понял парень, за кого его принял избитый человек.

— Шатохин я, Андрюшка, — торопливо объяснял парень. — Брат в партизаны ушел, меня арестовали, пытаются, где брат.

— Если так, не выдавай брата, — Шерый тяжело дышал, еле выдавливая слова. — Страшнее предательства, парень, нет ничего на свете...

— До последнего буду стоять. А ты кто, милый человек? Может, уцелею, то передать что кому? Слышишь ты меня?.. — тормозил затихшего товарища Шатохин. Но тот молчал, снова потеряв сознание.

Утром жители села видели, как по сходям на берег солдаты волокли истерзанного человека. Незнакомца привязали колючей проволокой к штабелю дров.

— Последний раз спрашиваю: будешь признаваться?

У офицера дрожали губы. Комиссар взглянул на небо, потом вокруг, словно впитывая в себя родные амурские дали, и сказал внятно:

— Ваша смерть за плечами стоит. И земля вас не примет... народ отомстит сполна...

Офицер вздрогнул, заорал:

— Взво-о-од, пли!

Через сутки, когда белые ушли, похоронили комиссара на окраине села под вековыми липами. Один из жителей, державший связь с партизанами, сказал верным людям, что убитым был Иван Иванович Шерый. В те дни многие жители Вознесенки ушли в тайгу к партизанам. И смертью своею агитировал за Советскую власть Иван Шерый.

Мы со Степкой возвратились в отряд и сообщили тяжкую весть Даниилу Мизину. На того смотреть было страшно.

— В поход, комиссара выручать, братцы! — объявил он. Не мешкая выступили. Однако не скоро попали мы в Иннокентьевку. Отряду пришлось выдержать несколько стычек с белогвардейцами и японцами. Мизин появлялся в самых опасных местах боя, подбадривал партизан.

Взяли Иннокентьевку. Жители рассказали нам об издевательствах белогвардейцев над комиссаром. Повели в сарай, забрызганный кровью. Уж на что железный был человек Даниил Мизин, не сдержался, заплакал. Потом вышел из сарая, сказал:

— Страшной платой заплатят белые за смерть нашего комиссара! Клянемся же беспощадно мстить врагам народа! Клянемся не выпускать

из рук оружия, пока не уничтожим всех этих кровавых собак!

— Клянемся! — прогремело в ответ.

...Через три года спихнули в океан остатки белых банд и всякой иностранной нечисти защитники Советской власти на Дальнем Востоке. Дошел до Тихого и наш морской отряд, созданный комиссаром Иваном Ивановичем Шерым и Даниилом Мизиным. Клятву свою мы сдержали...

Иван Евдокимович надолго умолк, забыв о собеседниках. Наверно, он сейчас думал о своем комиссаре, о былых боях, скорбел о павших товарищах. Кто знает...

Приближалась ночь. Ярко светились холодным светом звезды в темном небе. Созвездием казалась и россыпь огней на левом берегу реки. Это Амурск.

— Растет город-то не по дням, а по часам, — заговорил Иван Евдокимович, указывая в сторону Амурска. — Люблю смотреть на его огни. Бывало, сидим где-нибудь в тайге, холодно, голодно, неудобно, дождь осенний за воротник каплет. Оружие чистим, готовимся к бою с беляками. А комиссар Шерый рассказывает нам, какая жизнь настанет великопная на земле, как только врагов прогоним, изничтожим. Новые села построим, дороги, вспашем земли, пшеницей засеем... Да что села! Города возведем. Все так исполнилось, как о том мечтал комиссар. Вон они, города-то: Комсомольск, Амурск, Солнечный... А то ли еще будет на нашей амурской земле, кровью и потом нашими политой! Чудесным садом станет, все наше Приамурье, весь наш Дальний Восток. Эх, ребятки! В хорошее время вы живете. Радуюсь душевно я вашему счастью, но не завидую. Нет. Мы тоже знали счастье — счастье борьбы и победы, счастье зачинателей новой жизни.

Иван Евдокимович явно устал, да и растревожили старика воспоминания. Как же поделикатнее узнать у него про Ульбинский полк? Ведь он обмолвился, что слышал о таком. Вера решилась:

— Иван Евдокимович, а что вы можете сказать нам про Ульбинский полк? Вот мы нашли печать... — начала разъяснять Вера.

— Подожди, подожди, припоминаю, — прервал ее Иван Евдокимович. — Был такой полк, был. Ульбинский. Я-то не служил в том полку. У меня дружок один был в Ульбинском рядовым. Вот он сможет вам рассказать. Он знает. Боевой был полк. В Забайкалье действовал против Семенова. Геройский полк.

— А где ваш товарищ, найти его как? — уточняла Вера.

— Товарищ-то? Кажется, в Амурске сейчас живет. На пенсии он. И раньше, когда на месте Амурска деревня Падали была, жил там, рыбачил в колхозе. Одно время председательствовал.

— А звать его как?

— Фамилию не помню, давно его не встречал. А имя ему Трифон. Нанаец он. В молодости отчаянный парень был, боец настоящий.

Укладываясь спать на сеновале у Ивана Евдокимовича, ребята уговорились завтра отправиться в Амурск на поиски Трифона. Тем более здесь совсем рядом, переехал реку — и Амурск.

5. ТОНКАЯ НИТЬ

Утром наши друзья распрощались с Иваном Евдокимовичем. На берегу без труда нашли охотника перевезти их в Амурск. Вознесенский житель как раз собирался туда по делам. Взревел сильный мотор, и металлическая лодка понеслась к противоположному берегу. Мальчики восторгались быстрым ходом лодки, а Вера размышляла над тем, что так-таки они и не узнали пока ничего. Даже кто жил в доме и владел огородом, не смогли установить. Утром Вера еще раз показывала фотографию Ивану Евдокимовичу. Но он сказал:

— Нет, доченька, не помню. Я вам советую поспрашивать у бывших жителей Пермского, они в других селах еще должны оставаться, как же. А вот что не убивали там комиссара или другого кого-либо, это точно. И боев там не бывало, ни малых, ни больших сражений. Миновали они это село.

Ребята не бывали до этого в Амурске и с любопытством смотрели сейчас на стремительно приближающийся крутой скалистый берег, поросший монгольским дубом, кленом, орешником. Многоэтажные белые здания в густой зелени деревьев ярусами лепились к склонам сопки, на которой и построен Амурск. Над крышами города главенствовала ажурная телевизионная вышка, поставленная на вершине сопки. И во многих местах маячили стрелы башенных кранов.

Ребята шли по прибрежной улице, глаза по сторонам. На скалистом уступе, вдающемся в реку, стоял гранитный обелиск, обнесенный оградой из кованых цепей. "Памяти ветеранов гражданской войны на Дальнем Востоке" — гласила надпись на бронзовой доске, прикрепленной к обелиску.

Отсюда, с мыса, окрестность просматривалась на десятки километров. Сверкали на солнце воды широко разлившегося, разделенного на множество рукавов и протоков Амура. Сочно зеленели бесчисленные острова. На правом берегу белели крыши Вознесенки.

— На этом месте, Иван Евдокимович рассказывал, партизаны устраивали засады против белогвардейских флотилий, — сказал Олег.

— А пушки у партизан были? Может, пушку тут разыщем? — предположил Костя.

— Какая пушка. Если бы тайга на этом месте была, а то — город, — усомнился Егор.

Спрашивали у встречных о дяде Трифоне. Люди пожимали плечами. Амурск — город, народу здесь тысячи... Но одна женщина догадалась, кто интересуется ребятами.

— Знаю такого, — сказала она. — Все жители села давно выехали в другое место, там им построили дома хорошие, клуб, школу, все, что нужно для жизни. А Трифон остался, не поехал. "Стар я, говорит, и родные берега покидать не хочу". Оставили его домишко, уважили старика. Идите на самый дальний мыс, где Амур протокой с озером соединяется. Там его хата. Хороший человек. Хеджер его фамилия. Трифон Хеджер. Пять его сынов на стройке работают. Известная фамилия Хеджеры, хорошие работники все.

Рубленая из кедрача изба стояла у самой воды. Вокруг палисадник,

где растут черемуха и амурская сирень. И над всей этой низкорослой зеленой могучая липа. Под окнами с голубыми наличниками высажены цветы. У самого озера на кольях развешаны сети, опрокинута вверх дном плоскодонная нанайская лодка.

Жилье Трифона Ходжера напоминало ребятам иллюстрацию к сказке о рыбаке и рыбке. Только телевизионная антенна на крыше говорила о том, что в избе живет не сказочный старик-рыбак, а вполне современный человек, и по вечерам он смотрит передачи из Москвы...

Нерешительно топтались у двери, переглядываясь: "Кто осмелится войти первым?" Двери распахнулись, из дома вышла девочка-нанайка в синем спортивном костюме, как у Веры, и волосы у нее так же, как у Веры, завязаны в пучок.

— Вы к дедушке из школы? Его дома нет, на рыбалке. Часа через два будет дома, — она взглянула на солнце, как на циферблат часов. — Перементы проверяет. Вы из какой школы? Из первой?

— Мы, собственно... — начал Олег. Но девочка перебила его:

— Проходите в дом, что же мы тут стоим!

Наши друзья вошли в прохладную кухню-прихожую. Чисто выбеленные стены, стол, покрытый клеенкой, на подоконнике попискивает "Спи-дола".

— Мы из города, — стала объяснять Вера, — Ваш дедушка был партизаном?

— Да, да, он много рассказывал мне о гражданской войне, — оживилась юная хозяйка. — Вас как зовут?

Вера представила всех.

— Меня — Сайла, — с улыбкой протянула смуглую руку девочка. — Я учусь в Биробиджане в культурно-просветительном училище. Буду работником клуба. Знаете, затейником. — Сайла грациозно изогнула руку, подбоченилась и сделала проходку в танце, а сама засмеялась весело, заразительно. Ребятам показалось, что они уже давно знакомы с этой милой смешливой девчушкой. А та продолжала говорить: — Вот, на каникулы к деду приехала. Скучает он без меня сильно. Вы есть хотите? Нет? Амурск наш видели? В первый раз здесь? А что, если мы пойдем немножко прогуляемся, пока деда нет? Амурск посмотрим, комбинат. На комбинате мой отец работает, дяди, другие родичи. Семья Хеджеров бо-о-ольшая, — протянула Сайла и снова рассмеялась.

Ребята охотно приняли приглашение Сайлы. Егор оставил в доме Ходжера свой увесистый рюкзак. По дороге Вера рассказывала о причине их визита в Амурск.

Сайла слушала, широко раскрыв черные глаза, и ахала в драматических моментах повествования.

— Как интересно! — восклицала Сайла. — Это вы здорово придумали — начать поиски полка. А дед мне ничего не говорил, что полк назывался Ульбинским. Он у меня вообще-то не особенно разговорчивый. "Зато ты, внучка, сто слов в минуту произносишь, как все равно пулемет". Вот как дед обо мне отзывается! — расхохоталась Сайла.

— Начнем с сопки, — тоном заправского гида предложила Сайла.

Миновав несколько улиц, ребята поднялись на вершину скалы, где, широко расставив ноги, стояла телевизионная металлическая мачта. Странно было видеть эту скалу в центре города. Ее обтекали широкие асфальтированные улицы, громоздились рядом большие здания. А скала оставалась кусочком нетронутой тайги. Склоны ее покрывала трава, росли здесь такие же приземистые, как на берегу, монгольские дубы. С вершины скалы Амурск был виден как на ладони. Он разместился на гористом полуострове, омываемом с одной стороны Амуром, с другой — водами голубого озера. За озером синели и голубели горные хребты. На берегу озера свободно разместились корпуса целлюлозно-картонного комбината. Тянулись во всех направлениях гигантские промышленные здания, дымили окрашенные в шашечку трубы теплоэлектроцентрали. Территорию комбината пересекали бетонные дороги. По ним катились самосвалы, тягачи, груженные железобетонными конструкциями, кирпичом, песком... Попыхивали паром локомотивы. Бесшумно поворачивали шеи порталные краны. На озере, ближе к берегу, плавали в воде бревна. Много бревен. Отсюда, с сопки, они казались спичками, высыпанными из коробки озорником мальчишкой. Бревнами забит и канал в бетонных берегах. Гигантский кабель-кран вылавливает из воды бревна и кладет их на транспортер. Бревна скрываются в темном проеме транспортерной галереи, пристроенной к приземистому кирпичному зданию. Зачарованные, смотрели друзья на открывшуюся перед ними картину.

— Ну, как наш город, комбинат? — тоном хозяйки всего этого великолепия, произнесла Сайла. — А лет десять назад здесь везде была тайга. Я в этих местах грибы собирала с дедушкой. А на берегу, на болоте, много голубики росло. Отец вон тот главный корпус строил. Теперь он мастером работает на сушильной машине. Мы еще с вами посмотрим сушильную машину. А вот сюда поглядите, — показала рукой Сайла. — Наш главный проспект. Комсомольский. Правда, просторный, как Невский?

Ребята посмотрели в указанном направлении. Широкий проспект обступали высокие здания. Сверкали на солнце зеркальные витрины магазинов. В конце проспекта гранитная лестница вела на вторую вершину полуострова, на срезанной макушке которой построен Дворец культуры.

— Сто десять ступеней у этой лестницы, — сообщила Сайла. — Правда, красиво?

Ребята соглашались с Сайлой. Действительно, все было необычно в молодом городе: и лестница, и широкие проспекты, и улицы, поднимающиеся на увалы и сбегаящие с них, нетронутая вокруг тайга, в гуще которой росли саранки, желтые, красные, лиловые, колокольчики...

Да, лучше не придумаешь памятника герою-комиссару, сложившему голову за родную землю, за народ свой. Прав Иван Евдокимович...

— Посмотреть бы, как бумага делается, — сказал Костя.

— Не бумага, а целлюлоза, — поправила Сайла. — Из целлюлозы можно и бумагу делать, и шелк, и картон... — перечисляла Сайла, загибая смуглые пальчики.

— И порох... — вставил Егор.

— Да, и порох, и многое другое, — согласилась Сайла. — А посмотреть

проще простого. Сейчас спустимся вниз, пойдем на комбинат. Тут недалеко. Папа нам все покажет, хотя он и сердится, если я прихожу к нему в цех. "Не люблю, говорит, когда под ногами путаются, работать мешают". Да вы не бойтесь, он только ворчит, а так мой отец добрый.

Цех, где стояла главная машина комбината — сушильная, поразил друзей огромными размерами и необычайной чистотой. Высоко-высоко над головой потолок из стеклянных блоков. Лампы дневного света. Окна от пола до потолка из стеклянных блоков. Кафельный, скользкий, как паркет, пол. Во всю длину цеха машина, покрытая серебристыми металлическими кожухами. В отверстиях, проделанных в кожухах, виднеются части машины: валы, шкивы, шестерни. Все это движется, крутится. Машина похожа на живое существо. На противоположной стене ряд металлических ящиков с мигающими на них разноцветными лампочками. Друзья сообразили: автоматика.

Навстречу ребятам шел мужчина в синем комбинезоне с молниями-застежками. По взглядам, которыми обменялись он и Сайла, друзья догадались: это отец Сайлы.

— Опять ты экскурсию привела? — с досадой проговорил отец Сайлы.

— Мы сами посмотрим, папа. Я им все поясню, — примирительно сказала Сайла.

— Сами, сами... — проворчал отец. — Сунете руку в какую-нибудь шестерню — и будет вам сами. Пойдемте покажу.

По словам отца Сайлы, принцип работы машины был самый что ни на есть простой. Древесная масса, вернее, готовая целлюлоза поступала в машину из бункера и двигалась вперед. По пути масса теряла лишнюю воду, делалась плотнее, крепче, подсушивалась в камерах, встречавшихся на ее пути, и в конце стометровой дороги наматывалась на большой барабан. Рулон опускался на нижний этаж цеха. Там его разрезали на квадратные листы, упаковывали в пачки и грузили в вагон.

Сайла сводила ребят вниз, где режут и упаковывают целлюлозу. Там хозяйничала девушка в красном платочке. Она подарила ребятам на память по кусочку белой, похожей на вафлю, целлюлозы. Друзья устали от ходьбы и множества впечатлений. Чуткая Сайла заметила это.

— Пойдемте-ка домой, — скомандовала она. — Дед, наверно, уже пришел, да и пообедать нужно. Верно говорю?

Возле дома Хеджеров на кольях так же висела сеть. Но на этот раз белоголовый старик с реденькой бородкой копошился у сети. Большим деревянным утком он ловко продергивал тонкую нить сквозь ячей сети, заштопывая обрыв. Старик несколько не удивился, увидев внучку в обществе ее сверстников. Наверно, не однажды приходили в гостеприимный дом Трифона Ходжера дети.

— Сайла, луку накроши в талу, уксуса немножко, перчику, я уже настрогол рыбы. Ребята, наверно, поесть хотят, да и нам с тобой не вредно пообедать.

Скоро все сидели за столом, покрытым зеленой клеенкой. Посередине стола стояло большое деревянное блюдо с затейливой резьбой на бортах: оно было доверху заполнено крошеной рыбой. Впервые нашим друзьям

пришлось есть знаменитую нанайскую талу — строганную свежую рыбу, замороженную в холодильнике.

— Вкусная наша нанайская тала? — спрашивал старый рыбак, с удовольствием наблюдая, с каким аппетитом уплетают национальное кушанье юные гости.

— Очень! — хвалили ребята.

— Вы приходите через неделю, тала из сазана будет. Но самая лучшая тала из калуги, — говорил старый рыбак.

После обеда дед Трифон снова принялся чинить сеть. Уток сновал по ячеям. Трифон заметил, что Егор с любопытством смотрит на его работу.

— Хочешь попробовать? — спросил Трифон, подавая уток гостю.

Егору уже приходилось вязать простые сетки-черпаки. И он сейчас быстро уловил принцип вязки оборванных ячей. Старому рыбаку понравилась понятливость Егора.

— Однако, парень, ты был бы хорошим рыбаком. Рыбак начинается с умения вязать сети, — одобрительно сказал он.

Догадавшись, что гости не знают, как подступиться к деду Трифону с расспросами, Сайла решила проявить инициативу.

— Дедушка, они ищут людей, которые в гражданскую войну служили в Ульбинском полку, — сказала Сайла. — Расскажи-ка им, если что об этом знаешь.

— А зачем вам этот полк? Сколько лет прошло... Такого полка нет давно.

Олег рассказал старику о печати.

— Вы служили в Ульбинском полку? — спросил Олег в заключение.

— Служил, сынки. Мало, но служил. — Старик немного помедлил, припоминая прошлое. — Молодой был совсем, горячий. Ну, огонь! Сперва партизанский отряд водил по тайге. Тайга — мой дом. Потом отряд примкнул к Ульбинскому полку, ну и остался. Вы говорите: печать нашли? Помню, дали мне справку, командир полка вынул из кармана гимнастерки печать и приставил ее на справку. Сайла, принеси сумку, она лежит в шкафчике.

Сайла сходила домой, принесла охотничью кожаную сумку. Старик пошарил и осторожно вытащил бумажку, сложенную вчетверо, потертую на изгибах, и подал Олегу.

— Вот справка.

Справка, написанная торопливым почерком, гласила, что выдана она бойцу Ульбинского революционного полка Трифону Ходжеру. Внизу стояла знакомая печать и неразборчивая подпись.

— А как звали командира? — спросила Вера.

— Звали Дмитрий. Фамилию не помню. Давно было. Да и в те годы я не мог ее выговорить, фамилию. Трудная такая, язык сломаеться, — усмехнулся старик. — Совсем мало служил в полку. В первом бою меня ранило осколком гранаты. Товарищ спас, на Амур привез лечиться. После услышал: большой бой был. С семеновцами...

— А как печать вашего полка могла попасть в Пермское? — допытывалась Вера.

Старик только развел руками. Узнав, что ребят к нему направил Иван Евдокимович, дед Трифон обрадовался:

— Помнит обо мне Иван. Молодец! Давно знаю Ивана Евдокимовича. И Мизина, и комиссара Ивана Шерого. Маленько в их отряде был. Здесь, у Падали, катер калмыковский разбили. Белых перестреляли, японцы с ними были... Помню комиссара, хороший человек. Погиб, калмыковцы расстреляли. Хороший был человек...

Ничего больше не могли выведать у деда Трифона наши друзья. Годы пролетели с времен гражданской войны, десятилетия. Нить, о которой говорил Александр Николаевич, становилась с каждым словом старого партизана все тоньше. Вот она уже как паутинка, сейчас порвется. Ребята стали прощаться. Вера вспомнила о фотографии села Пермского. Показала старику. Нет, и он не мог сказать, кто жил в доме возле часовни.

Уже когда отходили от гостеприимного дома деда Трифона, он крикнул вдогонку:

— Вы в городе Кольчугина найдите. Тоже партизан, коммунист. В штабе Бойко-Павлова служил. Волочаевку брал. Умная голова. Вы к нему обратитесь. Он про все полки знает. Ученый...

6. ПЕРВОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Сайла пошла провожать своих новых знакомых. Она чувствовала некоторую неловкость, что дед ее так и не смог ничего добавить к сказанному об Ульяновском полке.

— Забыл все дедушка, — пояснила она. — Да и мало он находился в этом полку. А с Кольчугиным вы обязательно встретитесь. Он как-то был у деда в гостях, много интересного рассказывал о гражданской войне.

К стоявшим на обочине дороги тем временем подошла грузовая машина "татра". Сайла подняла руку, шофер притормозил. Видать, он хорошо знал Сайлу, крикнул весело:

— Тебе в город, Сайла?

— Вот ребят прихвати, дядя Вася, — вскочила на подножку машины Сайла.

— Это можно. Лезьте двое в кабину, остальные в кузов, — распорядился шофер. Ребята не заставили себя ждать. В кузов полетел рюкзак, вслед за ним залез его хозяин и Олег. Вере уступили место в просторной кабине "татры". Туда же пробрался и Костя. Машина взяла с места и покатила по асфальтированному шоссе. Сайла долго стояла на дороге и махала прощально рукой...

Шофер завел с Верой разговор о погоде, о том о сем. Рядом с дорогой долго тянулось большое озеро. Как пояснил шофер, это был пруд-накопитель. Сюда сливалась вода, побывавшая в котлах комбината. Вода, пенясь и бурля, постепенно затопляла болотные кочки, кустарники, пни спиленных деревьев. А дальше, у высокой плотины, облицованной белыми бетон-

ными плитами, вода синела, с шумом выливалась в узкое отверстие плотины. За плотиной разливалось другое озеро.

— Тут мы поработали, — кивнул в сторону плотины шофер. — Поболее двух миллионов кубометров земли сюда вбухали. А знаете, что такое два миллиона кубометров? Если построить из этой земли стену высотой в два метра и толщиной в метр, то она протянется на тысячу километров.

Костя теперь с уважением смотрел на шофера, участника строительства такой необыкновенной плотины. Надо будет рассказать об этом Олегу и Егорке, сидящим в кузове. А "татра" летела вперед, подбирая под колеса серую ленту шоссе. Кончились редкие постройки окраины Амурска, заборы, кучи нарытой бульдозерами земли. По сторонам дороги — нетронутый лес. Высокие пихты и кедры, березняк, растущий особняком на склонах сопки, темные верхушки елей там и сям виднеются в светло-зеленой тайге. Кое-где от шоссе ответвляется и уходит в лес сильно разбитая колея дороги-временки. Солнце склонилось к закату, и тени деревьев становились гуще и длиннее. Костя, разморенный, не заметил, как вздремнул. Очнулся от внезапно наступившей тишины. "Татра" стояла на обочине шоссе. Веры и шофера в кабине не было: шофер копался в моторе, а Вера ходила по бровке канавы и собирала какие-то желтые цветы. Костя вылез из кабины размяться. Из-за борта машины торчали головы Олега и Егорки. Шофер долго стучал ключами, вполголоса чертыхаясь, потом вылез из-под капота, с треском опустил его и произнес огорченно:

— Все, ребята, приехали. Клапан полетел. Начнем загорать. — Он озабоченно почесал затылок, потоптался возле машины и, кинув ключи в ящик для инструмента, сказал: — Вы вот что: посидите тут, погуляйте, я мигом смотаюсь на станцию. Тут недалеко, километра три. Попрошу кого-нибудь отбуксировать меня. А вы машину покараульте. Груз у меня... Запчасти в этих ящиках к автомобилям, понимаете? Боюсь, стащат. Не уходите только, ребята, на вас надеюсь. Ну, я побегу. — И он быстро зашагал по дороге, размахивая руками.

Машина остановилась метрах в ста от моста через речку. Шум ее доносился до слуха друзей. По берегам речки густо росла черемуха, ивняк, высокая трава скрывала речку.

— Пошли костер разведем, — предложил Костя и пустился бежать вниз по откосу. За ним потянулись остальные. Егор слазил в кузов, порылся в рюкзаке и вернулся с леской в одной руке и жестяной банкой в другой.

— Попробую порыбачить, — ответил он на вопросительные взгляды друзей. — Тут наверняка рыба водится. — Он залез в заросли, вырезал удилище, и скоро его голова чуть виднелась из-за верхушек трав. Вера, Костя и Олег набрали сушняка и разожгли костер.

Прошел час, другой, а шофер не появлялся. Солнце уже касалось краем за лесистую сопку. Над речкой поднимался туман, из тайги потянуло вечерней свежестью. Вера зябко повела плечами.

— А вдруг шофер не придет? Ночевать тут будем на речке? — проговорила Вера.

— В кабине отсидимся, — успокоил ее Олег. Костя совсем приуныл. Устал, есть хочется. Он, нахохлившись, сидел близко у огня и ворошил палкой тлеющие сучья.

Егорка подошел к костру, когда стало уже темно. Он бросил на траву связку серебристых чебаков.

— Клев хороший, ребята! Но комары кусаются, терпенья никакого нет! Пропал наш шофер? Н-да, ситуация. Давно бы дома были. Ну да ладно, надо ужин готовить, уху будем варить. Кто чебаков чистить? На нож, Вера, — он подал Вере перочинный ножик.

— А варить в чем? — спросила она.

— Найдем, — деловито отвечал Егорка. Сейчас он казался Вере старше и опычнее других. Обычно в их компании верховодила Вера, но сейчас она уступала первенство Егорке. Тот все делал основательно и ловко. Вбил две рогульки у костра, положил перекладину. Потом сбегал к машине и принес из кабины ведро, которым шофер доливал в радиатор воду. Приказал Олегу:

— Сбегай, Олежка, надрай ведро песочком, воды принеси, половинку зачерпни.

А сам уже ломал в кустах сухостойную березу. Костя помогал ему. Скоро около костра выросла куча валежника. Егорка принес к костру свой рюкзак.

— Какая же уха без соли? — говорила Вера, заканчивая чистить рыбу.

— Будет соль, — многозначительно отозвался Егор. Он расшнуровал рюкзак, достал баночку с солью. Потом на газете, тоже вынутой из рюкзака и разостланной на траве, появилось несколько крупных картофелин. Нашлись в Егоркином рюкзаке и луковица и перец. Даже четыре ложки деревянные, расписанные цветочками, и пластмассовая тарелка.

— Запасливый ты, — с уважением произнес Олег, пристроившись у костра.

— Со мной не пропадете, — самодовольно сказал Егорка.— Я рыбалку планировал, потому и припасы захватил. Мы с дедом всегда так делаем. Ты экономь картошку, не срезай так много, — заметил он Косте, взявшемуся за чистку. — В армии будешь служить, опыт пригодится.

— А ты служил? — обиделся Костя.

— У меня отец служил. Он всю войну провоевал. До Будапешта дошел. Автоматчик, — не без гордости сообщил Егорка.

— Ты никогда не рассказывал о своем отце, — сказала Вера.

— Расскажу когда-нибудь, — пообещал Егорка. Уха удалась на славу. В рюкзаке у Егора нашлась и краюшка черствого хлеба. Разделили по кусочку. Все ели уху и хвалили. Между тем совсем стемнело. На небе высыпали крупные звезды. В зарослях гулко кричала ночная птица, да неумолчно журчала на перекатах таежная речка. Кусты, казалось, придвинулись вплотную к костру, и совсем маленькой стала полянка, облюбованная нашими друзьями.

После горячей ухи Костю совсем разморило. Он приумолк и клевал носом, рискуя ткнуться в костер. Начал позевывать и Олег. Заразительная

штука, зевота, она невольно сводит скулы Егора, но он стискивает зубы, крепится.

— Вы, ребята, марш спать в машину. Я тут у костра посижу, — предложил Егор. — Наверно, шофер скоро придет. Ничего, ничего, идите, я привычный. Мы с дедом не одну такую ночь провели на рыбалке.

Олег с Костей не заставили себя уговаривать. Залезли в кабину и притихли. А Вера категорически отказалась.

— Я тоже буду здесь, у огня, спать что-то не хочется, — сказала она, хотя спать ей хотелось. Просто она боялась идти от огня в темноту, где стояла машина.

— Ну что ж, сиди, — пробормотал Егорка. — Замерзнешь только в своем костюмчике.

— Ты не мерзнешь?

— То я, я привычный, — солидно заметил Егорка.— Ты вот что, возьми одну штуку, я тебе достану. — Он вытащил из рюкзака большой сверток. Этот сверток и заполнял в основном объемистый Егоркин рюкзак. То была плащ-палатка, старенькая, латаная. Латки пришиты так искусно, что во время дождя палатка, наверно, не протекала. — Возьми, накинь на плечи. Знаменитая вещь.

— Откуда у тебя такая? — спросила Вера, кутаясь в мягкий брезент.

— Отцова. С фронта привез. Он говорит: "Эта плащ-палатка.— моя военная биография". На этой палатке его дважды раненного вытаскивали из боя санитары. Ранений у отца больше, но два раза тяжело ранили. Здесь вот отметина от осколка мины. Тогда отец плыл через Днестр на плоту, а на берегу немцы сидели. Наши Днестр форсировали.

— Ранило отца осколком?

— Нет, обошлось. Вот в этом месте пулевая пробоина. Под Яссами. Город такой есть в Румынии. Эта заплатка — тоже пуля, только уже под Будапештом.

Егорка рассказывал о том, какие награды имел отец. Оказывается, он полный кавалер солдатского ордена Славы, много медалей заслужил. Герой, оказывается, был отец Егорки.

Под плащом тепло и уютно. Вера глядела в пляшущие языки огня и слушала сквозь дремоту Егорку. Голова его, освещенная огнем костра, казалась отлитой из бронзы. Когда Егор взмахивал руками, подчеркивая этим мысль, большие тени мелькали по темной стене кустарника. "Он сейчас похож на индейца, — подумала Вера. — Нет, почему на индейца? Он похож на разведчика, бесстрашного партизана. И вот оба они находятся в тылу врага, на коротком привале. Отдохнут, пойдут дальше..."

— Ты не спишь? — спросил Егорка.

— Говори, говори, — поспешно отозвалась Вера. Помолчали. Потом Вера спросила:

— Как ты думаешь, может сейчас к нам прийти ну... медведь, например?..

— Ерунда! Какие медведи у дороги. И летом медведь спокойный, сытый, мне дед говорил. Он медвежьки повадки знает. Ты посиди, я хворосту немного принесу, костер гаснет.

Егор скрылся в темноте. Вернулся он скоро с охапкой сухостойника..

— У речки, как в погребке, — поежился Егорка.

Смелый Егорка. Вера сейчас ни за что не пошла бы к речке. А он пошел. И он добрый, великодушный, только вот невыдержанный. Вера вспомнила случай на теплоходе.

— Ты почему был такой?.. — с загадочной ноткой в голосе спросила Вера.

— Какой? — не понял Егорка.

— На теплоходе... Злился чего-то. На того, с бородой.

— Я злился? Выдумала тоже. — Егор с силой бросил в костер сучковатую палку. — Просто мне его морда не нравится, вот и все. Стиляга! — последнее слово он произнес с презрением и брезгливостью.

— А он... симпатичный, — подзадорила Вера, сама удивляясь, откуда у нее это кокетство.

— Пусть симпатичный. И все-таки — морда. Я ему хотел тогда съездить.

— Егор, так нельзя, нужно подбирать выражения. Грубо: морда, съездить, — наставительно сказала Вера. — И потом, ты ведь не знаешь, может, он хороший парень. Он воспитанный. Умеет себя держать, в обществе, — перечисляла она достоинства бородатого попутчика.

— А тебе стыдно тогда стало? — в голосе Егорки прозвучала обида.

— Отчего?

— Ну... такой знакомый, как я, рядом с тобой...

— Егор, ты меня обижаешь. — И верно, Егорка почувствовал, что сказал не то. Он повеселел, разворошил костер так, что искры поднялись высоко к звездному темному небу.

— Егор! — неожиданно громко крикнула Вера, сбросила плащ-палатку и, метнувшись к нему, крепко ухватила его за руку. — Слышишь? — голос Веры дрожал от страха.

— Ты чего это? — струхнул Егор, прислушиваясь.

— Там, за речкой, хрустит. Слышишь? Медведь! — громко зашептала Вера.

— Выдумает, — неуверенно отозвался Егор.

Но теперь он и сам слышал, как на той стороне речки кто-то с шумом продирается сквозь чащу. Вот подошел к речке, ступил в воду, захрустела галька под тяжкими шагами. Егорку бросило в жар. Он оторвал руки Веры, вцепившейся в плечи, и сердито приказал:

— Беги, слышишь? В машину, живо! Ну отцепись же, — а сам схватил пылающую головню и стал красться к речке. Это решение мгновенно пришло на ум. Егорка давно слышал от деда, что любой зверь не устоит перед огнем, отступит. Размахивая головней, он медленно спускался к воде, где слышался плеск и громкое дыхание зверя. На мгновение Егорка оглянулся назад, Вера сидела у костра, уткнув голову в колени.

— Беги! — еще раз крикнул Егорка.

Но Вера не могла двинуться с места. От страха не повиновались ноги. В тумане показалась неясная фигура, она двигалась прямо на Егора. Он стал отступать к спасительному костру. Стало жарко, бешено колотилось и фудило сердце.

— Это вы, ребята? - знакомым голосом шофера произнес "медведь". - Не бойтесь, это я.

И вот он уже стоял у костра.

— Подвел вас, ребята? — виновато произнес шофер. - Ну, ничего, сейчас мой дружок на "КрАЗе" подъедет, на буксир - и в город. А я напрямик пошёл, через марь, и заплутал немного. Вы молодцы, костер развели. Так и шел на огонь. Да вот в речку бухнулся. ~ Он присел па траву, стал разуваться, выливать из ботинок воду.

Потом старательно затушили огонь, поднялись к машине. Олег и Костя, прижавшись друг к другу, крепко спали. Шофер приладил буксирный трос, включил фары. Вскоре подъехал его дружок. Пострадавшую машину прицепили, шофер сел за руль, чуть подвинув в сторону Олега и Костю: пожалел будить. Веру усадили рядом с дружком шофера, Егор снова взобрался в кузов.

— Ну как? — высунулся из окна кабины дружок шофера.

— Трогай, — разрешил тот.

Вера досадовала на себя за малодушие и сердилась на Егора, потому что он был свидетелем ее трусости.

Но понемногу успокаивалась. Она припоминала подробности только что случившегося у костра и все больше приходила к убеждению, что Егор вел себя прямо-таки по-рыцарски. С головешкой бросился навстречу медведю! Ведь оба они в ту минуту ждали, когда выбежит из кустов мохнатое чудовище с раскрытой пастью. А как бы поступил тот, что ехал с ними на теплоходе? Вере почему-то подумалось: убежал бы этот молодой человек, улепетнул к машине, бросив Веру на растерзание. Да и что иначе мог бы сделать такой человек? Может быть, сказал бы мишке: "Извините, вам что надо у нашего костра?" — "Да вот я хочу съесть вашу спутницу". — "Но время ужина прошло, и попрошу вас удалиться", — вежливо предлагает мишке парень с бородкой. "Ах, простите, у меня часы в ремонте", — бормочет медведь и удаляется в тайгу. Вся сцена, придуманная ею, была так смешна, особенно "часы в ремонте", что Вера не удержалась и весело рассмеялась. Шофер покосился на нее и, поняв ее веселье по-своему, сказал:

— Скоро будем дома.

И верно, за поворотом дороги засветились огни приближающегося города.

7. ДОГАДКА ПРИХОДИТ ЧЕРЕЗ ПОЛВЕКА

Леонида Давидовича Кольчугина ребята разыскали на даче. Небольшой домик, окрашенный голубой краской, стоял в густой зелени яблонь, груш и слив. Между деревьями аккуратно разбитые грядки с овощами. Хозяин находился в дальнем углу сада. Он склонился над открытым ульем, вынимал рамки, рассматривал их внимательно. Пчелы роем летали вокруг косматой седой головы старика. Приметив гостей, Кольчугин, не бросая своего занятия, крикнул:

— Ко мне? Идите-ка сюда.

— А пчелы? — опасливо спросила Вера.

— Не бойтесь, они мирные, — и продолжал, когда ребята приблизились к ульям: — Верно, мирные наши дальневосточные пчелы. Правда, хотя их так и зовут, и не особенно на самом деле они агрессивные, но вот когда у них берут мед, жалят. Руками не махайте — и ничего. Вы из школы?

— Да... То есть нет, — выступил вперед Олег. Егор с интересом разглядывал помпу-насос, установленную возле колодца. Он не мог равнодушно пройти мимо какой-либо машины, пусть самой на вид невзрачной. Знакомство со стариком он предоставил пока друзьям. "Не всем же хором разговаривать с человеком".

— Это как понять? — поднял брови Кольчугин с чуть заметной усмешкой.

— Мы школьники, — вмешалась Вера, — но не от имени школы, что ли, пришли к вам, а сами... Ну, нам не поручали, а мы...

— По собственной инициативе пришли к ветерану гражданской войны, просить его рассказать, как он штурмовал Волочаевку, — продолжил мысль Кольчугин. Карие его глаза искрились совсем молодо. Друзья почувствовали себя свободнее.

— Мы ищем один полк, исчезнувший полк, — сказал Костя. — Мы нашли печать, а теперь ищем полк.

— Какая печать? — переспросил Леонид Давыдович, вставляя в улей рамку, покрытую золотистыми пчелами.

— Ну такая, круглая, из меди. — Ребята наперебой стали пояснять, как выглядит полковая печать.

— Говорите, Ульбинского полка? — задумался Кольчугин. — Пойдите, я что-то слышал об этом, — задумчиво повторил он. — Вот сейчас мы закроем улей, пусть пчелки работают, а мы потолкуем. Идите пока посидите в холодке под вишней за столиком.

Через несколько минут Кольчугин подошел к ребятам. Он принес пучок редиски, только что вырванной из грядки.

— Угощайтесь, зубы у вас молодые, — предложил старик, усаживаясь на скамью и закуривая папиросу.

Наши друзья дружно захрустели редиской. Кольчугин попросил еще раз рассказать о находке, где нашли печать, что говорил об Ульбинском полке старый рыбак.

— Трифона знаю, — сказал Кольчугин. — Когда чуть помоложе был, ходил на охоту в те места. Славный человек Трифон. Он почему-то никогда не говорил мне о полке, о том, что служил в нем. Вообще-то я знаю: он старый партизан. Смелый человек, Трифон Ходжер. Один на медведя ходил. Тайгу знает, как вот я свой сад. А об Ульбинском полке я вот что слышал...

Ребята насторожили уши.

— Было это в феврале 1922 года. Сразу после штурма Волочаевских укреплений попал я в госпиталь. Обморозился сильно, да к тому же и простыл. Горячка у меня была. Тогда грипп, воспаление легких наши фельдшера называли одним словом — горячка. Так вот, стал я немного приходить в себя, от скуки начал беседовать с соседями по койкам. Один из них

был тяжело ранен. Дышал с хрипом и все молчал. Как ни пытался вызвать его на разговор, ничего не получалось: "Да", "Нет", — ответит, и все. Так что мы его трогать не стали: тяжело человеку, не до разговоров.

Однажды ночью чую: тащит кто-то с меня одеяло. Проснулся, вижу: неразговорчивый сосед дергает за одеяло и шепчет что-то, а глаза горят, просто огнем фосфорическим таким горят. Я испугался, ребята. Ведь в ту пору я был чуть постарше вас. С ума сошел бедняга, думаю, а сам одеяло придерживаю, собираюсь на помощь крикнуть. А он:

— Не бойся меня, паря, умираю я... Конеч... Волгожанов я. Запомни. Слышь? Кузьма Волгожанов из Михайловки.

Скажет слово-два, отдышится.

— Домой сообщи, паря, семье, жене. Умер, мол. Честно. Волочаевку брал... Еще прошу тебя, паря... В Ульяновском полку служил я. Весь почти полк полег в бою с Семеновнами. Но то ничего, что полег... Слышишь, паря?

Терял сознание, наверно, бедняга, меня вряд ли видели его глаза.

— ...Что полег, ничего. В штабе враг служил, в нашем полковом. Искать надо... Слышь? Вражина тот...

Замолчал мой сосед, захрипел страшно так. Я к нему. Трясу, кричу на ухо:

— Кто враг? Имя назови! Имя!

Открыл глаза через силу, чуть слышно прошептал с тоской:

— Забыл, паря... — долго молчал, прикрыл глаза, потом произнес:

— В Пермском ищи, паря...

Последними были эти его слова. К утру умер боец. Вышел я из госпиталя, жизнь закрутила. Дел-то после гражданской по горло. Занимался созданием комсомольских организаций, учился, открывал первые рыбокомбинаты на Дальнем Востоке. Поначалу попытался что-нибудь узнать о пропавшем полке — безрезультатно. Правда, в военном архиве мне авторитетно сказали, что Ульяновский полк был расформирован из-за того, что потерял свое знамя. Документам я не мог не верить... Подождите, я вам медку принесу.

На столе появилась тарелка со свежим сотовым медом.

— Ешьте, молодежь. Сегодня только вырезал, — угощал Кольчугин. Друзья не заставили себя долго уговаривать. Почувяв мед, над столом зажужжали пчелы.

— Мне кажется, юные мои друзья, вы, возможно, напали на след Ульяновского полка, — продолжал разговор Кольчугин. — Недаром тот умирающий боец назвал Пермское. И печать вы нашли именно на огороде этого села. Правда, жителей-то Пермского почти никого не осталось. Села нет, есть город. Трудная задача. А поискать надо. Я вот так полагаю: если печать полковая нашлась в этих местах, то могут быть и другие признаки давнишней трагедии, тут же где-то поблизости находятся. Вы как думаете?

Друзья согласились с ветераном.

— Я вот что посоветую: ищите на поселке у речки Силинки старожилы села. Живут там пермяки, они помогут установить; чей дом стоял на том

месте, где сейчас огород. Найдете хозяина дома, может, узнаете и того, кто печать оставил там.

Ребят взволновала возможность раскрыть необыкновенную историю безвестного полка. А вдруг они еще найдут и полковое знамя? Вот было бы здорово! Они высказали эту мысль-Кольчугину.

— Много лет прошло. Трудно, — вздохнул ветеран.— Ну, а надежды терять не надо. — Сам же про себя подумал: "Вряд ли, милые мои, уцелело знамя. Прошло полвека..." Ребятам сказал:

— Идемте-ка, я покажу вам свой сад. — И пошел вперед, бережно раздвигая ветви деревьев.

Сад был чудесный, Кроме яблонь — стелющихся и штамбовых, — слив и вишен, черной и красной смородины, крыжовника и малины, ежевики, росли тут почти все представители таежной флоры: лиственница и береза, черемуха Маака и просто черемуха, липа и дубки поднимались уже выше изгороди... А сколько разных цветов! И каждому знает название Леонид Давыдович. У самого крылечка маленькой дачки красовались желтые и оранжевые саранки.

— Попробовал вот, посадил, в тайге луковицы накопал, растут, — не без гордости сообщил старик, указывая на цветочную куртину.

Садоводство, видно, было любимым коньком Леонида Давыдовича. Он сообщил ребятам множество сведений о цветах, деревьях, вредителях этих деревьев. Целую лекцию прочитал.

— До тридцатых годов в этих местах не только о яблонях, о смородине не мечтали, — рассказывал он. — Кое-как выращивали картошку и капусту. Считали, неподходящие земли и климат для сельского хозяйства вообще. А пошло это еще со времен посещения здешних мест капитаном корпуса лесничим Будищевым. Случилось это сто лет назад. Я вам сейчас зачитаю его рапорт начальству. — Леонид Давыдович достал из кармана записную книжку, нашел нужную страницу.

— "Необжитая береговая возвышенность у станка Мылки... хотя на вид кажется местностью, удобной для заселения, но ни по пространству своему, ни по качеству земли и положению с другими местностями не предвещает хорошей будущности, так как место низменное, удаленное от склонов гор настоящего материка и со скудной почвою".

Что касается почвы, то лесничий прав. Скудная почва, и климат суров. Но человек, если захочет, заставит родить орудную почву, взрастит яблоню, которая не побоится мороза...

— Вы приходите, когда яблоки созреют. Угощу, — пригласил Леонид Давыдович.

Летом Кольчугин один находился в саду, пестуя и оберегая его. И потому был рад, что навестили его ребята. Об этом быстрее других догадалась Вера. В начале знакомства, когда друзья осведомлялись у Кольчугина о судьбе Ульбинского полка, она заметила на лице старика тень разочарования. Он наверняка ожидал, что ребята будут спрашивать о легендарном сражении у Волочаевки. Да и в самом деле очень интересно услышать рассказ от самого участника штурма. И Вера попросила:

— Леонид Давидович, если вы не слишком заняты, расскажите нам о Волочаевке.

— Да, нам очень интересно! — поддержали ребята.

— Ну что ж, расскажу. Кстати, моя история похожа на историю жизни любого, почитай, партизана тех времен. Как это понятнее выразиться, — задумался ветеран.— Моя биография поможет вам проследить биографию бойцов Ульбинского полка, почувствовать дыхание того времени. Так отправимся в путешествие на полста лет назад?

— Отправимся! — в один голос отвечали ребята. Он сейчас казался им почти соучастником их поисков, начавшихся с игры и обернувшихся неожиданным для них волнующим, очень нужным серьезным делом.

8. СВЯЗКОЙ ПОЛКА

Вторая запись в дневнике следопытов, сделанная Верой со слов ветерана гражданской войны Леонида Давидовича Кольчугина.

— Родился я в Тобольской губернии. А родословная Кольчугиных уходит в далекое прошлое, к временам походов Ермака в Сибирь. Так что фамилия Кольчугиных имеет прямое отношение к сословию сибирских казаков, носивших кольчугу. Родился в Сибири, а рос и жил с четырехлетнего возраста на Дальнем Востоке. Отец мой — человек мастеровой. Он приехал в Хабаровск перед началом русско-японской войны и стал работать в Амурской флотилии на ремонте судов. Побегал я два года в школу, а пятнадцатилетним пошел подручным котельщика на Арсенал. Так звали в то время ремонтные мастерские Амурской флотилии. Летом юнгой плавал по Амуру, за три рубля в месяц.

На Арсенале много работало ссыльных политических. У них-то подростки вроде меня и узнали о Ленине, о большевиках, о том, кто настоящий друг рабочего человека. Поэтому, когда свершилась Февральская революция, мы, юноши, были политически подготовлены. Сложное то было время на Дальнем Востоке. Власть прибирали к рукам буржуазия и белогвардейцы всех мастей. К тому же интервенты появились в нашем краю. Японцы уже осенью 1918 года хозяйничали в Хабаровске. Они захватили важнейшие предприятия города, в том числе и наш Арсенал, сгоняли рабочих в цехи, чтобы работали. У каждого станка солдат японский. Засмеялся ты: он раз — и получишь по морде, закурил — кричит: "Работай!" Но люди уже познали вкус свободы, понимали свою силу и копили ее, чтобы всю нечисть вымести с родной земли. На Арсенале действовала крепкая подпольная организация большевиков. Руководил ею ссыльный коммунист латыш Гермоген Иванович Спуре. Он был котельщиком. Подручным у него работал Семиковкин. А в подпольной организации стал заместителем. Боевые люди!

Создавались партизанские отряды. Меня и брата Павла поначалу не брали. Молоды. Только осенью 1919 года, когда мне исполнилось восемнадцать, сообщили однажды: "Леонид, можешь сегодня отправляться на

острова к селу Воронежское. Там на островах отряд Кочнева. Оружие там и получишь".

Так я очутился на островах. Вручил мне командир винтовку и спросил: — Стрелять умеешь?

Я даже обиделся. Да кто тогда не умел стрелять! В положенное по уставу время разобрал затвор, собрал, зарядил винтовку и выстрелил. Командиру понравилась моя сноровка.

— Ну, держи крепко винтовку, выданную тебе народом, — сказал он. — И стреляй метко по врагам, какую бы они не имели раскраску. Пока всех гадов не перебьем, винтовку из рук не выпускай.

Стрелять-то я умел, как и многие другие, но военного дела не знал. Вместе с другими учился. И бегать приходилось от беляков и японцев. И так бывало. Но учились упорно. Стали и от нас бегать. Нет, пожалуй, таких мест на Дальнем Востоке и в Забайкалье, где бы не побывал наш отряд. Били беляков, как только они появлялись. Весной 1920 года наш отряд находился в Хабаровске. Пятого апреля того года японцы выступили с коварной провокацией: вышибли нас из города. Они здесь определенное время держали нейтралитет. Мол, в ваши русские дела не вмешиваемся. Даже красные банты носили и говорили при встрече: "Я — борсевич!" До какой-то степени усыпили нашу бдительность.

С горечью в сердце покидали мы город. Ночью пришли в деревню Вятское. Передохнули. Утром нашли лодку, кое-как переправились на другой берег. Добрались до разъезда Николаевка, а там уже порядочно собралось наших, вагонами забиты пути. Бродим мы голодные, еле на ногах держимся, не знаем, к кому обратиться. Встретился мне коренастый человек в полувоенном поношенном костюме. Из-под кожаной фуражки торчат рыжеватые длинные волосы.

— Что, оттуда? — мотнул он головой в сторону Хабаровска. — Какой отряд?

Я объяснил.

— Есть хотите? Идемте вот в этот вагон, устраивайтесь. Там буханка хлеба лежит. Ешьте. Кто-нибудь берите ведро — и за кипятком.

В вагоне помещался штаб красногвардейского полка. Мы поели. Потом нас записали в полк. Так я стал красногвардейцем, бойцом регулярной армии. Я спросил у полкового писаря:

— А что за мужик нас к вам направил?

— Не знаете? Да это Постышев, комиссар фронта! — ответил он.

Начались походы. Побывал наш полк в Благовещенске и Нерчинске, в Сучане и Имане. Последний раз с боями отступали полтысячи километров из Уссурийского края до станции Ин. Пришли почти босые, в лохмотьях. Наш отряд называли шутливо "босая команда". К концу шел 1921 год. И выходит, что через два года я снова оказался на левом берегу Амура, почти на том же месте. Но так как вы просили рассказать о Волочаевке, то о других боях я умолчу. Скажу только: много было боев. Много лишений перенесли партизаны и народоармейцы.

У станции Ин, вскоре после нашего прибытия, беляки попробовали нас потрепать. Крепко лезли, но атаку мы отбили. Это была важная побе-

да. Белые больше не пытались взять Ин. К нам приехал командующий фронтом Василий Константинович Блюхер, поздравил полки с победой. Помню, выстроили нас, Блюхер ходит вдоль строя, спрашивает:

— Будем наступать, товарищи бойцы?

— Будем! — кричат бойцы.

— Даешь Приморье!

Наступил февраль 1922 года. Морозы стояли лютые. Мы усиленно готовились к штурму Волочаевской твердыни. Белые построили возле сопки Июнь-Корань мощные укрепления. Блиндажи, проволочные заграждения, окопы, артиллерию выставили, пулеметы. Недаром называли эти укрепления Дальневосточным Верденом или Перекопом. В канун наступления меня вызвал командир полка и сказал:

— Бери коня, будешь конным разведчиком.

— В жизни не приходилось на коне сидеть, — говорю.

— Ничего, научишься. К, тому ж ты легок, а кони-то видишь какие, ветром качает.

Конь действительно попался мне аховый. Кожа да кости. С немалым трудом удалось мне укрепить на его костлявой спине седло. Попробовал взобраться на коня, кое-как получилось. Утешало одно: не сбросит, куда ему, еле передвигает ноги. Да и остальные лошадки в полку были точно такие же.

Полк выступал утром. Туман. Мороз градусов сорок. Цепи идут по снежному полю. Все пешком, а я на коне. Пули повизгивают, но я не обращаю внимания, обстрелянный. И все же неловко как-то: торчит моя голова над редким осинником, которым идем к окопам белогвардейцев. Первые цепи достигли белых, бросились в атаку. Но скоро отступили. Ротный приказывает мне:

— Кольчугин, у тебя лошадь, живо скачи к комполка Захарову, доложи обстановку.

Нашел Захарова, докладываю: так, мол, и так. И хотя минута была не располагающая к шуткам, командир не удержался от улыбки, глядя на мой геройский вид.

— Настоящий гусар ты, Леонид Кольчугин, — сказал смеясь. Потом согнал улыбку с обожженного морозом лица и приказал: — Установи связь с соседним Амурским особым полком. Пусть держатся полотна железной дороги.

Нахлестываю своего конягу, спешу выполнить приказ. Заехал в густой кустарник, слышу окрик:

— Пропуск!

Я второпях забыл узнать пропуск. Стою, молчу. Вышли двое из зарослей, винтовки наставили. Вижу: народоармейцы — в башлыках, бороды заиндевели. Один присмотрелся ко мне, сказал:

— Вроде наш. Ты какого полка? Захарова? Чего без пропуска прешь? Вояка тоже.

— Я с девятнадцатого воюю, борода! — обиделся я.

— Ну-ну, не горячись. Чуем, что ты за птица, — успокоил меня другой

боец, постарше. — Мы разведчики Амурского. Так что можем тебя к командиру довести.

Передал я донесение, обратно в свой полк двинул. Выехал на открытое место. Вдали бронепоезд беляков словно Змей-Горыныч ползет по рельсам. Мне бы скорее опасное место миновать, а конь, черт бы его забрал, голодный, хватает зубами прошлогоднюю траву на болотных кочках. И злость на животину, и жалко ее. Беляки заметили одиночного всадника и саданули в меня из пулемета. Я — с коня, лежу на снегу. Беляки примолкли. А лошадь спокойненько себе ест траву. Я снова на коня, пытаюсь в кусты отъехать, не успел. Снова дали очередь. На этот раз убили подо мною лошадь. Погибла, бедная. Я бегу к своим цепям, а по мне строчат. Ребята из цепи кричат: "Жми, браток, давай быстро!.."

Так закончилась моя кавалерийская карьера.

Пока я маялся в осиннике, разыскивая соседний полк, доставляя донесение, пока убегал из-под обстрела, наши части вели ожесточенные бои с белогвардейцами. Наши рвались туда, к сопке Июнь-Корань, одиноко, словно снежный малахай, стоявшей посреди необозримого поля. Я не раз потом, завидя знакомые очертания сопки этой под станцией Волочаевка, удивлялся капризу природы. Будто гигантский крот взял да и вырыл наружу гору земли. В темноте еле отыскал свою роту. Ротный командир определял потери. Немало полегло наших, были раненые и обмороженные. Командир запретил разводить костры: враг в нескольких саженях. Вторые сутки не ели горячего, не пили. Сухарь пожем второпях, снегу поглотаем, и все. Мерзнем, потому что лежим на месте, а то на корточках сгрудимся, так вроде теплее.

В полночь в расположении нашей роты показался комполка Захаров. Лихой был парень Захаров! В кожанке, в кожаной фуражке, в малиновых широчайших галифе, хромовых сапогах. Идет во весь рост, веселый, бодрый такой.

— Как, холодно, товарищи? — спрашивает.

— Есть маленько, — отвечаем.

— Потерпите, братки, утром на штурм пойдем. Взять надо, ребята, последний оплот белых гадов. Возьмем?

— Патронов бы...

— Штык есть, ребята.

Каждый понимал: последний и решительный утром будет бой. Он решит судьбу Советской власти на Дальнем Востоке. И каждый верил, знал, что победа будет наша. Пусть в теплых блиндажах сидят беляки, пусть в теплой одежде их офицеры и солдаты, пусть подпирают их в тылу японцы и прочая заграничная свора — возьмем Волочаевку.

Прокоротали ночь. Никто не спал. На морозе не уснешь, да и нервы взвинчены. Штурм! Утро занималось медленно. Над горизонтом поднялось красное огромное такое солнце. Никогда такого не видал. Зимой по утрам всегда делается холоднее, а меня почему-то в жар бросило. Даже гимнастерку расстегнул. Вздвонный прикрикнул на меня:

— Кольчугин, застегнись, не у тещи в гостях!

Залегли в цепь. Передается команда: приготовиться к штурму. Нача-

лась артиллерийская подготовка. Из пушек ударили по укреплениям белых наши бронепоезда. Несколько снарядов угодили в бронепоезд белых. Взыбился, словно волка по хребту огрели, повалились вагоны под откос. Шестидюймовки наши стреляют по укреплениям. Там, в самом центре, вдруг взметнулось огромное пламя. В склад боеприпасов попали наши артиллеристы. Товарищи, рядом со мною лежавшие в цепи, говорят:

— Смотрите, ребята, сам Блюхер на передовой и командующий флангом Серышев.

Верно, тут все заметили главкома и командующего. Присутствие командиров словно сил нам прибавило. Тут была дана команда идти в атаку. Наш ротный, Николай Филиппов, выбежал вперед, оборачивается, кричит:

— Вперед, товарищи! Смерть палачам! Вперед!

Бежим по глубокому снегу, кричим "ура!" Я замечаю впереди себя Филиппова. Вот он подбежал к проволочному заграждению, рубит его наотмашь шашкой. И вдруг падает как подкошенный. Кольнуло сердце: убит командир.

Взяли первую полосу проволочного заграждения. Бойцы бросали на колючую проволоку шинели, полушубки, по телам убитых товарищей перебежали и — в окопы беляков. Последнее, что я видел: бежали из траншей белогвардейцы, руки поднимали, валялись как снопы на снегу. И еще видел я, как на верхушке сопки Июнь-Корань загорелось пламенем наше красное знамя. Победа! Тут меня подкосила пуля вражеская.

Очнулся в теплушке. Санитар сообщил, что стоим на станции Бочкарево, что подобрали меня в траншее раненого, обмороженного.

— Пальцы на ноге у тебя врач оттяпает, гангрена, брат — сказал он. — Но не вешай носа, бегать будешь. И еще у тебя, братец, испанка.

Так раньше называли грипп. Вот почему мне все время жарко было в эти сутки перед боем. Отвезли меня в госпиталь. Вымыли, на чистую постель положили. Электросвет. Красота. Не верится даже без привычки. На столике миска с картошкой, хлеб, стакан мадеры. Даже слезы навернулись у меня от такой невиданной роскоши и тепла человеческого.

В госпитале попала газета. Прочел я заметку, что родители меня разыскивают. После-то я узнал: они получили телеграмму, что погиб их сын Леонид под Волочаевкой.

Олег разыскивал адреса бывших жителей села Пермского. Ему указали, что один из старейших сельчан Никита Курносов проживает сейчас на Старой площадке — в небольшом рабочем поселке, притулившемся на окраине города возле самой реки. В высокую воду Старая площадка превращалась в Венецию. Но жители ее, привыкшие свободное время проводить на Амуре, не покидали насиженных мест. Размытые водой домики кое-как подправляли и жили до другой большой воды. Привлекало людей место. По реке легко привезти сено для коровы, накошенное на островах, дрова. Дом Никиты Курносова выделялся размерами и добротностью среди других временных жилищ. Избе, казалось, и наводнения нипочем. Хозяин дома, высокий старик, встретил ребят приветливо.

— Заходите, ребята, гостями будете, — говорил он, приглашая в дом. — Ко мне не очень-то часто жалуют такие молодые гости. Сыны и дочки по свету рассеялись, внуки тоже. Вот со старухой кукуем вдвоем. Узнав о цели прихода ребят, старик сказал:

— Полк, стало быть, разыскиваете? Доброе дело делаете. Значит, вам наперво надо узнать, кто жил в избе напротив часовни?

Он внимательно пригляделся к фотографии, силясь восстановить в памяти имена односельчан.

— Нет, не припомню, — огорченно заявил старик.

— Бормотов там жил, — неожиданно заметила жена, молчавшая до сих пор. Она сидела у окна и вязала чулок.

— Верно, Бормотовых то изба! — обрадовался старик. — Из их семьи Петр остался, Петр Леонтьевич Бормотов. Большущая была семья, кондовая. Бормотовых, почитай, в любом амурском селе встретишь. А искать Петра проще простого. Вы теперь идите на берег за старую площадку. Там лодочная станция, а Петр при ней сторожем. Может, он что знает, коли печать на его огороде нашли.

Приложив ладонь к уху, старик внимательно выслушал пересказ беседы Кольчугина с умирающим народоармейцем.

— Враг... В Пермском?.. Кто же это мог быть? Вроде в нашем селе таких-то лютых и не было.

— Были... — возразила старуха. — А Ковалев? Он еще братаном придется Петру Леонтьевичу.

— Смотри-ка, память какая! — с восхищением сказал старик обращаясь к юным гостям. — Ковалев Советскую власть встретил как пес лютый. Ковалев. Припоминаю маленько. Он один из нашего села пробился в офицеры еще при царе. Богато жили Ковалевы, крепко жили. Почти все село в руках держали. Сейчас их нет, Ковалевых, никого. Как-то появлялся офицер тот Ковалев в Пермском. Банду пытался скототить, не получилось у него. И пропал после того, как в воду канул. Куда — не знаю. Я-то в те времена партизанил.

— А этот Петр Бормотов заодно был с Ковалевым? — спросил Олег. — Ведь родственники.

— Ни-ни, разные это люди! — возразил старик. — Петр сам партизанил. Вместе подались в партизаны, только он в Керби больше находился, а я в Николаевске.

— ...Бормотовых много по Амуру, большая была семья... — Этими словами провожал Курносов гостей. Видно, супруги сегодня еще долго будут вспоминать прошлое, перебирать давно забытые имена, события...

Бухта, где расположена стоянка лодок, огорожена боном. Лодки тесно жались друг к другу. Одни плавали на воде, другие вытаснены на берег. Раскрашенные всеми цветами радуги, из дерева, из металла, с тентами, моторами разных конструкций. К откосу приткнулась будка сторожа всей этой пестрой флотилии. Хозяин будки, сухой жилистый старик с рыжими усами, сидел возле дверей на чурбаке и налаживал перемет — на длинной проволоке поводки с острыми крючками. Егор мысленно одобрил искусно сработанную снасть. Он-то понимал в этом толк. Сазан и сом хорошо ло-

вятся на такую вот штуку. Ребята подошли к будке, не сговариваясь, уступили Олегу право вести переговоры с мрачным на вид стражем. Но тот и рта не успел открыть, как старик решительно сказал:

— И не просите, не дам.

— Что? — озадаченно переспросил Олег.

— Лодку не дам. Не могу малолеткам, — буркнул старик, продолжая навязывать поводки.

— Мы не лодку... — начал было Костя,

— Идите, идите, нечего тут торчать. Место казенное.

— Мы к вам пришли, — не сдавался Олег. — Вы товарищ Бормотов?

— Ну я, так что же?

— Мы ищем одного человека, Ковалева.

— Ну и ищите, а тут шляться запрещено, — рассердился старик.

— Вы знали белого офицера Ковалева? — вмешалась Вера.

Старик быстро взглянул на девочку, в глазах колючие искорки. Ребятам показалось, что вопрос вызвал у сторожа беспокойство. Но он овладел собой, лицо его снова стало бесстрастным.

— Ни белого, ни серого. Шутковать сюда пришли? Марш, говорю, отсюда! — руки старика, державшие поводки, заметно дрожали. — Ишь, чего надумали!

Такой прием не располагал к беседе, и наши друзья решили уходить. Уже по дороге на обрывистый взлобок берега Олег, внезапно что-то решив, вернулся к сторожке. Старик угрожающе поднял голову.

— Вы нас извините, Петр Леонтьевич, — сказал он. — Мы не хотели вас обидеть. Мы нашли полковую печать на огороде, который когда-то принадлежал вам. И хотим разыскать людей, служивших в этом революционном полку.

— Печать? — переспросил старик, и что-то вроде любопытства отразилось на его сухом, изборожденном морщинами лице. — Пусть идут себе, — махнул он рукой, заметив, что Олег хочет остановить товарищей. — А мы потолкуем...

— Печать? — повторил он.

— Да, круглая такая, из меди. Вот отпечаток, — Олег показал старику бумажку. Тот пристально разглядывал ее и молчал. Потом, отложив в сторону незаконченную снасть, сказал:

— Вот что, малый, видел я эту печать.

— Где? — обрадовался Олег.

— Подожди маленько, — поднял руку старик, — не спеши. А к чему, спрашивается, вам Ковалев понадобился?

— Говорят, он тоже служил в том полку.

— Говорят, значит, знают. Хотя порой и зря говорят, — задумчиво заметил старик, искоса поглядывая на подростка. — Примерно расскажу я тебе о Ковалеве, что из того, что изменится?

— Мы установим, историю полка. Ведь люди должны хранить память о бойцах революции. Вы ведь сами были партизаном?

— Угадал, брат. Был. В Приамурье воевал. Когда японская была прово-

кация, это в двадцатом, в те поры я в Керби в отряде состоял. На приисках там работал, а в революцию мы отряд создали.

— Так вы знали Ковалева?

— Не хочется мне, парень, говорить о нем, незачем старое ворошить. Может, из-за этого Ковалева я перетерпел много. Ну его к бесу! — старик зло сплюнул.

Олег почувствовал, что вот-вот прервется удачно начатый разговор. Он поспешил спасти потухающую беседу.

— Мы так надеялись на вашу помощь...

Взгляд старика смягчился. Помедлив, словно прикидывая в уме что-то, сказал с ворчливым благодушием, неожиданным для всего его облика:

— Ладно уж, больно ты парень шустрый и настойчивый. Таких я люблю. Так и быть, расскажу кое-что, хотя зарок давал себе не возвращаться к этой оказии. Так слушай.

9. ТЕМНЫЙ БРАТАН

Третья запись в дневнике следопытов, сделанная Олегом со слов старожилы села Пермского Петра Леонтьевича Бормотова.

— Род Бормотовых — стародавний на Амуре. Дед мой приехал сюда лет сто назад из Пермской губернии. Вместе с другими пермяками основал село. Намаялись здесь порядочно, но потом зажили вроде неплохо. Можно сказать, вровень все жили, справно. А вот Ковалевых корень — алчные были людишки. Торговлей занялись, все село в руках держали, да и нанайцев окрестных закабалили. Старшего сына Василия Ковалев — добился-таки — направил в школу прапорщиков. Очень хотел старик, чтобы сын офицером стал. Деньги все сделают. Взяли в школу Василия. На побывку приезжал в форме военной, форсит парень, на нас, земляков, свысока смотрит. Прямо дворянин. И со мной говорил нехотя, между прочим, мне братаном приходился, двоюродным. Наши, матери — сестры были. Но родства этого, по-деревенски хотя и близкого, мы не чувствовали. Наша-то семья не в бедняках ходила, но и торговый обман Ковалевых был нам не по нутру.

В германскую войну Василий служил на фронте, там, на западе. А после революции заявился домой погостить. Офицерские погоны, два Георгия на груди. Был такой орден — крест серебряный. Мне тоже пришлось навещать с приисков домой. Встретились. Как раз после Октябрьской революции дело было.

— Не выйдет ничего у большевиков, — говорит он мне.

— Да вроде вышло, — отвечаю. — В России-то Советская власть.

— У нас, на Дальнем Востоке, — другое дело. Державы, иностранные не допустят. Да и внутри силы есть. — И на погоны показал.

— Как бы не сорвали...

— Это не ты, случаем, сорвешь?

— Уж как придется.

— Смотри, Петр, не просчитайся. Нахвтался, я вижу, идей всяких на приисках. Тебе бы нас держаться.

— Кого это вас? Лавочников?

— Ну, ну, не будем ссориться, — встал, спокойным старается быть, а побелел весь.

Так и разошлись в тот раз. Вскоре уехал из села Василий, потерял я его из виду. Тут началась гражданская война на Дальнем Востоке. Белогвардейцы, японцы, американцы... Кто только не лез на нашу землю. Все эти годы я был в партизанах. Думал, никогда больше не встречу своего брата-на, но все же пришлось.

Случилось это в начале 22-го года. Ранили меня в бою. Верст за триста до родного села дружки то на руках, то на лодке доставляли. Отлеживаюсь, поправляюсь. Война еще идет, но по всему видно — скоро белякам конец. Вот тогда-то снова заявился Василий Ковалев в село. Пришел ко мне. Я на кровати, нога в лубках.

— Крепко тебя? — подсел к кровати. Так спросил, никакого сочувствия в голосе. Переменился мой братан сильно. Одет в гражданское, только шинель и папаха серая офицерские. Зарос, глаза запали, но огонь в глазах прежний, злой. "Эк, думаю, в тебе лютости, Ковалев". Жду, что еще скажет. Встреча эта происходила в феврале.

— Взял Блюхер Волочаевку, — промолвил он угрюмо. — Не слыхал?

— Нет, — говорю. — И верно. В те времена долго шли вести до нашего села.

— Радуетесь? — спрашивает.

— Как не радоваться, войне конец.

— Там будет видно, — нахмурился братан, папаху в руках мнет.

— Ты, случаем, не из-под Волочаевки? Взглянул на меня остро так, усмехнулся криво.

— Чую, о чем мыслишь. Нет, брат, в партизанском полку служил. Вот на побывку пустили.

— В каком полку?

— Нет его, полка этого... Весь полег, — отвечает. — Ты вот что, Петр. Пусть у тебя мой сундучишко полежит. А я вроде в разведку домой. Сам знаешь, время какое. Батя мой не в почете... Жену посмотрю, Настю, дочек.

— Оставляй, — говорю. — Места не жалко.

Внес он в избу сундук, окованный железом. Невелик сундук, но по всему заметно — увесистый. Поставил Василий сундук в угол, накрыл дерматином и ушел, Я размышляю, что заставило его в партизанский полк податься, не таковский он парень. Впрочем, и офицеров немало к красным переходило. Жизнь круто месила людей. Но нутром чувствую: не наш братан Ковалев. Темный он человек, повадки волчьих. Ну да пригляжусь, посмотрим...

Долго не приходил Ковалев ко мне. Потом навевывалась жена его, Настя, плакала. "Не пойму, говорит, что он задумал. Словно окаменел человек. Уходил из дому, сказал: "Скоро вернусь..."

А после слухи поползли, что видели Ковалева в соседних селах. С бога-

тенькими встречается. Что бы это значило? Ковалев сам раскрыл свои планы, когда вновь ко мне заявился. Пришел сильно хмельной, сел у стола, стукнул кулаком по столешнице и говорит:

— Труссы! Только языками молоть, а как до дела дойдет — в кусты.

— Кто труссы? — спрашиваю. Я уже ходить начал, с палочкой. В молодости сильный был. Подсаживаюсь к столу.

Посмотрел Ковалев на меня с удивлением, словно только сейчас заметил, помотал башкой. Волосы на лоб свисли. Пьяный, но мысль, которая гложет душу, не покидала его. Качнулся на стуле.

— Думаешь, удержится Советская власть? — рассмеялся он хрипло. И снова по столу кулаком. — Не выстоит! Нет. Я-то знаю все. У меня верные люди есть. Слышал? На маньчжурской границе сила собирается... Огромная! Да. Двинет — все к черту полетит, все!

— Ждешь, значит? — спрашиваю, а у самого в горле ком горький.

— Жду и дождусь!

— А если я тебя в сельсовет отведу, да в трибунал тебя?

Захохотал братан во все горло.

— Ничего не получится. Я уже был в сельсовете. Вот, смотри, — он рванул, борт шинели, достал бумажки, сует мне. Читайте. Действительно, бумаги по форме. Сельсовет дал ему справку, что Ковалев Василий, служивший военным советником партизанского полка, может проживать в селе и что имеет право пользоваться льготами, полагающимися партизанскому бойцу.

— Видал? — смеется, довольный, что меня огорошил. — Полагающимися льготами. А ты, дорогой родственничек, в трибунал меня хотел. Эх ты, башка бестолковая!

Тут-то он, пожалуй, был прав. Туто моя голова тогда соображала. Ведь враг, враг, а бумаги форменные. Зря не выдадут. Вдруг встает мой братан, говорит:

— Ладно, потолковали по душам, пора и честь знать. Мой сундук цел?

— За такие вопросы...

— Пошутил, братан, не ершись. — Обвязал сундук веревкой, чтобы ловчее нести. — С этим, брат, сундуком я нигде не пропаду. В этом сундуке, если хочешь знать, жизнь моя и богатство. Так-то.

"Золото наградил", — подумал я.

— Не только золотишко. Кое-что почище есть, — словно прочитал мои мысли Ковалев.

— Торговать собираешься?

— Не подходит. Я все же офицер, братан. Помни об этом.

— Куда же идти метишь?

— Пригляжусь. Может, в селе буду жить, может, в Хабаровск подамся.

Ушел, руки не подал.

— Больше не видели его? — поинтересовался Олег.

— Нет, как же, пришлось встретить... Но ты слушай дальше.

Сынишка мой, тогда поменьше тебя был, подходит как-то и показывает мне медную бляшку, вроде медали. Рассмотрел, вижу: печать. "Ульбинский полк..." слова по ней...

— Та самая! — воскликнул обрадованный Олег. Старик сердито крикнул. Не любил, когда перебивают.

— Откуда взял?

— Из дядинькиного сундука.

— Да ты зачем, проказник, в чужой сундук лазишь? — за чуб его. Сын в рев.

— Поглядеть хотел. А на сундуке ключик привязан.,

— А что там... в сундуке было? — не утерпел я. Понял, шельмец, может миновать ремня, заторопился:

— Бумаги, тять, разные. Много. Все исписанные, правда. Под ними материя красная. Из такой у соседского Фильки рубаха праздничная пошита. Ниже что-то твердое в синей бумаге. Еще наган, патроны к нему.

Тревога меня взяла. Чую, все неспроста: и бумаги, и наган, и печать. Нехорошее кроется за всем этим. А уже за несколько дней до разговора с сынишкой сообщили мне односельчане, что братан мой с женой Настей и двумя дочками-малолетками погрузился на лодку и отбыл глубокой ночью неизвестно куда. Если документы, тем более совесть в порядке, так зачем воровски бежать? И на пароходе можно, тем более с семьей.

Поразмыслив, решил печать ту в сельсовет передать. Печать все в шкафу лежала. Председатель Совета в отлучке находился. А когда приехал и я надумал к нему идти, кинулся в шкафчик — нет печати.

— Где? — допытываюсь у жены и сынишки. Переглядываются, молчат. Потом жена и говорит, что велела сыну закопать печать в огороде.

— Испугалась я, — признается. — А вдруг Ковалев хватится, с обыском придет, беда будет. Вещь казенная.

Что тут поделаешь. Поругал своих, молчу. Решил: может, обойдется.

А вскоре в село двое в кожаных тужурках и кожаных картузах приехали. Были в сельсовете. Долго разговаривали. В селе о новом человеке враз все узнают. Деревня. И я, конечно, прознал про то. Так ведь и раньше комиссары приезжали к нам. Обычное дело. Только прибегает с улицы жена, бледная вся, и говорит:

— Петр, кожаные-то к нашей избе направились, моментом тут будут. Как бы беды не случилось.

— Молчи ты, беды, — цыкнул на нее. Пуглива была женщина.

Вошли те двое, присели. Старший спрашивает:

— Вы партизаном были, товарищ Бормотов?

— Три года в кербинском отряде. Ранен в ногу,— отвечаю.

— Стойкий был отряд, — подтвердил младший. Помолчали. Потом старший спрашивает:

— Мы с вами, товарищ Бормотов, не будем петли крутить. Прямым разговор поведем. Ковалев Василий ваш двоюродный брат?

— Так точно, — отвечаю, — братаном приходится.

— Как вы к нему относитесь?

— Да как? Темный он человек, непонятный. Дружбы с ним никогда не вел.

— Он к вам заходил не так давно?

— Был. Как раз после взятия Волочаевки. Сундук оставлял.

Переглянулись быстро. Старший спросил:

— Сундук каким был по виду?

— Небольшой, окованный железом.

— Он самый,— сказал старший младшему.

— Взял он сундук, — поясняя гостям.

— И что говорил вам, когда прощался?

— Ушел не попрощавшись. Да я больно в том и не нуждаюсь. А говорил...

И рассказал все, что в те поры говорил мне Ковалев и что я о нем думал.

Старший поморщился досадливо, по колену рукой стукнул.

— Ошибку совершили, Бормотов. Задержать надо было вашего брата. Опасный он преступник. Мы вас, конечно, не виним, но жалко, что ушел волк такой. Впрочем, от нас не уйдет, найдем. Ковалев полк партизанский погубил.

— Как? — спрашиваю, а самого в пот ударило: "Вот дал оплошку!"

— Не можем пока сказать. Придет время... А пока о нашем разговоре никому. И если придется узнать или увидеть Ковалева, сообщите в сельсовет. Договорились, товарищ Бормотов?

— Так точно, — отвечаю. — Теперь он от меня не уйдет, темный братан.

— Вот и отлично.

И ушли, оставив меня в смятении.

Года три прошло. Народ стал оперяться после войны. Жить получше стали. А белые банды все еще бродили по тайге, как и мой братан, ждали подмоги из-за границы. В нашей местности тоже пошаливали, то в одном селе, то в другом убьют человека. Активисты больше страдали. Кто-то доносил бандитам на селькора, коммунистов, комсомольцев, работников сельсоветов. Иногда мы, вспомнив старые походы, брали ружья и прочесывали тайгу в подозрительных местах. Смотришь, малость поутихнут. А о Ковалеве ни слуху ни духу, как в воду канул. Я уж подумывал, что махнул он в Маньчжурию. Иначе где ему быть, тем более с семьей. И вот однажды приходит ко мне знакомый нанаец Савелий, Жил он когда-то до революции в рабочих у Ковалевых. У них таких батраков несколько было. Соки выжимал из бедняг старшой Ковалев. Так вот, приходит Савелий и говорит:

— Мне маленько соли надо, маленько спички. Помоги достать.

Отчего ж не помочь таежному человеку. Устроил я ему все. Угостил хорошо. Нанайцы народ тоже приветливый, гостеприимный. Выпил мой гость немножко, разговорился. О тайге, о звере рассказывал. Я его и спрашиваю:

— Полегче теперь жить, друг. Сам себе хозяин. А раньше на Ковалевых спину гнул.

Сразу умолк Савелий, запечалился. Пожитки свои стал собирать.

— Ты чего это? Погости, куда спешишь?

— Идти надо, заболтался маленько. Ругать будут, сильно ругать.

— Да ты, паря, жены боишься, — смеюсь.

— Зачем жена... Не сам я себе хозяин, Ковалев хозяин. Плохо, Петр, очень плохо живу.

— Да ты что мелешь! — удивился я. — Какой к черту Ковалев! Их давно и духу нет.

Савелий оглянулся вокруг, потом наклонился к уху моему и шепчет тихо так:

— Ковалев Василий теперь мой хозяин. Ох, лютый хозяин, беда!

Я аж подскочил от неожиданности.

— Да где же он?

— Нельзя говорить, хозяин убьет меня.

— Мы в обиду не дадим, говори — требую.

Уперся нанаец, окаменел. Твердит одно: "Убьет меня, если скажу. Он везде меня найдет". Так и сказал. Собрал вещички и отправился в тайгу. Тогда тайга была сразу за околицей. Я в сельсовет. Председатель мне двух парней дал, ружья прихватили, идем следом за нанайцем, издали приглядываем за ним. Уверены, что выведет он, сам того не зная, к бандитскому логову.

Нанаец шагал все по долине Силинки. Споро шел. Да и мы умеем в тайге ходить, не отстаем. Но, видно, плохо хоронились, заметил нас нанаец и как в воду канул. Шел по направлению к горам Мяо-Чана. Побродили мы там дня два. Куда там. Ни тропок, ни следов. Вернулись ни с чем.

Через месяц пришлось мне с артелью лес заготовлять на Силинке. Как-то взял я ружьишко и пошел пострелять рябчиков на ужин. Бреду, поглядываю. На поясе уже штук восемь птиц болтается. Собираюсь было на стан возвращаться: Вдруг над головой слышу: "шелк!" Пуля! Звук этот мне очень знаком. Я за лиственницу схоронился. Мурашки по спине побежали. Смекнул, с какой стороны выстрелили. Всматриваюсь. Впереди сопочка небольшая с голой вершиной. Долго, ждал. И вот выходит из кустов человек с винтовкой, озирается. В оленьей дошке, в ичихах сохатиных и в фуражке. Стал красться в его сторону. "Ну, думаю, я тебе покажу, как в людей стрелять, варнак несчастный!" Совсем близко подошел. А тот меня не видит. Заложил патрон с жеканом, прицелился и кричу:

— Руки вверх! Винтовку бросай!

Выпала из рук неизвестного винтовка. Руки поднял. Понял, что попался. Подошел я поближе, и хотя человек тот был сильно заросший, борода большая, признал его: братан Ковалев.

— Ты что ж, бандюга, — говорю, — в людей стреляешь?

— Что ты, братан! Обознался я. За медведя принял, — взмолился Ковалев.

— Ты обозначаешься! А ну, шагай вперед!

Поднял его винтовку, на плечо вскинул, пошли. Молчал, молчал Ковалев, потом остановился, сел на траву и сказал глухо:

— Стреляй здесь, не пойду дальше.

— Пойдешь, — угрожаю.

— Ни шагу. Не могу идти. Без меня Настя и дочки в тайге сгинут.

Опешил я.

— В тайге? Да разве они с тобой?.. Три года?..

— Да. В зимовье живем.

— Подожди, да ты, случаем, не рехнувшийся человек? С семьей в тайге? Все белых из-за кордона ожидаешь? Но детей и жену зачем тиранишь, волк ты и есть волк.

— Не твое дело, — огрызнулся братан. — Советоваться с тобой не буду. А своего я дождусь, слышишь ты, голь перекатная! — обернулся ко мне, глаза белые от бешенства. Даже муторно стало на сердце, тоскливо. Надо же, столько ненависти в человеческом существе может быть.

Задал он мне задачу. Жалко стало неповинных детей и жену Ковалева. И верно: могут пропасть без него. Тайгу-то я знаю хорошо. И отпустить мне его никак нельзя. Вот тут, покамест я размышлял, перехитрил меня Ковалев. Схватил винтовку и под откос к речке покатился. Убежал-таки. Хорошо, что я винтовку догадался разрядить. Обязательно меня пристрелил бы. Это точно. И долго я потом размышлял: с ним семья или нет? Просто не верилось, что на такое способен. Ведь волк и тот своих детей оберегает и житье хорошее обеспечивает.

Еще минуло несколько лет. Бандитов всех в тайге повыволовили. Тихо стало. И Ковалева стал помаленьку забывать. Иной раз о Насте и дочках ее всплакнет жена. Так и полагали: пропали они и сам Ковалев. Батрак его не показывался больше в селе. Словом, выбросили из памяти, как сон нехороший. А жизнь новая разгорается на Амуре. Пароходы пошли густо. Народ стал ехать на Дальний Восток. Только и читаешь в газете: такая-то начата новостройка. Дошла очередь и до нашего села. Весной однажды два парохода причалили к пристани, парней несколько сот привезли. Узнали мы, что будут комсомольцы строить на месте нашего села заводы большие и город. Я на стройку плотничать пошел. Сынишка подросток, тоже стал со мной работать. Взыбли комсомольцы нашу тайгу, такие дела тут заварились, любо-дорого!

Вот в эти-то дни, перед октябрьским праздником, как раз и заявила ко мне жена Ковалева Настя. Не узнал поначалу бабу. Постарела, лицом потемнела. Приняли мы ее приветливо, расспрашивать стесняемся, чувствуем: не в себе женщина. А она молчит. Только плачет по ночам тихонько, чтобы не услышали. Несколько дней прожила, собираться стала.

— Куда? — спрашиваю.

— К сестре, в село Троицкое. Там жить буду.

Прощаясь, я не утерпел, спросил:

— Муж-то где, дочки?

— Умерли дочки... — отозвалась, в глазах слезы.— А муж... Нет у меня мужа. Погубил он мою жизнь. Ушла я, он там остался... На коленях просил еще обождать: "Скоро наши придут..." Сама виновата, раньше надо было опомниться. Дочек жалко... Застрелить угрожал, но ушла я. Сказала: "Стреляй, изверг!" Долго он целился, а после бросил винтовку, в зимовье убежал.

— Где зимовье-то? — спрашиваю.

Посмотрела пристально так на меня, усмехнулась печально.

— Не ищи его, Петр. Не страшен он вам теперь, он себе самому страшен, конченный он человек.

Хотелось узнать, как дети погибли, как жили все эти годы в тайге. Не мог. Нельзя было тревожить женщину. Не в себе и так уходила. На дорогу денег дали, продуктов. Комсомольцы по первому льду поехали в Хабаровск на машине, с собой Настю прихватили.

В ту зиму пришлось мне снова услышать о Ковалеве. Белковать я направился к Чукчагир-озеру. За Мяо-Чаном оно, у Амгуни. Там и наткнулся на зимовье старого моего знакомого Савелия, бывшего работника Ковалева. Чаю попил, обогрелся у камелька. И начал потихоньку осведомляться о Ковалеве. Уж этот должен знать судьбу незадачливого врага моего и народа нашего. Савелий напрямик сказал:

— Убил я Коваля.

— За что?

— Зверь, однако, не человек. Глупый я, раньше надо было стрелять. Девочки бы спаслись. Настя спаслась.

— Убил девочек, что ли?

— Зачем? Сами умерли. Заболели сильно, а лечить где? В село идти боялся, шамана тоже боялся. На след наведет.

— Как убил Ковалева?

— Пришлось так. Вернулся однажды с охоты, а он винтовку чистит. Насти нет. Кричу: "Где Настя?" — "Нет больше Насти и не будет, понял?" — "Говори, где Настя?" — "Ты не ори, отвечает, пристрелить я тебя могу". Все я понял: убил и запрятал Настю. Ждал я того. Последнее время часто ссорились. Она все уйти к людям хотела, он не велел. И меня убьет, раз жену не жалел. Хорошая была баба, много добрая хозяйка. Думал-думал: "Все равно меня стрелять будет, я первый стрелять стану". Подкараулил и застрелил.

...Рассказ старика потряс Олега. Он живо представил себе офицера Ковалева, его жену Настю, детей...

— Вы так и не знаете, где жил Ковалев в тайге? — спросил Олег.

— Нет. Да и нужды не было. Таких заброшенных зимовьев, парень, в тайге много. Да и зачем мне ковалевское?

— Но там мог сохраниться сундук?

— Вряд ли, — равнодушно возразил старик. — В тех местах по несколько лет палы были. Зимовье наверняка погорело. Да и что сундук?

— Но в нем могли быть какие-нибудь документы.

Старик принялся навязывать поводки к перемету, давая знать, что разговор окончен и что он устал, что его растревожили воспоминания минувшего. Во всяком случае, так понял старика Олег. Он стал прощаться.

— Если на лодке захотите прокатиться, заходите, дам, — пообещал старый сторож и уже вслед Олегу крикнул:

— Парень, о зимовье можно, пожалуй, узнать у того нанайца. Живет он в Кондоне. Только совет вам, мальцы: не беритесь за это дело. Тайга. Да и сгорело оно, зимовье-то. Это как пить дать, сгорело...

10. В ТАЙГЕ

Олег слово в слово записал в клеенчатую тетрадь беседу с Бормотовым. А когда прочитал записи друзьям, Вера сказала с восхищением:

— Ты настоящий литератор, Олежка! Ну так все понятно...

— Литератор... — с ревнивой иронией буркнул Егор.

— Что, плохо, скажешь?

— Остынь, — прервал ее Егор. — Дело не в литературных способностях Олега, а в самой жизни людей. Ну, хотя бы того же комиссара Шерого.

— Не спорь, мало услышать, надо уметь написать, — не сдавалась Вера.

— А это может сделать талантливый человек. Олег — талантливый, он стихи пишет.

— Егор прав, — вмешался Олег, не желая, чтобы друзья поссорились. — Каждый бы так сумел записать.

— Ребята, — взмолился Костя. — Мы для этого собрались, чтобы ругаться? Давайте же думать, что нам делать дальше.

Слова Кости отрезвили спорщиков. Скоро пришли к единому мнению: надо обязательно попытаться попасть в Кондон и встретиться с Савелием.

— Если он жив, — заметил Олег.

— Дети, внуки остались, — предположила Вера.

Итак, следы таинственной истории вели в далекое таежное село. Непросто добраться до него. Ребята с нетерпением ожидали возвращения Александра Николаевича. Он проводил слет туристов и вот уже неделю пропал в тайге. Каждый день к Егору навевались Олег и Костя. Раз два забегала Вера. "Не приехал еще", — отвечал огорченным друзьям Егор. Им не терпелось продолжить поиски и так нужен был сейчас совет Александра Николаевича. Перед юными историками открылся большой интересный и неведомый мир, необыкновенные судьбы людей. Все это так захватило их, что они только и говорили о полке, строили догадки о местонахождении Ковалева. Олег пересмотрел в библиотеке гору книг о гражданской войне, но так и не встретил хотя бы малейшего упоминания об Ульбинском полке.

Сегодня, когда Вера возвращалась домой из магазина с тяжелой хозяйственной сумкой, окно квартиры Новицких распахнулось, высунулась рыжая голова Егора. Он поманил Веру рукой.

— Дед прибыл, о чем и спешу доложить. Заходите все после обеда, обещал аудиенцию. На кухне он у меня, его очередь...

В назначенное время наши друзья вновь собрались в большой комнате Новицких. Александр Николаевич, соскучившийся по внуку, был говорлив и ласков с Егором и его товарищами. Соревнования у него прошли успешно, группа Александра Николаевича заняла первое место и получила диплом.

— Знай наших, — подмигивал Александр Николаевич с детским лукавством, показывая этот самый диплом — лист с золотыми буквами. Он показал также новые образцы минералов, найденные в тайге, и шкурку орлана. Будет в комнате-музее Новицких еще одно чучело таежного пернатого обитателя.

Наступил черед отчитываться следопытам. Дополняя друг друга, ребята подробно рассказывали о всех встречах.

— Нет, вы только подумайте! — восклицал Александр Николаевич. — Монета чжурчжэней — полковая печать — знамя... Любопытная история получается! Теперь вам понятна работа исследователя, ее благородство? Если все факты подтвердятся да найдется знамя, то вы, друзья мои, восстановите честь полка, красного полка, сражавшегося за нашу Родину.

— Что же нам теперь делать? — спросила Вера.

— Продолжать поиски! Несомненно продолжать!

— Но тогда придется ехать в Кондон, — заметил Олег.

— Без промедления! — пристукнул ладонью по столу Александр Николаевич.

— Да, но это далеко и нас могут не отпустить родители, — с сожалением сказала Вера.

— Резонно, — опомнился Александр Николаевич. — Я тут с вами увлекся. — И он смущенно потер широкий лоб.

Ребята погрустнели: все их начавшееся так успешно предприятие грозило прекратиться. Кондон не Вознесенка, не Амурск. Кто их пустит в далекое путешествие по тайге? Огорчение своих юных друзей искренне разделял Александр Николаевич. Он не меньше их испытывал страстную потребность разгадать загадку, поставленную историей. Старик долго молчал, размышляя над чем-то. Вот его лицо осветила широкая улыбка, он поднял руку, призывая к вниманию, и сказал:

— Знаете, что я надумал? Пойдем вместе в Кондон. Тише, тише, — замахал он руками на вскочивших с мест следопытов и громко приветствовавших решение Александра Николаевича. — Радоваться рановато Олег, Вера с Костей должны договориться с родителями. Если те дадут согласие...

— Дадут, Александр Николаевич! — кричала Вера, обнимая старика.

— И меня пустят, — сказал Олег.

— Посмотрим, посмотрим, — успокаивал развеселившихся друзей Александр Николаевич. — Так вот, если отпустят, то мы пойдем с группой туристов до Кондона. Это студенты. Правда, у меня был несколько иной маршрут, но дела ради чуть-чуть изменим курс. Потом все и обговорим. А сейчас марш к папам и мамам!

Папы и мамы согласие дали. Такому человеку, как Александр Николаевич Новицкий, можно было доверить детей. С этого часа квартира Новицких превратилась в штаб подготовки к походу в тайгу. Начали с разработки маршрута. Александр Николаевич достал из стола карту. Такие крупномасштабные карты не всем из ребят приходилось видеть. Они узнавали знакомые поселки и речки, окружающие их город, горные хребты. Много, оказывается, гор в родном краю. Вот хребет Мяо-Чан, Баджальский... На западе бежит, извиваясь, быстрая Амгунь, а тут, восточнее, Амур с множеством рукавов, проток, островов, примыкающих к нему озер. Возле Амгуни таинственное озеро Чукчагирское. Про него рассказывают чудеса.

— Давайте помозгуем, — пригласил Александр Николаевич, разглажи-

вая на столе карту. — Есть несколько вариантов нашего маршрута. Можно пойти по долине речки Силинки до Солнечного, перевалить восточный этот хребет по речке Горин. Река Горин течет в Амур, в нее впадает река Девятка. На Девятке и стоит село Кондон.

— Где-то в верховьях Силинки и жил Ковалев. Так Бормотов объяснял. Может быть, мы найдем избушку его, — сказал Олег.

— Мало вероятно, — усомнился Александр Николаевич. — Искать в тайге зимовье — все равно что иголку в стоге сена искать. Вся надежда на того старого нанайца, работника Ковалева.

— А если он умер? — заметила Вера.

— Родственники остались.

— А если они не знают ничего о зимовье?

— Тогда... — Александр Николаевич выразительно развел руками. — Продолжим дальше. Второй вариант несколько труднее. Но зато, друзья мои, мы попадем на вот эту речку. В этом вот месте есть поющая пещера...

— Пещера... поет? — удивился Костя.

— И еще как поет! — заверил Александр Николаевич.

Конечно же, избрали единодушно второй вариант. Всем хотелось побывать в поющей пещере. Ребята готовы выступить немедленно, но Александр Николаевич только усмехнулся.

— Поход по тайге не прогулка, дорогие мои, — сказал старик. — В первых, надо уметь ходить в лесу. Вы думаете, это просто? Ты, например, как полагаешь? — обратился он к Косте.

— От других не отстану, — вызывающе отозвался тот.

— Ого, с гонором парень! Это хорошо. Но этого мало. Плавать умеете?

— Умеем, — заверили друзья.

— А ходить по бревну? А разжигать в дождь костер? Палатку ставить? Суп варить? А вообще ходить по земле?.. Вижу: улыбаетесь. Напрасно. Туристу нужно твердо знать многие правила, чтобы не погибнуть в пути. Да, да, погибнуть. Такие случаи, к сожалению, встречаются, когда люди легкомысленно готовятся к походу. Ну, я вас не буду пугать. Да и студенты со мной идут опытные, понюхали тайгу. И маршрут мне знаком. Тем не менее требую, чтобы элементарные правила каждый усвоил.

Много, оказывается, надо запомнить правил, чтобы закинуть за спину рюкзак и зашагать по зеленой тайге. Взять тот же рюкзак. Его надо умело заполнить вещами в строго определенном порядке и умело устроить на спине. Или обувь. Оказывается, лучше идти в разношенных ботинках да уложить внутрь войлочные стельки. Надо прихватить еще с собой тапочки. Во время привалов их надевают, чтобы ноги отдохнули. Кроме спортивного костюма следует взять шерстяной свитер или куртку, плащ-палатку и многое другое...

— У вас еще четыре дня в запасе, готовьтесь. Я потом каждого проверю, — сказал Александр Николаевич. И хотя улыбка не сходила с его круглого загорелого лица и глаза чуть выцветшие глядели ласково, в голосе его ребята подметили строгие нотки. Нет, он не спустит ни малейшей небрежности, этот старик.

В путь двинулись в шесть часов утра. Перед этим Александр Николаевич

вич осмотрел снаряжение каждого участника похода. Олега заставил пере-
вязать лямки рюкзака.

— Высоко у тебя приподнят рюкзак. Надо, чтобы лежал на пояснице.
Вот так, теперь ладно.

Проверил, все ли коллективные вещи разобраны и взяты. Костю заста-
вил разуться, осмотрел внутренность башмаков.

— Не велики?

— В самый раз, — успокоил тот.

...Вот уже позади спящий город. Свежестью потянуло с речки Силин-
ки, по берегу которой пролегла начальная часть маршрута. Растянулись
цепочкой по узкой тропинке. Направляющим шел сам Александр Нико-
лаевич. За ним шагали Костя, Вера, Олег, Егор и студенты. Костя старался
идти так же, как Александр Николаевич: мягко ступая на пятку, потом на
всю ступню. Косте казалось, что старик идет слишком медленно. Так и
подмывало обогнать его, вприпрыжку кинуться вперед. Но на втором ки-
лометре у Кости заломило икры, рюкзак становился все тяжелее, и теперь
Костя думал лишь о том, как бы не отстать от мерно вышагивающего ста-
рика.

— Спина чешется, — повел плечами Костя.

— Это пройдет, — успокоила его Вера. Все четверо сделали прививку
против энцефалита. Неприятная, но необходимая процедура, иначе Алек-
сандр Николаевич и разговаривать не хотел о путешествеии.

Егор был недоволен построением колонны. Четверку Александр Нико-
лаевич поставил сразу за собой по той причине, что новички. И отстать
могут и вильнуть в сторону, ищи их потом... Егор поделился своими мыс-
лями с, Олегом. Тот неопределенно улыбнулся, он пока не произнес ни
одного слова. И усталости на его лице не заметно, шагает легко, да еще
успел сделать несколько снимков. Фотоаппарат висит у него на груди. Егор
несколько раз оглядывался, но хвоста колонны так и не увидел. Тропинка
вилась среди деревьев. Редколесье пригорода закончилось, и шли теперь в
густом лесу речной поймы. Ребята любовались развесистыми липами, кед-
рами, вязами. Преобладал лиственный лес. Кедров стояли редко, выделяясь
высоко взметнувшимися кронами. На солнечных полянах росла сирень вся
в белом цвету. К тропинке вплотную подступали заросли малины, ее сме-
няла красная смородина. Журчание речки нарушало тишину леса. Вспуг-
нули выводок рябчиков. Птицы вспорхнули и исчезли в зарослях жимо-
лости. Этой первой ягодой приамурского лета питались пугливые рябчики,
вечные жители тайги, не покидающие ее и суровой зимой.

Тропинка вывела путешественников к берегу речки. Она шумно бежа-
ла по каменистым перекатам в зеленом коридоре леса. Вода казалась зеле-
ной там, куда не заглядывало солнце. В освещенных местах река похожа на
расплавленное серебро. На перекате из кипящей пены выплеснулась в воз-
дух серебряная рыба и звонко шлепнулась снова в поток.

— Хариус! — закричал кто-то.

— Играет, — заметил Александр Николаевич. — Здесь и таймень водит-
ся. Река горная, рыба любит свежую воду.

— Вы, наверно, все-все знаете: и рыб, и растения разные, и деревья? —

спросил Костя, обрадовавшись, что старик заговорил.

— Ну не все, конечно, а кое-что мне известно, — ответил Александр Николаевич. — Я следую совету известного путешественника и академика Ферсмана. Он сказал: "Мы не можем просто гулять по раздолью нашей Родины. Мы должны быть участниками ее переустройства и творцами новой жизни". А чтобы стать участниками и творцами, нужно наблюдать и наблюдать. Изучать животных, растения, реки, искать полезные ископаемые. Надо слушать рассказы местных жителей, хорошо знающих свой край, знакомиться с их жизнью, навыками, трудами, обычаями. А в нашей тайге особенно много неизученного, нетронутого. Говорят: дикая тайга. Неправда! Наши таежные места издавна обживались людьми, вы в этом сами убедитесь.

Александр Николаевич еще долго бормотал что-то себе под нос. И Костя разобрал лишь слова: "Скажут тоже, дикая... Легкомысленное заявление!.."

У того места, где в Силинку впадал ручей, названный Черным, сделали привал. Вода в ручье была действительно черной на цвет, от торфяных берегов. А в Силинке сейчас вода голубая. Она отражает безоблачное летнее небо. Ребята кинулись было напиться в ключе, но Александр Николаевич запретил: "Лишняя вода в походе вредна. Ослабнете. Будет большой привал, чай вскипятим".

В группе шли бывалые туристы. Они разбрелись по тайге, собирая какие-то травы и цветы. Через четверть часа отряд снова углубился в зеленые заросли тайги. Стали попадаться павшие наземь гигантские стволы деревьев, поваленных бурей. Мешали переплетения лимонника и дикого винограда. Камней под ногами прибавилось. За многие века река множество раз меняла русло, оставляя после себя каменную россыпь. А река все вела свою вечную песню, словно звала молодых путешественников к верховьям своим, в ущелья хребта Мяо-Чан, где берет она свое начало.

Остановились на ночевку, когда солнце коснулось западной гряды сопки, а в тайге уже стало сумеречно. Пока ставили палатки-памирки, разжигали костер, Костя задремал, прислонившись к дереву. Его так размогло, что он не слышал ни голосов туристов, ни звона посуды, напоминающего изголодавшейся молодежи о вкусном ужине. Олег с Егором отвели сонного Костю в палатку и уложили спать.

— Не тревожьте его, — сказал Александр Николаевич. — Постепенно пообвыкнет.

Главным поваром вызвалась быть Вера. Ребята загремели мисками, по очереди подходя за порциями супа. Суп всем понравился, и Вера была очень довольна, что угодила товарищам.

На темном небе выпали звезды, поплыл молочно-белый туман над речкой. Изредка гулко кричала выпь, облюбовавшая прибрежный ивняк. Мир сузился до маленькой полянки, освещенной слабым светом костра. Ребята подбрасывали в огонь сушняк, и пламя разгоралось, освещая лица окруживших костер людей. Пели вполголоса песни, обсуждали события минувшего дня. И долго, бы так сидели самые терпеливые, но Александр Николаевич скомандовал: "Спать!" И через несколько минут лагерь затих.

Утром Костя расстроился до слез. Обидно стало, что так позорно ус-

нул. Неженка! Косте казалось, что все туристы смотрят на него с презрением.

— Не могла разбудить... — ворчал он на сестру. Вышли в поход рано. Тропинка давно исчезла, надо внимательно смотреть под ноги. Об этом нет-нет напомнит басок Александра Николаевича:

— Под но-о-ги!

Не лишнее предупреждение. Вера, идущая впереди Егора, уже подвернула ногу, наступив на кочку. Чуть-чуть прихрамывает.

— Больно? — озабоченно спросил Егор.

— Пустяки, — небрежно отозвалась Вера, стараясь тверже ступить на больную ногу.

У подножия деревьев-великанов сыроватая полумгла, остропахнувшие папоротники, редкие травы и мхи. Изредка в просвете тайги мелькнет кузов грузовика. Там асфальтированное шоссе, огороженное белыми бетонными столбиками. Александр Николаевич нарочно ведет по бездорожью. "Привыкайте, — говорит он. — Дальше шоссе не будет, а сейчас оно вроде в резерве у нас".

Там, где река делала большой изгиб, перешли ее в брод, чтобы сократить путь. После переправы Александр Николаевич предупредил всех:

— Сейчас начнется мертвый лес. Под деревьями холить с оглядкой. Словом, делайте как я.

В мертвый лес вступили неожиданно. Как-то сразу оборвалась влажная мгла тайги и стало совсем светло. Насколько хватал глаз, впереди белели огромные, лишенные листьев и коры, стволы деревьев. Лишь кое-где меж этих мертвых колонн зеленели кустарники. Много лет назад напал на эту замечательную рощу сибирский шелкопряд. Лес лишился листвы, вредители изглодали кору, и стоит отныне роща высохшая, мертвая.

По команде Александра Николаевича, идущего впереди, колонна остановилась. Старик подошел к сильно наклоненному к земле дереву и нажал на него плечом. И два обхвата дерева легко сдвинулось с места и рухнуло, подняв облако пыли. Ребятам стало не по себе. Попади-ка под такую громаду, сомнет в порошок, хотя и гнилое это дерево. Наглядный пример, преподанный Александром Николаевичем, пошел на пользу. Наклоненные деревья старательно обходили все.

Мертвый лес кончился так же внезапно, как начинался. Туристы вышли из его фантастических владений и попали в молодую березовую рощу, растущую по склонам сопки. Поднялись на голую вершинку. С одной стороны белел мертвый лес, с другой — виднелись дома большого поселка в глубоком и тесном ущелье. Пенясь, бежала в ущелье Силинка.

На окраине поселка особняком стояли, несколько избушек и длинных барачков. Они расположены без всякого порядка по обоим берегам речки. Создавалось впечатление, что строившие эти дома люди не очень-то беспокоились об архитектурном облике поселка: где свалили бревна, там и рубили дом, нисколько не заботясь о внешней его отделке. Оказалось, что поселок строили геологи, строили временно. Александр Николаевич привел своих спутников к большому барачку, огороженному тесовым забором. Здесь у главного геолога партии туристы сделают большой привал.

Главный геолог встретил Александра Николаевича как старого знакомого. В тайге у Новицкого много друзей. Завхоз партии щедро оделил туристов рыбой из своих запасов.

— Вы такую вряд ли едали. Хариус! — похвалился своим подарком завхоз, бородатый пожилой мужчина.

И похвальба была не лишней. Уха получилась великолепная. А после обеда Александр Николаевич пригласил ребят послушать беседу главного геолога, "хозяина солнечного камня".

— Разве есть такой камень — солнечный? — спросил Костя.

— Есть, — загадочно ответил Александр Николаевич.

— Такой камень есть, — подтвердил геолог, когда все собрались в просторном его кабинете и одновременно лаборатории, или, как говорят геологи, камералке. Геолог взял с полки кусок желтоватой руды и подал ребятам. — Вот он. Это оловянная руда. А олово иногда называют солнечным металлом. Отсюда — солнечный камень. Так вот я расскажу вам, как нашли этот самый камень в здешних горах.

Олег поспешно вытащил из кармана куртки заранее приготовленную клеенчатую тетрадь...

11. СОЛНЕЧНЫЙ КАМЕНЬ

Четвертая запись в дневнике следопытов.

— Вы, наверно, слышали, что руду ищут обычно в руслах рек и ручьев, — заговорил геолог. — А почему именно в руслах? Не знаете? Да потому, что рудные обломки коренных пород попадают в руслах рек, водой их перекачивает на многие десятки километров. Вот и в Силинке вы увидите на дне целые залежи гальки. Знайте, что эти камни совершили немалое путешествие, прежде чем стать гладко окатанной галькой. В таком окатыше иногда встречаются вкрапления металлов. — Геолог показал ржаво-бурый обломок камня. — Замечаете черные зерна? Маленькие зернышки и есть оловянный камень, касситерит. Это кристаллическая окись олова. Олово — редкий металл. Нужно много потрудиться, чтобы извлечь олово из руды. Если содержание касситерита в руде полпроцента, она считается промышленной.

— Ого! — воскликнул кто-то. — А в касситерите сколько олова?

— До восьмидесяти процентов.

— Выходит, что надо переработать два центнера руды, чтобы получить килограмм олова?

— Совершенно верно. Извлечение металла из руды — процесс сложный. Но вернемся к главной теме нашей беседы.

Лет сорок тому назад, когда начали строить на Амуре ваш город, одному инженеру, руководившему, бурением глубокой скважины, попался как раз такой камень. Человек он был наблюдательный, знакомый с геологией. Он сообщил заинтересованным организациям о своей находке. Решили начать поиски оловянного камня, да война помешала. А после войны об олове вспомнили. Геологи принялись изучать здешние места. Установили,

что те речки, которые тащили в устья свои многометровые отложения горных пород, давно исчезли. Появились новые речки, в том числе Силинка. Десятки партий несколько лет изучали берега Силинки и ее притоков, но безрезультатно: касситерита не было. Подумывали даже отказаться от поисков. Последняя группа поисковиков — двое рабочих и студент-практикант Олег Кабаков — отправлена была геологическим управлением почти без всякой надежды, что смельчаки найдут что-нибудь.

— И они нашли? — не удержался Костя.

— Представьте себе, нашли! Три недели затратил Олег Кабаков, чтобы исследовать долину Силинки... Вот как он сам мне рассказывал...

...Шли дожди. Кругом вода: льет сверху, с кустов, травы, хлопает под ногами. Ворчали помощники Олега:

— Обсушиться негде. Этак и заболеть недолго...

— Ничего, ребята, потерпите немного, — успокаивал Олег рабочих. А сам уже сомневается: "Найду ли чего-нибудь? И до меня тут бывали люди, да еще какие специалисты!"

Но виду о своих сомнениях он не подавал, был весел, подбадривал спутников. Так и шли. Исследовали не только Силинку, но и каждый ее приток. Олег Кабаков знал: пропусти такой приток, потеряешь ориентировку. Может, вот именно этот ручей, стремительно бегущий по валунам, и притащил те немногие зерна касситерита, что намыты в десятках проб. Только что прошли полкилометра от того места, где брали шлихи. Пора повторять операцию. Олег скомандовал рабочим остановиться.

— Пока моешь, чай, что ли, вскипятить? — спросил один из рабочих.

— Давай, разжигай костер, — согласился Кабаков. — У меня в рюкзаке береста сухая припрятана, возьми на растопку.

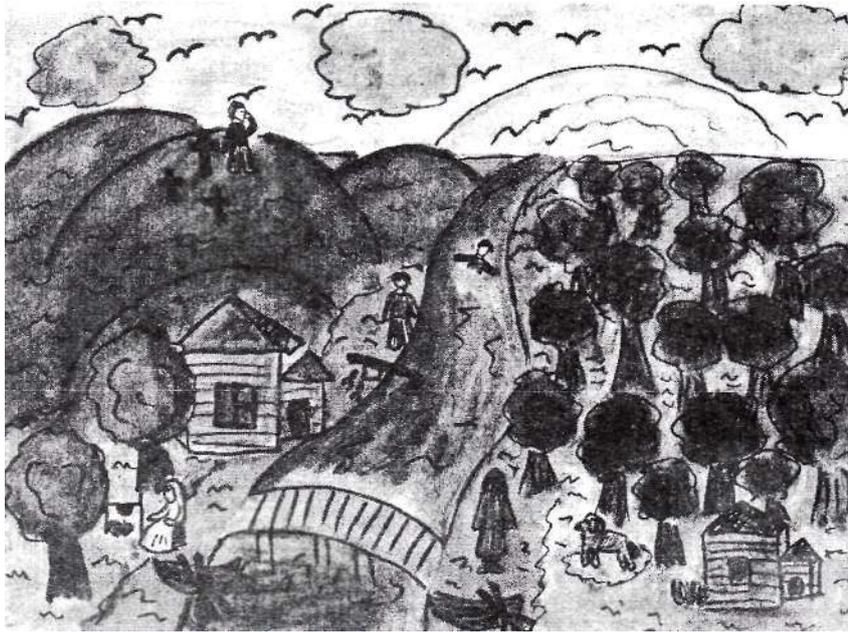
Олег взял лоток, вошел по колено в речку, аккуратно нагреб из-под слоя гальки крупнозернистого песка. Выбрал место, где течение речки по-медленнее, стал промывать. Рабочие без всякого интереса отнеслись к обычной процедуре промывки, надоевшей им до чертиков. Сколько проб взяли — и ничего толкового. В чайнике уже закипала вода, когда раздался торжествующий крик Кабакова.

— Ребята, великолепная проба! — он бежал к костру, неся перед собой лоток. — Вот видите. Зерна-то какие, прелесть! Подозреваю, что выше по течению будут знаки получше. Вы пока пейте чай, а я еще помою! — и убежал, оставив спутников у костра. Те переглянулись, пожалы плечами и приступили к чаепитию.

В тот день несколько проб показали, что вверх по течению Силинки содержание оловянного камня в шлихах нарастает. Только наступившая темнота угомонила Кабакова.

Разбили палатку, забрались все трое в ее нутро. Кабаков не мог уснуть, все высказывал предположения о местонахождении коренного рудного тела. На этот раз и рабочие слушали своего молодого начальника с интересом, заразясь его энтузиазмом.

Утром сняли палатку, уложили рюкзаки, двинулись в путь. Долина Силинки стремительно сужалась. Вот уже две отвесные каменные стены стиснули говорливую быструю речку. На севере громоздились величествен-

ные хребты предгорий Мяо-Чана. Дождь все не переставал. По небу ползли серые тучи, задевая за вершины гор. Пробы радовали молодого геолога. Все больше и больше обломков руды, причем недавнего происхождения, так слабо окатаны камни. Олег восстанавливал в уме всю картину появления осколков оловянной руды: река подмывает сопку, от подошвы до вершины перечеркнутую рудной жилой. Дождь заливает мельчайшие трещины сопки, а зимой замерзшая вода откалывает от горы камешек. Он падает в реку и медленно, годами, по сантиметру движется и движется к устью реки — визитная карточка подземного сказочного клада.

Кабаков приказал ставить палатку, готовить обед. Он не станет больше брать пробы. Он будет искать коренное рудное тело. Или он его найдет, или они сегодня же вернутся в обратный путь, потому что обед этот почти последний: продуктов осталось мало, хотя бы добраться в устье живыми. Взял молоток, отправился налегке вверх по течению. С замиранием сердца то и дело наклонялся, чтобы взять из воды приметный камень. Опять касситерит... И дальше снова касситерит! Внимательно обследовал Олег склоны сопки. В дрожь ударило, то ли от волнения, то ли от холодного дождя. За поворотом реки, сквозь редкую зелень молоденьких пихт показался рыжий оползень крутой сопки. Царапая о сучья руки и лицо, продирался сквозь заросли Кабаков. Еще издали заметил рудную жилу. Только бы' не обмануться на сей раз! Земля ревниво хранит свои сокровища и часто подсовывает геологу похожую обманку. Чуть помедлив, Олег с размаху откалывает молотком кусок руды. Касситерит есть! Еще кусок, есть тоже. Кабаков лезет выше в гору и ожесточенно, забыв обо всем на свете, бьет молот -

ком, наполняя образцами сумку, карманы куртки, брюк, сбрасывает тяжелые обломки к подножию горы. Нет, на этот раз природа не обманывает разведчика! Это залежи оловянной руды Выбившийся из сил молодой геолог взбирается на вершину сопки и падает там в изнеможении. Он лежит, раскинув руки, и смотрит в небо. Только теперь Кабаков замечает, что дождь перестал. Вот промчались по небу обрывки последней тучи, и засияло ласковое солнце

— Оле-е-ег! — донеслось снизу.

Кабаков встрепенулся: рабочие кричат, зовут его. Он вскочил на ноги, подбежал к обрыву, по которому только что взбирался, и закричал во все горло:

— Ребята-а-а-а! Нашли олово-о-о! Нашли! Много олова-а! Идите сюда!

Скоро с пологой стороны горы на вершину взобрались спутники Кабакова, лица их сияли.

— Ты всерьез, Олег? — спросили они.

— Вполне. Вы только посмотрите, — он разложил на чахлой траве образцы руды с черными крапинками касситерита. Да, это было олово.

— Эта гора, — постучал в землю ногой Кабаков, — вся оловянная. Мы с вами сделали большое открытие, дорогие мои.

Кабаков обнял друзей. Все трое, взявши друг друга за плечи, веселые и счастливые, топтались в замысловатом танце на голой вершине древней сопки. Солнце пригрело, и от мокрой одежды разведчиков шел пар.

— Ребята, мы должны назвать это месторождение, — взволнованно заговорил Олег. — Давайте назовем его Солнечное, в честь солнца, обогревшего нас. Сама природа подсказала название. Ура Солнечному!

— Ура-а-а-а! — подхватили все разом, и эхо далеко разнесло торжествующий крик людей, одержавших победу.

— А Кабаков и сейчас здесь живет? — спросил Костя.

— Нет, уехал учиться. Месторождение стали разведывать геологи, горняки. Построили горно-обогатительную фабрику, поселок. Да вы сами все увидите.

Отдохнув, туристы распрощались с геологами. Надо было еще определиться на ночевку в горняцком поселке, осмотреть фабрику, рудник.

Очень удивились ребята, когда на месте предполагаемой сопки увидели похожую на лунный кратер яму карьера. За несколько лет экскаваторы выгрызли сопку своими стальными челюстями до подошвы. Они и сейчас насыпали руду в кузова самосвалов, казавшиеся отсюда, с высоты, игрушечными.

Директор фабрики встретил экскурсантов холодно. То ли ему надоели экскурсии, то ли не ладились дела на фабрике, он, насупившись, хмуро выслушал Александра Николаевича, не отрывая глаз от бумаг, разложенных на столе.

— Одних вас пустить нельзя, а провожатого у меня нет, — и директор привстал со стула, давая понять, что разговор окончен.

— Разрешите, я проведу ребят, — раздался голос из дальнего угла кабинета. Там сидел незамеченный Новицким высокий мужчина со светлыми

густыми волосами. Он поклонился Новицкому, встретившись с ним глазами, чуть привстав со стула.

— Ну, если желаешь, провожай, — сухо разрешил директор и потянулся к телефону. Новицкий и добровольный гид вышли на улицу, где их с нетерпением ожидали туристы.

— Это вы тот народ, который горит желанием посмотреть нашу знаменитую фабрику? — весело обратился провожатый к нашим путешественникам. — Тогда за мной, и не отставать, не трогать руками машины, не растягиваться по всем цехам, а держаться ближе ко мне. Моя фамилия Силин, заведу на фабрике мельничным отделением. Вот и познакомились. Итак, вперед!

Семь корпусов фабрики выстроены уступами на склоне горы и образуют гигантскую лестницу. В самой верхней ступени разместилось мельничное отделение. Здесь в больших металлических барабанах дробили руду. Грохот стоял такой, что с трудом можно было понять пояснения Силина. Ребята шли за Силиным по крутым бетонным спускам, металлическим лестницам, с любопытством озираясь на переплетения труб, ленты транспортеров, по которым бежала вниз руда: сначала крупнее, потом все мельче, превращаясь в порошок. В самом нижнем цехе стояли гравитационные столы. Силин пояснял процесс обогащения, но из-за шума мало кто понял его слова. Поэтому, когда Силин вывел ребят на склад готовой продукции и показал мешки с оловянным концентратом, он спросил экскурсантов:

— Ну как, не все уловили? Тогда я вам популярно изложу. Человек еще в древности научился обогащать руду. Он знал, что не стоит тратить время и силы на выплавку, скажем, олова из руды с содержанием в один процент. Древний металлург дробил руду в ступе, промывал водой, заметив, что олово или золото тяжелее, остаются на дне, а пустая, более легкая порода, всплывает. Такой древний метод применяется и на нашей фабрике. Только ступу мы заменили машинами, деревянные лотки — гравитационными столами. И управляются машины автоматикой. Просто?

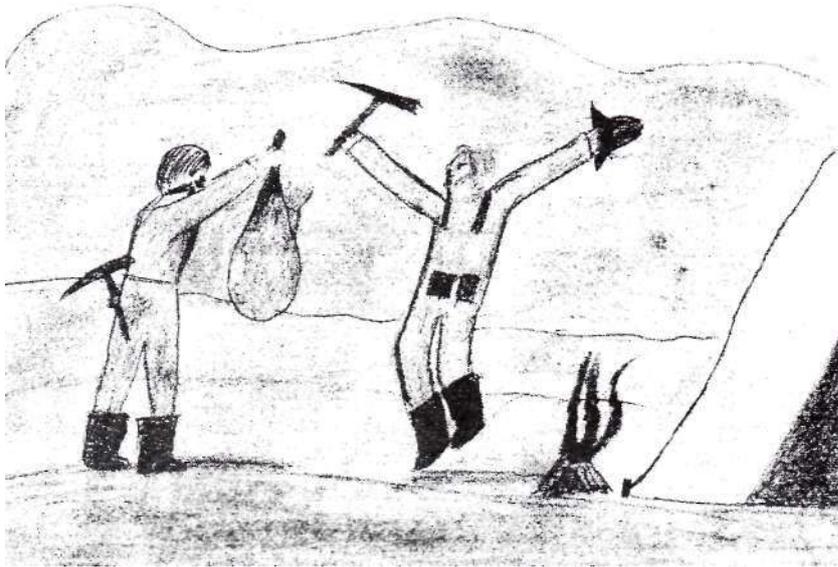
— А в мешках чистое олово? — спрашивают экскурсанты.

— Нет, всю руду отмыть трудно. Мы отправляем концентрат на металлургический завод, там из него выплавляют олово.

И уже когда Силин стал прощаться, Олег не утерпел и спросил:

— Извините меня, ваша фамилия Силин, и река называется Силинка. Вы взяли свою фамилию от имени речки?

— Как раз наоборот: речка взяла имя себе от моей фамилии, — усмехнулся Силин. — Да, ребята, так и было. Мой прадед приехал в числе первых переселенцев в село Пермское. Мастер на все руки. Делал сани мужикам, телеги, коней ковал. А потом задумал построить на речке мельницу. Хотел, чтобы деревня ела хлеб из свежей муки. Муку-то привозили издалека, часто подмоченную, залежалую. Мельницу построил и муку молот. Но купцам деревенским это не понравилось. Им выгоднее было продавать жителям муку, а не зерно. Однажды ночью подпилили устои водяного колеса. Прадед утром стал пускать мельницу в ход, рухнуло колесо, сорвался прадед в воду и погиб. Еще при жизни речку стали звать Силинкой, а впоследствии так и утвердилось это имя Силинка. Выходит, наш род

крепко привязан к этой речке. Вот я и стал, как прашур мой, мельником. Только мелю хлеб промышленности.

— И еще будет один вопрос, — сказал Олег. — Вы коренной местный житель. Не слышали ли вы историю о белом офицере Ковалеве? Он где-то в этих местах прятался долго. Избушка у него тут была.

— Как же, слышал о таком; — с готовностью отозвался Силин. — Редкий экземпляр был тот Ковалев, редкий по ненависти к советской власти. В свое время я даже занялся поисками его логова.

— И нашли?

— Нашел, — подтвердил Силин.

Ребята обступили Силина, подошел к ним и Александр Николаевич, услышав, что упоминают Ковалева.

— Нашел зимовье, вернее, остатки его. Сгорела избушка. Видно, кто-то спалил нарочно, а может, случайно, встречаются и в тайге растяпы. Спросил я знакомого охотника-нанайца, чье зимовье. Охотники здешнюю тайгу как свои пять пальцев знают, издавна тут зверя промышляют. Он мне и сказал: "Шибко плохой человек здесь жил. Бандит, однако. Потом пропал". Догадался я, что то был Ковалев.

Ребята огорчились. Если зимовье сгорело, то сгорели и знамя полка и документы. И стоило ли теперь идти в Кондон отыскивать Савелия. После долгого размышления решили все-таки продолжать поиск. Могло ведь и так случиться, что Савелий взял заветный сундук или припрятал куда-нибудь.

12. ПОЮЩАЯ ПЕЩЕРА

Уходили, когда поселок еще спал. Слышалось только мерное журчание Сил инки да приглушенный гул машин на фабрике, работающей круглосуточно. По установившемуся строгому порядку Александр Николаевич придирчиво осмотрел экипировку туристов.

— На сей раз путь будет особенно трудным, — предупреждал он ребят. — Впереди сопки, мари, бурелом, пострашнее, чем в долине обжитой Силинки. Так что прошу быть внимательнее к себе и товарищам. Чуть что — на помощь.

— А поющая пещера скоро? — спросил Костя.

— Дойдем и до поющей пещеры, — пообещал Александр Николаевич. — Поначалу наша задача выйти к речке Мулинке. Там мы остановимся на базе геологов. Есть у меня там знакомый таежник. От баз недалеко до пещеры.

Первые две сопки преодолели довольно быстро. Но уже на вершине второй сопки путешественники увидели перед собой высокий скалистый хребет с почти отвесными склонами. Они поросли чахлым кустарником и карликовыми лиственницами. Гребень горы — голый серый камень: гольцы. Спустились в болотистую долину. Белый мох мягко пружинил под ногами. Долину пересекал ключ. В небольшой рощице у самого подножия хребта Александр Николаевич распорядился сделать привал. Задымил костер, в чайнике закипал чай. Александр Николаевич инструктировал ребят. Советовал подниматься на гору неторопко, следя, чтобы товарищи не оказались позади. Может сорваться камень и сбить человека.

Беседу прервал Костя. Он выбежал, запыхавшийся, из рощи:

— Ребята, тут зимовье!

Туристы не заставили себя ждать. Скоро все шли за Костей, почти бежавшим по рощице. Уж очень хотелось ему быстрее показать открытое им зимовье. На полянке возле самого ручья стояла приземистая избушка с провалившейся крышей. Обуглившиеся бревна свидетельствовали о давнишнем пожаре. Может быть, пурга или сильный ливень затушили пожар и не дали огню истребить целиком это убогое строение. Неподалеку от зимовья, на высоких столбах стоял промысловый амбар, какие повсеместно строят таежники, спасая продукты и пушнину от мышей, россомахи, медведя. Печально выглядело бывшее жильё в этой пустынной долине. Ребята заглянули внутрь зимовья, вынесли оттуда заржавленный ствол ружья. Приклад сгорел в огне. Пустовал, амбар. Возле него в траве валялся чугунный круглый котел с прохудившимся дном.

— Может быть, это и есть зимовье Ковалева? — сказал Олег.

— Все возможно, — задумчиво проговорил Александр Николаевич. — Вряд ли охотник-промысловик поставил бы в труднодоступном ущелье зимовье. Стоило перебраться через хребет, и нет удобнее места для жилья на берегу речки, по которой можно добраться хоть в Хабаровск. Значит, человек, построивший здесь дом, прятался от людей. Таким мог быть вернее всего офицер Ковалев. Отсюда недалеко до Силинки. Таежнику, каким

был Ковалев, ничего не стоит перемахнуть две невысокие сопочки и очутиться на берегу речки, ведущей в Пермское.

Александр Николаевич вынул из планшета свою походную карту и пометил крестиком место сгоревшего зимовья.

— А что, дедушка, если нам задержаться здесь, поискать вокруг избушки. Может, какие-нибудь следы окажутся, подтвердят, что Ковалев здесь жил, — предложил Егор. — По долине побродим. Ведь, честное слово, жалко уходить вот так, с пустыми руками.

— Не имеет смысла твой план, — возразил Александр Николаевич. — Здесь можно искать целые годы, да и чего искать?

— Как чего, а сундук?

— Он мог сгореть при пожаре вместе с хозяином.

Егор зябко повел плечами и покосился на чернеющий сруб. Дед продолжал:

— Нам может помочь человек, знавший Ковалева, знавший место его пребывания в тайге. А такой человек впереди. Так что почаевичаем, ребята, и в путь!

Солнце стояло в зените и нещадно припекало. Туристы, цепляясь за кусты и корни, за каменистые выступы скалы, упорно лезли к вершине. Изредка слышался возглас: "Поберегись!" — и по склону, подсакивая, катился камень, пока не застревал в кустах. Во рту у Егора пересохло, влажной становилась спина под тяжелым рюкзаком. Он заметил, что Вера все чаще останавливается, чтобы отдышаться.

— Дай понесу рюкзак, — предложил Егор, дождавшись, когда Вера поправляется с ним.

— Сама, — сухими губами проговорила Вера.

— Брось задаваться! — Егор ухватился за лямку рюкзака. Вера неожиданно высвободила руку.

Егор вскинул рюкзак на плечо. Ого! Нагрузочка... Егор настойчиво лез и лез в гору, опережая всех. Последние метры преодолел, не видя ничего перед собой.

Очувшись на каменной площадке перевала, сел отдохнуть. "Одолол-таки перевал!" — радовался Егор. Над каменной грядой скалы показывались одна за другой головы товарищей. Вон и дед появился, дышит тяжело. Неугомонный дед сидел бы дома... Такой станет сидеть! Скоро вся площадка на вершине была завалена рюкзаками. Рядом с Егором присела Вера.

— Устал? — участливо спросила она.

— Пустяки! — небрежно сказал Егор. — Идти-то... Просто жарко, не люблю жару.

Присоединились Костя и Олег. Щуплый Олег, их очкарик Олег, которого в школе обычно освобождали от уроков физкультуры, удивлял Егора сейчас, в походе. Вот они все трое лежат в лежку, передыхая после такого чертовского подъема, а он шляется по гребню скалы, выбирая выгодные точки для съемки. Про таких вот дед говорит: двужильные.

Да, снимать есть что. Величественная панорама открылась взору путешественников. Куда хватал глаз, всюду громоздились горные хребты. Вблизи зеленые, дальше темно-синие, потом нежно-голубые. Сахарными

головами возвышались на севере и западе одинокие горные пики. На севере Мяо-Чан, на западе Баджал. Внизу, под перевалом, змеей извивалась, искрилась на солнце речка. Белые буруны обозначали перекааты. Речка бежала на север. Местами путь ей преграждали завалы из стволов деревьев, притащенных половодьем откуда-то с верховьев. Воздух чист и свеж, и, ветер беспрерывно дует, свистит в ушах, путает волосы.

— Как хорошо здесь! — тихо сказала Вера.

— А ветер — космический, — заметил Костя.

— Космический? — Егор посмотрел на Костю. — Причем тут космический?

— Земля наша — космическое тело. Она мчится в пространстве со скоростью тысячу километров в секунду. Вот — и ветер.

— Примитивно, но не лишено поэзии, — вмешался в разговор подоспевший со своим фотоаппаратом Олег.

— Эх ты, профессор!.. — пробормотал Егор. Слова Кости ему понравились. Верно, чувствуешь себя как на космическом корабле, если получишь представишь Землю, несущуюся с немыслимой скоростью в пространстве.

Спуск с перевала оказался не таким уж трудным. Здесь зелень погуще, можно держаться за ветви, и трава под ногами. У самой речки туристы увидели избушку, такой же амбар на ногах-столбах, какой оставили только что в унылой долине. Возле домика курился камелек, сложенный из дикого камня. Старик в нанайской лосиной шапочке, в расписной куртке и мягких улах подкладывал дрова в огонь. Он услышал шум шагов и обернулся. Сморщенное лицо старика расплылось в приветливой улыбке, щурнулись черные узкие глаза.

— Александр, однако? — обрадовался старик, увидев Новицкого.

— Здравствуй, Семен, вот к тебе в гости... Примешь? Нас много. — Старые люди сердечно обнялись.

— Примешь, примешь. Зачем так говоришь! — восклицал старик. — Самый ты дорогой гость.

— Чаек будет?

— Чаек будет, уха будет, тала будет, — весело перечислял старый Семен.

— Один тут?

— Один, Александр, один. Геологи мои редко-редко бывают. Кушать возьмут и опять в тайгу. Все ищут. Лето, спать некогда.

По всему видно было, что старый таежник рад встрече, рад побеседовать с новыми людьми. Он суетился возле камелька, угощал молодежь и Новицкого крепким, как деготь, чаем, юколой, вареной рыбой. Скоро все знали, что у старика в городе внук работает вальцовщиком на металлургическом заводе. Прислал в подарок деду транзисторный приемник. Да вот вышли из строя батареи. Молчит приемник. Не стал внук, как он, Семен, охотником. А другой внук, Марат, очень хорошо добывает соболя. И Марат — лучший шофер колхоза. Любую машину понимает Марат.

— А ты, Александр, все водишь людей в тайгу? — спрашивал Семен. — Это шибко хорошо. Пусть приучаются в тайге жить. Им в тайге жить, молодым.

— Да и мы с тобой еще побегаем, — смеется Александр Николаевич.

— Побегаем, Александр. Я понимаю так: пока человек ходит по тайге, тогда и живет.

Зашел разговор о встретившейся путешественникам избушке в соседней долине. Нет, Семен не знал, кто там жил. Слышал только: шибко нехороший человек много лет тому назад обитал за перевалом. Встречать не приходилось, да и охотился Семен не здесь, а больше на Баджале соболевал, на Ургале. Там находились промысловые урочища его рода.

— А разве нельзя было охотиться где угодно, ведь тайга большая? — спросил Егор.

— Для охоты много тайги надо, — объяснил старик. — Другой раз триста — четыреста верст идешь за зверем. Сейчас, однако, ближе охотимся. Зверя больше стало, соболя больше. Беречь зверя научились.

— Хочу ребятам показать поющую пещеру. Лодку дашь нам, Семен? — вступил в разговор Александр Николаевич.

— Лодка есть, как не быть. Да я вам не советую смотреть... Чего смотреть, дыра, и все. Плохая пещера...— приметив иронические улыбки на лицах гостей, добавил сердито: — Не смейтесь, пожалуйста. Вы, молодые, ничему не верите, как мои внуки. В тайге свои законы, свои духи: добрые и злые. В пещере как раз злой дух живет. Об этом наши старые предания рассказывают.

Ребята наперебой стали уговаривать старика рассказать предание. Попрямившись для приличия, он уступил. Видать, и самому хотелось поведать молодым гостям древнюю таежную историю о злом духе.

— Давно, давно это было, — начал он, раскуривая трубку. — Лесные люди жили дружно. Вместе охотились, добычу делили поровну, никого не обижали. А зверя в те времена было много, и дичи разной, и рыбы. Но однажды большая беда пришла в наши места. Не вернулся с охоты самый лучший и удачливый добытчик. Сколько ни искали, не нашли. Подумали: "Однако медведь съел охотника", хотя таких случаев не припомнят самые старые люди стойбища. А через некоторое время стали один за другим пропадать охотники, да самые умелые, самые храбрые, надежда и опора лесного народа. И подсмотрели люди, что вот на этой речке, в скалах поселился злой дух и он крадет охотников и тащит их в подземелье.

Жил в стойбище молодой охотник по имени Чуба. Ловкий, сильный парень, красивый. В вашем возрасте парень. Собрал он родичей и говорит:

— Дорогие родичи, решил я идти искать злого духа и убить его. Иначе всему нашему роду пропадать. Нельзя покорно ждать, пока дух вырвет из семьи нашей новые жертвы.

Стоит парень у костра в боевом наряде, с луком и копьем с железным наконечником. Ах, красивый парень. Люди смотрят на него с благодарностью, молчат, одобряют молчанием поступок богатыря. Вдруг из толпы выбежала девушка, возлюбленная Чубы, бросилась к нему, удерживает юношу, кричит: "Не ходи, не одолеть тебе злого духа, пропадешь, как без тебя жить буду!" Жалко Чубе любимую, но слово дал твердое, назад пути нет. Отвел девичьи руки и ушел в темную тайгу искать свирепого духа.

Долго бродил по тайге юноша. Все теснее становилось ущелье, по которому пробирался. Днем идет, солнца не видит, такие по обе стороны

каменные стены. И наконец, днем это было, расступились серые скалы, образуя пещеру, и вышел оттуда страшный великан. Догадался молодой охотник: это и есть злой дух, враг его народа. Великан головой, как тучей, свет заслони́л, заговорил громким голосом, даже валуны со скал посыпались:
— Что тебе надо в моем стойбище, дерзкий человек?

— Я убить тебя пришел, злой дух! — смело крикнул охотник. — Ты родичей моих губишь!

— Ах ты, шенок! - расхохотался дух. - Да я тебя одним пальцем придавлю, как жалкого комара!

А Чуба времени на разговоры не теряет, лук натягивает тугой, стрелу пускает в грудь великана. Взвыл изумленный дух, стрелу пытается вытащить, да, только обломил. А у него в теле уже штук десять новых стрел. Понял: зря хвастался, биться надо всерьез. Выдернул из земли столетний дуб и давай, как палицей, размахивать. Не сдобровать бы Чубе, да ловок он, как соболь, а великан-дух неповоротлив. Пока размахивается, Чуба в сторону увернется, а дух машет стволом по пустому месту, только каменные брызги, как дождь, летят во все стороны.

Три дня длился бой, три дня гром гремел в ущелье, нагоняя великий страх на жителей стойбища. Камни с гор сыпались, земля дрожала, реки выходили из берегов. Видит дух: не одолеть ему храброго охотника, на хитрость пошел, в скалу превратился. А скала та стала рушиться, и обломки летят прямо на Чубу. Одним таким обломком придавило юношу к земле крепко. Чувствует, что умрет сейчас. Собрал последние силы и метнул копье в скалу-духа. Закричал изо всей силы смертельно раненный дух, так что звери и птицы поблизости замертво попадали на землю...

На шум боя прибежала из стойбища любимая Чубы, помочь ему хотела. Не успела, мертвого нашла, камнем придавленного. А над распростертым охотником видит девушка окаменевшего духа с искаженным от злобы лицом. Хватило сил у духа сбросить на девушку еще один камень. Так и нашли потом люди обоих и похоронили по таежному обычаю. А про охотника песни сложили, подвиг его прославили.

— Красивая легенда, — сказал кто-то из слушателей.

— Легенда? Сказка, значит? — пыхнул табачным дымком старик. — А песня, а предание, а сам дух окаменевший? Тоже сказка?

По тону произнесенных стариком слов нельзя было понять, то ли возражает он, то ли размышляет о происхождении старинного сказания лесных людей.

— Вам приходилось бывать в той пещере? — спросил Олег.

— Чего не приходилось. Один раз был, больше не пойду. Чертова пещера, собаку у меня погубила, да и сам чуть не пропал... Мимо проходить случается, внутрь не хожу. Да и никто не ходит.

Молодые слушатели попросили рассказать поподробнее, как его чуть не погубила пещера злого духа.

— Молодой был. Со стариками на охоту ходил, привыкал только. Год выдался тяжелый, добыча бедная. Зашли на эту речку, за сохатым погнались. Остановились отдохнуть, юколы поесть, собак покормить. Все собаки у костра, моей нет. Кинулся разыскивать. Кричал, ходил — не отзывается мой верный пес. Без хорошей собаки какой охотник? Темнеть начало. Но глаз у меня был острый, след нашел собачий, по нему шел и дошел до пещеры. Поглядел вверх, и страх меня охватил, словно окаменел весь, как тот дух. Надо мною склонилась голова злого духа, погубителя Чубы и его любимой девушки. Брови каменные шевелятся, губы кривятся, вот-вот

плюнет, расхохочется и скажет что-то. Тут из пещеры вой собачий послышался, такой вой, будто мой песик ростом с сохатого стал. Понял я: проглотил злой дух собаку и мне несдобровать. Не разбирая тропы, бросился к товарищам. А вслед мне на разные голоса завыл злой дух. Сразу ветер сильный поднялся, деревья зашумели над головой, костер задуло. Товарищи, перепуганные, встретили меня руганью. Самый старший сказал: "Обиделся злой дух, уходить отсюда надо. Большая беда нашему стойбищу грозит. Ты виноват, что покой духа нарушил".

Угадал старший. Скоро я заболел сильно. И многие болели в ту пору в нашем стойбище. Охота плохая, рыба почти не ловилась, есть нечего. Так было. А вы говорите: легенда...

— А после этого случая вы бывали в пещере? — спросила Вера. Очень увлек ее поэтический рассказ старого охотника.

— Нет, не бывал. Что там делать? Мимо проходить доводилось. Однажды профессора Окладникова водил к пещере, большого ученого, — с гордостью сказал старик. — Он все хотел послушать, как кричит злой дух.

— Ну и что?

— Молчала пещера. Дух спал, однако, — хитро прищурился старик. Вот и пойми его, то ли верит он в существование злого духа, то ли нет.

— Значит, духа никакого нет?

— Кто знает. Может, и есть, — сказал старик. — Вы сами ходите, если так хотите, узнаете. Но только в хорошую погоду дух спит, однако, так люди говорят. А как только ветер поднимется, кричит страшным голосом.

Решили не терять времени, отправиться к таинственной пещере. Тем более, по словам старого охотника, до нее не так далеко.

— Солнце еще не сядет за гору, там будете, — заверил он. — Лодку я дам, хорошая лодка, всех заберет. Я продукты геологам на ней доставляю. Мотор подвесной есть, только бензину нет. На базе есть, вон бочки стоят, у меня нет.

— А взять нельзя немножко? — попросили туристы.

— Нет, никак нельзя, завхоза нет, без него нельзя, — решительно отказал старый охотник.

Отправились в путь налегке.

Не успела лодка отойти от берега, река сразу стала показывать свой крутой нрав. Неуклюжий дощаник вилял на пенных перекатах, норовил удариться тупым носом о темные камни, торчащие из бешено несущейся воды. На перекатах с режущим слух хрустом лодка прочерчивала днищем по дну реки. Не показался близким путь туристам, уже через пару часов выбившимся из сил. То и дело приходилось лезть в холодную воду, чтобы стащить лодку с мели. В двух местах встретили заломы и через хаотическое нагромождение деревьев ладью волокли на руках.

За очередным поворотом реки Александр Николаевич, сидевший у кормового весла, направил лодку к берегу. Над темной стеной пихтача возвышалась серая скала.

— Поторапливайтесь, ребята, — подгонял Александр Николаевич, первым выбравшийся на берег. — До сумерек надо осмотреть пещеру. На берегу заночуем.

— А пещера где? — спросил кто-то.

— Да вот она, — указал на серую скалу старик.

Несколько сот метров продирались сквозь сплошные заросли и очутились на каменной площадке у подножия странной скалы. Чем больше вглядывались в нее туристы, тем большее удивление охватывало их. Скала действительно похожа на каменного идола. Природа сотворила эту скульптуру. Ясно видны раскосые глаза, прямой нос, волосы, ниспадающие на опущенные плечи, скривленный от страшной боли рот. На уровне пояса фигуры — глубокая рана от копья и охрянистый подтек, похожий на засохшую кровь. Идол, чуть наклонившись, казалось, идет к реке, чтобы смыть кровь и хлебнуть студеной воды.

Притихшие путешественники обошли скалу и очутились у входа в пещеру. Сталактиты, свисающие с потолка у входа, делали пещеру похожей на разверстую пасть сказочного дракона. Из пасти веяло холодом.

Появились берестяные факелы, электрические фонарики. Ребятам не терпелось начать осмотр пещеры, но Новицкий строго приказал не спешить.

— В таких карстовых пещерах встречаются разные неожиданности, — сказал он и, светя фонарем, первым вошел в пещеру. Через несколько минут старик пригласил в пещеру своих спутников.

— Входите потихоньку, по одному, — предупреждал он, расставив в стороны руки. — И только до этой черты. Видите? Провал...

Новицкий стоял у края каменного колодца, начинавшегося, в трех метрах от порога пещеры. Бросили в провал камень, прошли долгие секунды, пока послышался стук упавшего на дно ямы камня.

— Там в провале и собака нашего охотника, — сказал Новицкий. — Вот вам и разгадка исчезновения верного пса.

В пещере собрались все. Здесь было довольно просторно. Развели костер. Пламя осветило заиндевевшие стены, заплескали причудливые тени на изломах стен и сталактитах. Над площадкой нависал свод пещеры, казалось, вот-вот он рухнет на головы пришельцев. Впереди туристы заметили несколько коридоров, уходящих в глубь скалы. Несколько добровольцев вызвались обследовать эти щели.

— Далеко не заходите, смотрите под ноги внимательно, — предупреждал Новицкий. Он приказал нашей четверке стоять у входа, а сам пошел сопровождать туристов, скрывшихся в коридоре. Костя начал подбирать камни и бросать их в провал.

— Оберегает дед нас, словно мы маленькие, — недовольно проворчал Егор.

— Давайте вслед пойдем? — предложила Вера.

— Ругаться будет, — колебался Егор.

— Боишься, — подзадорила Вера.

Егор взял из рук Олега электрический фонарь и шагнул в коридор. Вслед потянулись гуськом Олег, Вера и Костя.

— Вот найти бы здесь рисунки древних людей, — тихо проговорил Олег, идущий за Егором.

— Или кости пещерного медведя, — фыркнул Егор.

Голоса ребят звучали глухо и невнятно. Всем было немного не по себе. Здесь, в пещере злого духа, они инстинктивно держались друг друга. Егор светил фонариком под ноги, внимательно всматриваясь в следы идущих впереди. Внезапно он остановился. Следы отчетливо шли вправо, слева же зияло довольно большое отверстие другого коридора.

— Давайте свернем влево, — предложил Егор и, не ожидая согласия друзей, шагнул в новый коридор. Он был уже, но потолок высокий, воздух посвежее, даже чувствовалось веяние ветерка в лицо. Внезапно Олег схватил за руку Егора.

— Посмотри-ка, на стене стрела! — воскликнул он. Егор осветил стену. На шершавом камне чернела грубо нарисованная стрела, точь-в-точь такая, какие иной раз чертят мелом первоклашки на асфальте тротуаров.

— К чему бы здесь стрела, — размышлял Егор. — Стало быть, тут уже кто-то побывал?

— Может, злой дух начертил, — пошутила Вера.

— Может быть, — поддержал шутку Егор. — Но пошли вперед, должна же эта стрела на что-то указывать.

Продвинулись несколько метров вперед, коридор делал поворот, и снова на стене черная стрела... Коридор кончался тупиком. В потолке виднелось отверстие, оттуда и тянуло свежим воздухом. В тупике куча мелких камней, некоторые камни были похожи на большие кирпичи. Смахнув пыль с кирпичей, Егор сказал шепотом:

— Ребята, это ящики.

Чихая от пыли, все начали очищать и другие кирпичи. Это были оцинкованные ящики с патронами. Один из ящиков вспорот, и в нем виднелись позеленевшие гильзы с острыми кончиками пуль. Здесь же ребята обнаружили обломки деревянного ящика. По хорошо сохранившейся крышке, обитой полосками железа, ребята догадались, что ящик был сундуком.

— А может, этот сундук и видел Бормотов? — подумал вслух Олег.

— Верно! — встрепенулся Егор. — Давайте-ка пошарим как следует.

Дружно стали переворачивать камни, ссыпать пыль и обломки камней в угол тупика. Так увлеклись, что не сразу поняли, что потух фонарь. Друзья оказались в пугающей густой черноте пещеры. Егор безуспешно пытался засветить фонарь.

— Дай-ка я попробую, — виновато попросил Олег. Но и ему не повинывался фонарь. Спичек не оказалось.

Костя судорожно втянул воздух и всхлипнул.

— Спокойно! — ободрил растерявшихся друзей Егор. — Ничего страшного, будем топтать потихоньку обратно. Держитесь за мной.

— Ребята, подождите минуточку, я... — Сильный грохот потряс пещеру, заглушив слова Олега. Ребята испуганно прижались к скале.

— Обвал! — закричал плачущим голосом Костя, хватаясь за плечи Егора. — Засыпало нас!

— Не болтай, нюня! — грубо оборвал Егор. — Держите друг друга за руки и пошли к выходу, — он сжал холодную, как ледяшка, руку Веры, стоявшей рядом. — Ну, пошли!

— Олег, руку давай! — шарил в темноте перепуганный Костя. — Олег, что же ты?

— Я здесь, чего кричишь, — спокойно произнес Олег. — Пошли.

Несколько поворотов, несколько пребольных ушибов о выступы в коридорах — и друзья оказались на площадке перед входом в пещеру. Там неясно маячили фигуры туристов. Они о чем-то гомонили, но разом стихли, когда послышался встревоженный голос Новицкого:

— Их нет у пещеры!

Ребята поняли, что речь идет о них.

— Мы здесь, дедушка! — крикнул Егор.

— К стенке держитесь, к стенке, ребята! — обрадовался старик. Он с облегчением вздохнул, увидев выходящих к свету ребят. Теперь его лицо было гневно, брони нахмурены.

— Я вам приказывал оставаться здесь, почему не послушались? — грозно спросил он, обращаясь к внуку. Тот переминался с ноги на ногу.

— Это я виновата, — шагнула вперед Вера. — Я предложила посмотреть пещеру.

— Эх ты... — Новицкий махнул рукой, сник.

Вере стало жалко старика. Она острее других поняла, что пришлось пережить старому человеку в эти недолгие минуты переполоха. И ей стало стыдно за свой поступок. Вера бросилась к старику на шею, прижалась к его груди и торопливо заговорила:

— Простите нас, Александр Николаевич. Мы не думали, что так получится.

Тронутый порывом девочки, Новицкий смягчился.

— Не думали... Вот-вот, вы всегда сначала совершаете поступок, а потом уже начнете обдумывать. Марш все к костру!

Только через час, готовясь к ночевке, ребята решились сообщить Новицкому о своем открытии в пещере. Перебивая друг друга, рассказывали они подробности о складе в тупике.

— Главное — сундук. Точно такой же, как у Ковалева, — уточнял рассказ приятелей Олег.

— Кто знает, чей это сундук, — возразил Новицкий. — В те годы у многих такие сундуки имелись. Чемоданы-то были не в моде еще.

— А патроны кто оставил?

— В здешней тайге до двадцать восьмого года бродили банды. Таких тайников оружия и боеприпасов много осталось после гражданской войны. Мне самому приходилось находить,

— Хорошо бы еще раз проверить... — начал было Олег, но Новицкий остановил его:

— Ни в коем случае! Никаких проверок, слышите? Ни в коем случае!

И он пояснил свои опасения. По его мнению, обвал свода пещеры произошел из-за нарушения температурного режима. Разожгли костер, фунт оттаял, и камни, державшиеся кое-как в замороженном состоянии, теперь посыпались вниз. Могут быть еще обвалы,

— Не зря местные охотники называют ее пещерой злого духа, — сказал один из туристов. — Пещерка-то с сюрпризами.

Приключения в пещере задержали путешественников. Солнце, уже зашло за зубчатую стену леса, подул ветер. Рваные тучи потянулись с севера. Сразу похолодало. Погода на Мяо-Чане всегда переменчива. Новицкий не рискнул разбивать лагерь на берегу. Таежные горные реки могут безо всяких видимых причин разливаться, причем почти мгновенно, стоит пролиться хорошему дождю в верховьях. Решили ночевать возле пещеры. Развели большой костер, нарубили лапника, улеглись возле скалы, козырьком нависшей над полянкой,

В полночь Костя проснулся от неясного гула, доносившегося из-под земли. Поворочался, спать расхотелось. Мысленно перебирал события минувшего дня, и чем больше размышлял, тем горше становилось на душе. Вел себя в пещере он отвратительно! Даже Верка, девочка, оказалась мужественнее. А он захныкал, канючить стал. Ну как теперь к нему станут относиться? Конечно, ради вежливости промолчат, но он не может так жить. Не может, и все! Как это позорно быть трусом. Ну что бы такое сделать, чтобы товарищи простили ему его слабость? Если бы сейчас какой-нибудь зверь выбежал из тайги, страшный такой, и бросился на спящих, Костя преградил бы ему путь. Вот этот фонарик взял бы и направил свет в морду зверя. Света боится любой зверь.

Костя включил фонарь, яркий столб света ушел в темноту настороженной тайги. Зачем зря мечтать, зверь не придет, жди его, а позор с Костей рядом, в его сердце.

Где-то далеко ухала ночная птица. Временами луна показывалась сквозь тучи и освещала неярким светом скалу-скульптуру. Тогда казалось, что лицо каменного идола кривилось в ехидной ухмылке. Над темными глазницами двигались брови, "Что, мальчик, перепугался? Бойся, бойся, я злой дух. Меня охотники смелые боятся, а ты — букашка". — "Вот и не букашка! Злой дух — суеверие, я знаю и не боюсь тебя. Ты просто скала, изуродованная ветрами, водой и морозом. Все мне известно".

Смелый диалог со скалой приободрил Костю. Есть способ доказать, что он не трус. Надо встать, пойти в пещеру и принести оттуда кусок сталагмита. Не побояться. И ему поверят. И сам — это главное, сам Костя поверит в себя.

Почувствовав душевный подъем, Костя вскочил, взял фонарь, похожий на гранату, и, крепко сжимая прохладный металл, пошел к пещере. У входа Костя чуть помешкал, прислушиваясь, и потом решительно шагнул вперед, включив фонарь. Сейчас он свернет вправо: там видел тонкие сосульки сталагмитов. Но тут в глубине пещеры внезапно вспыхнул яркий свет, и на фоне его показались две темные фигуры. Костя обмер, он почувствовал, как на голове зашевелились волосы, в горле пересохло. Он чуть не выронил фонарь.

— Кто там? — послышался голос из глубины пещеры.

— Я... — пролепетал Костя. Бежать бы, а ноги приросли к месту, ослабли, вот-вот упадет на камни Костя.

— А, это ты, Костя, чего не спишь, шляешься по ночам? — Голос показался Косте знакомым. Да это же Егор! Костя облегченно вздохнул, словно

камень с плеч свалился. Он, рыжий, и Олег, наверно, с ним, вот черти! Бодро откликнулся:

— А вы что тут делаете?

— Какой любопытный. Надо...

— Возьмите меня с собой.

— Иди уж, ладно, — великодушно согласился Егор. — Смотри, под ноги свети, в провал угодишь...

— Ты что, заметил, как мы уходили с Олежкой? — подозрительно взглянул на Костю Егор, когда тот приблизился.

— Да нет...

— Зачем в пещеру пришел? — допрашивал Егор. Олег молча ждал.

— Затем, что не боюсь один, понял? — с вызовом ответил Костя.

— Понял. Волю закаляешь. Ну что ж, похвально. — И не с подначкой сказал это Егор, а с уважением, и Косте стало весело.

Он не спрашивал больше, о причине появления ребят в пещере, а пошел за ними по знакомым коридорам. Остановились в тупике. Костя стал светить. Егор и Олег принялись разгребать камни. Но сколько ни копались в каменном крошечке, не нашли ничего, кроме этих ящиков с патронами и обломков сундука. Когда уже собирались возвращаться, Олег что-то поднял с земли и воскликнул радостно:

— Ребята, смотрите-ка, какую штуку я нашел!

Олег показал друзьям выкопанный из щебня квадратный предмет, похожий на записную книжку. Но то была не книжка, а металлическая плоская коробка. Егор взял из рук Олега коробку, внимательно осмотрел ее, постучал пальцем по крышке.

— Пустая, — объявил он. — Есть защелка здесь, похоже, это портсигар. Ну-ка, дай, Олег, перочинный ножик...

Не успел Олег нашарить в кармане ножик, в отверстие в потолке тупика подул сильный ветер. И сразу в пещере заухало, заголосило на разные лады. И стоны, и плач, и злобный хохот слышались в этом шуме, неожиданном и потому особенно страшном. Друзья не помнили, как выбрались наружу, и только у костра немного пришли в себя. Убедившись, что никто не заметил их отсутствия, ребята проворно укрылись плащ-палаткой, прислушиваясь к вою в пещере. И чем сильнее ветер клонил верхушки деревьев, тем громче становились звуки. Теперь и остальные путешественники начали просыпаться. Поднялся со своего ложа и Новицкий.

— Что случилось? — послышались голоса туристов. Не очень-то удобно чувствовали они сейчас себя в глухом таежном урочище, в темноте ночи.

А пещера продолжала неистовствовать, как будто и верно в ней поселилась целая стая духов.

Новицкий распорядился вскипятить чай. Все равно теперь не уснут ребята, а до рассвета недалеко. Он собрал ребят вокруг костра и разъяснил происхождение таинственных звуков. Ночью ветер усилился, изменил направление и стал дуть в проходы пещеры, превращая ее в большой каменный орган. Лесные люди не могли об этом догадаться, и родилась красивая легенда о злом духе и смелом молодом охотнике.

Трое смельчаков не могли успокоиться, их еще била нервная дрожь. И

хотелось поскорее узнать, что же лежит в этом потемневшем от времени портсигаре.

— Олег, посвети мне, я, кажется, раскрыл коробку, — прошептал Егор.

Олег включил фонарь. Егор раскрыл коробку и вытащил свернутый лист твердой бумаги. Затаив дыхание, все трое впились глазами в таинственную бумагу. Егор осторожно развернул ее. Это был чертеж. Извилистые линии бежали в разных направлениях, овальные кружки, какими на топографических картах отмечают отдельные деревья и заросли. Значки помечены буквами "А", "Б", "Д", словом "лиса". Над тонкой линией мелко помечено: "50с." Буква "А" — самая большая в чертеже и стоит посередине овального круга. Чертеж, выполненный чернильным карандашом, кое-где расплылся от попавшей в коробку влаги. В слове "лиса" можно было предполагать еще несколько букв.

— Похоже, что это чертеж захоронения клада, — сказал Костя.

— Очень может быть, — согласился Олег.

Кто-то снаружи поднял край палатки. Ребята встрепенулись. В отверстии просунулась голова Веры.

— Не спите? — она увидела в руках Егора чертеж. — Что это вы рассматриваете?

— Да... бумага... нашли в пещере, — отозвался Костя.

— Вы ходили в пещеру!

Егор с опозданием подтолкнул локтем Костю. Тот успел подтвердить догадку сестры.

— Но это нечестно, ребята! — Вера с осуждением смотрела на друзей. — Александр Николаевич предупреждал, а вы...

— Знаешь, ты не говори деду, что мы были в пещере, — попросил Егор.

— Но это тоже нечестно!

— Заладила: нечестно! Мы ему сами скажем потом, — Егор вертел в руках злополучный чертеж.

— Лгать нехорошо, — не сдавалась Вера.

— Знаю. Но тут иное дело... Видишь ли, дед, пожалуй, сильно обидится и немедленно направит нас домой. Я его характер отлично знаю. — Егор безнадежно махнул рукой.

— А если он спросит, где взяли чертеж?

— Так мы уже были в пещере... А вдруг и, не спросит.

— Ладно, пока помолчу. Но только пока. Дайте-ка мне взглянуть. — Вера взяла у Егора чертеж. — Посвети, Олег!

Олег не спешил выполнить просьбу Веры. Он пристально рассматривал внутреннюю сторону крышки коробки. Сунул молча фонарь Косте:

— Держи! — перочинным ножиком поскреб по крышке и торжественным голосом заявил:

— Ребята, сундук в пещере тот самый!

— Какой?

— Ну тот, который Ковалев приносил прятать Бормотову. Смотрите, надпись, — протянул Олег крышку коробки. На ней выцарапано чем-то острым: "Ковалев". — Это, кстати, портсигар серебряный.

Вот оно, доказательство их догадки. Мигот отброшена палатка, не сговариваясь, все побежали к Новицкому.

— Дедушка, ты посмотри, что мы нашли! — Егор протянул Новицкому чертеж и портсигар. Недоумевая, тот повертел портсигар и положил рядом на траву, потом стал рассматривать странный чертеж.

— Где нашли? — спросил Новицкий.

— В пещере... — при этом голос Егора чуть дрогнул. "Сейчас дед спросит, сейчас..." Однако тот ничего не спросил больше о пещере, даже не взглянул на внука, а стал изучать чертеж.

— Гм, довольно непонятный рисунок, — проговорил он. — Здесь все порасплылось. Ну и что представляет, по-вашему, эта бумага?

— Как что! — вмешался Олег. — Да чертеж принадлежит Ковалеву!

— О, это уже интереснее, — оживился Новицкий, — это уже что-то!.. Так, — он взял портсигар, поднятый Олегом, и прочитал надпись. — Это уже что-то... — пробормотал старик. — Как вы полагаете, для чего Ковалеву понадобился чертеж?

— Он прятал сундук. Ну, и пометил на этом чертеже, чтобы потом найти, — сказал Олег.

— Допустимо, допустимо. Вариант вполне возможный, — согласился Новицкий. — Но ведь видели сундук разбитым? И чертеж рядом нашли.

— Кто-то взял чертеж у Ковалева, нашел пещеру, вынул все из сундука и унес, — рассудил Егор.

— И так могло быть, — Новицкий задумался. Открытие так увлекло ребят и Новицкого, что они не заметили наступления рассвета. Между тем восток становился все светлее. Уже лучи солнца позолотили верхушки деревьев. Давно утих ветер, а вместе с ним умолкли надрывные и грозные стоны пещеры. При свете зарождающегося летнего дня лицо каменного идола казалось обиженным и даже немного испуганным. Без всякого страха смотрел Костя на каменное изваяние и даже незаметно от друзей показывал язык страшилищу. Все-таки он переборол себя и одержал сегодня большую победу, победу над своей слабостью. А что может быть приятнее такой победы!

— Надо бы там, в пещере, хорошенько покопаться, — размышлял Новицкий. — Может, еще что-нибудь нашли бы. Опасно только... Своды-то там непрочны, обвал возможен.

Егор с Олегом стали уверять, что ничего не случится. Их поддержали студенты, внимательно слушавшие всю беседу следопытов со стариком. Новицкий решился. Но следопытов с собой не взял, как те ни упрашивали. С двумя студентами с великими предосторожностями пробрался он в тупик. Но сколько ни рылись они там в камнях и щебне, не нашли больше ничего стоящего. Попался затвор от берданки и кривой охотничий нож, источенные ржавчиной.

За чаем Новицкий развернул свою походную карту и сличил ее с чертежом. Безуспешно. Линии, те немногие, что остались на чертеже, не сходились с линиями карты. Разве только изгиб реки и крестик возле ее берега напоминал отдаленно, что здесь помечена пещера злого духа. Зная, види-

мо, что местные жители побаивались пещеры, Ковалев вполне мог избрать ее для хранения похищенного им сундука. А что же означают буквы, другие значки?

— Да, ребята, шансов отыскать сундук у нас маловато, даже очень мало, — огорченно вздохнул Новицкий. — Такова судьба всех исследователей. — И, прибодрясь, заключил: — А каково должно быть правило следопытovo-исследователей? Ну-ка, сформулируем коротко.

— Терпение, — сказал Олег.

— Вера, — сказал Егор.

— И сила воли, — подвел итог Костя, вспомнив о ночной своей вылазке.

— Анализ, — не осталась в стороне Вера.

— Молодцы! — похвалил Новицкий. — Значит — Кондон?

— Кондон! — подхватили повеселевшие друзья.

Возвращаться к старому охотнику на базу не пришлось. Он сам пожаловал к туристам на моторной вместительной лодке с двумя работниками геологической партии.

— Пожалел вас, решил сам лодку перегнать, — пояснил он. — Пока гоню, поохочусь маленько. А вы вот с этими до Кондона доберетесь. Тут близко, лодка ходкая.

Ребята не заставили себя ждать, потащили пожитки в лодку. Лодка покачивалась на быстрине. На носу сидел чернобородый молодой парень в тельняшке. Он удерживал лодку, ухватившись рукой за тальник. Егору показалось знакомым лицо чернобородого. Ну конечно, это тот стилиага, что танцевал с Верой на палубе теплохода. Егор подтолкнул Веру.

— Смотри, стилиага...

Вера с интересом взглянула на молодого человека, а тот, подтянув лодку поближе к берегу, поднял лицо и встретился глазами с девочкой.

— Моя партнерша! Вот чудо! Как все же тесна наша бедная планетка. В неделю по одной встрече с незнакомкой. Ба, да тут и ее славные рыцари! Узнаю, узнаю. Какая сила загнала молодежь в такую глушь, комариное царство, да еще под нос самого злого духа?

Балагурия, парень не забывал каждому, влезаящему в лодку, указать место. Последним влез Новицкий. Парень отпустил тальник, лодка сразу же выскочила на середину речки. Новицкий прощально махал рукой охотнику Семену, остающемуся в тайге со своим дощаником.

— Давайте знакомиться, — сказал бородатый парень, когда лодка побежала вниз по течению, направляемая молчаливым кормчим. — Меня зовут Эдик. А как зовут вас, друзья?

Познакомились. Скоро путешественники знали подробную биографию словоохотливого Эдика. Несмотря на молодость, он уже пять лет бродит по тайге. Он геолог, ищет руды. Экспедиция, в которой он работает, исследует огромные пространства горной тайги. Егор придирчиво присматривался к Эдику, слушал историю его жизни и признавался себе, что Эдик никакой не стилиага, а очень даже славный парень, и смелый, видать, человек, и сильный. Вон какие бицепсы, широкая, загорелая дочерна грудь, открытая ветрам. Здесь, в тайге, Эдик совсем не похож на того со шкиперской боро-

дой и в пижонском костюме. Но, признавая это, Егор не мог освободиться от щемящего чувства ревности. Вон как слушает его Вера, глаз не отведет. Ну, геолог, что же тут такого! Он, Егор, тоже может стать геологом и кем-нибудь позnamenитее.

Костя проникся мальчишеским уважением к геологу.

И тот почувствовал это. Он потрепал мальчика по плечу и сказал:

— Школу закончишь, дуй в геологический вуз. А потом ко мне в поисковую партию. Разыщем алмазы, разыщем хрусталь.

— Вы любите свою работу? — спросил Костя.

— Люблю, — ответил Эдик.

— А за что?

— За то, что эта работа учит человека широко смотреть на мир и крепко дружить. А вот чтобы тебе было понятнее, я спою тебе нашу геологическую. — Эдик вытащил из-под скамьи гитару и запел:

Раннее утро, в тумане седые вершины.

Снова шагает отряд наш в пустыне.

Снова идем, постигая терпенье глубины,

И рюкзаки снова тянут к земле наши спины...

Дослушав до конца, Вера стала допытываться, кто сочинил песню.

— Не знаю, кто автор. Наверно, коллективное творчество.

До Кондона домчались быстро, без приключений. И всю дорогу Эдик пел песни. Теперь ему подтягивали студенты и Вера. Костя ломал голову над тем, как геологу удастся сохранить в целостности гитару в своих походах по тайге. А Олег старательно записал все незнакомые песни в дневник. Новицкий не скупился на похвалы Эдику. Егор мрачно молчал, поглядывая вперед: скоро ли покажутся крыши таежного села — цель их путешествия. Он испытывал двойственное чувство: и уважал геолога и желал, чтобы быстрее закончилась эта случайная встреча.

13. ОГНИ ДРЕВНИХ КОСТРОВ

Село Кондон — на правом берегу Девятки, месте ровном, поросшем березами, кедрами, лиственницей. В зелени деревьев белели шиферные крыши домов с телевизионными антеннами. Широкие улицы с деревянными тротуарами. На сельской площади каменное здание школы, клуб. На рекламном щите ребята прочитали объявления о новых кинофильмах, о том, что в клубе будет прочитана лекция о тайне сосу.

— Что за штука — сосу? — спросил Костя Новицкого.

— Не слышал. А кто читает?

— Кандидат исторических наук.

— А, это, наверно, археологи. Они тут давно ведут раскопки. И мои студенты пришли им помогать.

Распрошались со студентами-туристами. Теперь они временно станут археологами. Студенты отправились устанавливать палатки. Новицкого и

наших следопытов пригласил на базу геологов Эдик. Он успел обежать полсела, разыскивая какого-то работника партии, подписал нужные документы и теперь должен был ехать дальше. Эдик пояснил, как найти базу, и стал прощаться.

— Вы уж извините, но служба, не могу долго оставаться с вами. Вас на базе встретят гостеприимно, я уже предупредил, а пока до свиданья! Мы еще встретимся. Так тесна планета и так много дорог у геолога, если он ко всему еще обременен разными административными полномочиями.

На базе и вправду встретили приветливо. Накормили. Заведующий базой, высокий сухощавый мужчина, соблазнил Новицкого отличной рыбалкой на озере Эворонском.

— Вот такие караси! — показывал он своими ручищами расстояние в полметра. Новицкий вздохнул и вопросительно взглянул на ребят.

— Поезжайте! — разрешили те.

— А вы займитесь розысками Савелия.

Ребята пообещали.

Стояли вчетвером на площади у памятника воинам Великой Отечественной войны. На каменном обелиске, золотом написаны имена жителей села, не вернувшихся с фронта. Возле памятника цветник. Две девочки в пионерских галстуках пропалывали цветы, с любопытством поглядывая на незнакомцев.

— Задача, — почесал затылок Егор. — Фамилии-то Савелия мы не знаем, как его искать. А село большое, здесь сотни домов.

— Спросим у девочек, — предложила Вера и подошла к пионеркам. Нет, те не знали Савелия. Вроде даже нет человека в селе с таким именем. Надо узнавать у стариков.

— Что ж, пойдём разыскивать стариков, — вздохнул Егор.

В палисаднике одного дома ребята увидели старика. Он сидел на крыльце и плел из ивовых прутьев что-то вроде большого блюда. Прутья укладывались в затейливый спиралеобразный узор. Таких корзинок не приходилось им видеть. Старик так увлекся своим делом, что не сразу ответил на приветствие Олега, сказавшего по-нанайски:

— Бачигоапу, мапа.

Старик поднял удивленное лицо, просиял и ответил:

— Здравствуйте, здравствуйте! По-нанайски умеете?

— Здравоваться, — скромно ответил Олег.

— Это хорошо, проходите. Откуда будете? Из города? Бывал там, как же, бывал. Хороший город!

Олег рассказал о цели их визита.

— Савелия? — переспросил старик задумываясь. — Редкое имя. Было в селе три Савелия. Один еще в гражданскую погиб, партизанил. Не он, значит, вам нужен. Второй... Второй мой брат. Не он. Мой брат совсем молодой парнишка был в гражданскую войну, из села не уходил. А вот, третий, третий, пожалуй, подойдет. Савелий Самар. Умер он перед войной. Тот, помню, когда-то был в рабочих у купца в Пермском, в проводниках ходил. Глаза слабые у того Савелия были. Плохо охотиться чело-

веку, со слабыми глазами. Такие батрачить шли, в кабалу шли. Жить надо! Старое время, плохое время.

— Значит, умер Савелий?

— Умер, давно, — сказал старик. Ребята растерянно переглянулись.

— А родственники у него остались? — спросил Олег.

— Есть родственники, как же. Большая семья была у Савелия. Потому и проводником ходил, батрачил. Жить надо, семья большая, — охотно разъяснял старик. — Вон на берегу дом стоит. Там он жил перед войной. Колхоз Савелию дом построил. Хороший дом. Внук его живет сейчас в доме. Внук толковый человек, шофером в колхозе работает. И рыбак, и охотник. Хороший внук у Савелия.

Попрощавшись со словоохотливым стариком, ребята отправились по указанному адресу. Внука Савелия друзья застали дома.

— Только из поездки и опять в рейс, — доверительно сообщил он.

Чуть раскосые темные глаза шофера смотрели открыто и доброжелательно. Он разговаривал с ребятами как с равными. Те изложили свою просьбу.

— Не знаю, сумею ли я помочь вам. Дед умер перед самой войной. Я тогда еще школьником был, мало что знал о жизни деда. Да к тому же он скрытный был старик. Вы рассказали о сундуке, и мне становится кое-что понятнее. Вот слушайте, что однажды дед говорил мне и моему брату. Речь зашла о духах, чертях и прочей мистике. Гостил у нас в то время родич, секретарь комсомольской организации, горячий парень. Дед чего-то начал про духов, а тот его осадил:

— Суеверный ты человек, Савелий, хотя и хороший охотник. Пойми, нет никаких духов. Все это выдумки суеверных людей и шаманов.

— Ты — глупый бурндук! — обозлился старик: — Я скоро сто лет хожу по тайге и много видел.

— И духов? — с насмешкой спросил секретарь.

— Видел и духов, — подтвердил Савелий. — И слышал. А я в жизни не говорил неправды.

Злость и обида заставили, наверно, разговориться старика, как он в жизни никогда не говорил.

— У шибко плохого человека, белого офицера был я долго в подчинении. Тот офицер ненавидел Советскую власть и спрятался от нее в тайге, в зимовье. С женой Настей спрятался, с двумя девочками, совсем еще маленькими. Помогал я ему охотиться, мясо добывать, шкуры, муку и соль носил из русского села. Сам он боялся показываться людям. Все говорил мне офицер Ковалев: "Потерпи, Савелий, еще немного. Скоро мне подмога придет с маньчжурской стороны. Заживем, Савелий. Отблагодарю я тебя". Проходила одна зима за другой, а подмоги не было. Сердитее тигра ходил офицер Ковалев. Жену ни за что ударит, дочек. А то бросится на нары и воет, зубами скрипит, как волк, попавший в капкан. Иногда чуть повеселеет, сундук достанет из-под нар, железом окованный. Откроет, бумаги разбирает. Много бумаг там сверху, внизу материя красная, на халат годится, красивая. Говорит офицер Ковалев: "В этом сундуке вся моя жизнь, Савелий. Сила большая. С этим сундуком меня примут за границей, как самого

дорогого гостя". К бумагам в сундуке Ковалев прибавлял новые. Я ему тетради покупал в селе, он писал что-то. Сидит и пишет, на всех кричит, если мешают.

Однажды Ковалев ушел на рыбалку, а Настя говорит: "Не верь ни одному слову мужа, Савелий. Страшный он человек: меня и детей губит. Не жизнь, а смерть в его сундуке. Зло большое для людей, Савелий. Если бы могла, давно утопила бы сундук в реке, да боюсь мужа, убьет. Смерти не боюсь, детей жалко, пропадут без меня".

Запомнил крепко я слова Насти. Не уберегла детей Настя, заболели и умерли дети. И сама погибла. Не знаю как, но, наверно, сундук со злыми духами хотела утопить. Убил я тогда Ковалева. Боялся: пуля не возьмет проклятого. Взяла... Сначала бежать из зимовья хотел, да вспомнил про сундук. Полез под нары, а сундука на месте не оказалось. Всегда здесь стоял. Значит, перепрятал Ковалев свое сокровище, но куда?

И вспомнил, что месяц назад видел Ковалева возле пещеры злого духа. Чего там искал в страшном месте, которое люди обходят стороной? Догадался я теперь! Злое тянется к злему, доброе к доброму. Вроде Ковалев и не боялся поющей пещеры, этому черту и снес на хранение проклятый тот сундук. Сколько несчастья принесет он людям, если не уничтожить его водой или огнем.

Пошел тогда дед к духу...

— Мы там были, — не удержался Костя. Внук Савелия с любопытством взглянул на Костю. А Олег тронул товарища за плечо: не мешай.

— Вот здесь дед начинал говорить такое, что я не все понимал, мальчишкой был в те времена, — продолжал внук Савелия. — По древним таежным законам жил дед. Для него дух — вполне реальная штука. Вы же видели окаменевшего злого духа, слышали его голос. Рассказывал дед с недо-молвками. Добрался он до пещеры, чуть не пропал там, еле выбрался. И адский хохот помнил всю жизнь потом. Не нашел дед сундука, хранил его злой дух. Еще он говорил, что потерял в пещере амулет. Его Ковалев при себе носил последние перед его смертью дни и сказал как-то деду: "В этой штучке малая бумажка, она приведет человека к большим сокровищам". А для Ковалева дороже его сундука ничего не было. Потому-то и взял из кармана убитого дед Савелий коробку-амулет. "Когда в пещере лазил, сундук искал, амулет в руке держал. А как дух заревел, захохотал, пугал меня, рука сама разжалась, и не помню, как остался амулет в жилище духа".

— Мы нашли амулет в пещере, — вмешался Олег и протянул почерневший портсигар. — Может, это и есть тот амулет?

Внук Савелия взял портсигар, повертел, рассматривая.

— Все возможно, — заметил он.

— Внутри бумажка, — пояснил Олег. Осторожно извлекли потемневшую от времени бумагу, развернули. Внук Савелия с интересом разглядывал заметные штрихи чертежа. Из-за плеча отца смотрела па чертеж и его быстроглазая дочка. Она не отходила от отца, пока он рассказывал юным гостям о приключениях деда. Видно, девочка не раз слушала это повествование и знала все его перипетии. На смуглом выразительном лице девочки можно было прочесть то одобрительное согласие, то протест, если

отец, по ее мнению, что-то упустил из рассказов деда или недостаточно передал.

— Что бы мог означать этот план? — размышлял внук Савелия. — Амулет-то, оказывается, с секретом, а?

— Нам кажется, это план захоронения того знаменитого сундука, — предположил Олег.

— Что ж, все может быть, — согласился внук Савелия.

— У нас дома есть точно такой же рисунок, — неожиданно вмешалась девочка.

— Ты что, дочка? Выдумываешь!

— Нет, нет, такой план есть у нас дома, только другой, — заторопилась девочка, движением головы отбрасывая черные косички. — Я сейчас принесу. Он на чердаке, — и выбежала из комнаты.

Скоро она, встревоженная, вернулась, держа в руке безобразного деревянного человечка. Таких человечков-бурханов наши друзья видели в музее. Это тотемы северных народностей. Бурхан в руках девочки был расколот вдоль. Девочка повернула бурхана к зрителям плоской спиной и проговорила с печалью в голосе:

— Смотрите, такой же точно план, но, оказывается, половина бурхана отколота. Я не знала...

На потемневшем дереве повторился рисунок, изображенный на бумаге. Резчик был человеком наблюдательным, с острым глазом и крепкой памятью. Все детали рисунка воспроизведены с большой точностью. Только буква "Б" вырезана наоборот, что свидетельствовало о незнании азбуки резчиком.

— А бурханов кто делал? — спросил Егор.

— Дед, — сказал внук Савелия. — Суеверный был дед. Кто заболит в семье, он бурхана вырежет из деревяшки, чтобы злой дух из человека больного перешел в бурхан. Ну, и других богов разных вырезал. Их в старое время у нанайцев насчитывалось несколько десятков.

— Значит, и чертеж он вырезал? — продолжал допытываться Егор.

— Наверно, — согласился внук Савелия. — И знаете, я смутно помню, что дед говорил как-то: "Злой дух отобрал амулет у Савелия, но не отобрал памяти". Не стану точно утверждать, но такие же вот линии, кружочки и буквы я видел и на некоторых других бурханах, сделанных дедом.

— А если еще поискать?

— Больше бурханов нет, — отрицательно покачала головой девочка. — Я искала.

— Сейчас бурханы вышли из моды, — улыбнулся внук Савелия. — Теперь нас хорошо лечит сельский врач. А было этих идолов много. Весь чердак завален.

— Куда же они подевались? — поинтересовался Олег.

— Перед смертью дед попросил передать всех своих богов сыну своему, моему дядьке. Живет дядька на Амгуни, в селе имени Полины Осипенко. Наказ старика выполнили. Поступок этот обычный в прошлом. Умиравший в семье старший передавал в наследство наиболее уважаемых им богов.

Как видите, с богами у нас обращались довольно бесцеремонно, хотя и верили им, — засмеялся рассказчик. И добавил: — Да, еще вспомнил один факт. Как это мне сразу в голову не пришло. Дед вместе с богами передал дядьке короб с бумагами. Много бумаг, исписанных разными чернилами и на машинке напечатанных. Однажды я даже раскрывал этот короб и за это получил от деда крепкий подзатыльник.

— А красного материала там не видели? — встрепенулась Вера.

— Не успел, только крышку открыл, дед тут как тут. После перепрыгал короб, и никто его не видел до смерти деда. А дядька заехал как-то и забрал и короб и бурханов. Не исключено, что бумаги дед взял из того сундука, который вы видели в поющей пещере. Не зря же дед так рисковал, отправившись в гости к самому великому и злому духу.

Вы спрашиваете, зачем он брал чертеж с собой? Да, о пещере он знал. Но вы поймите, что старик был человек темный, невежественный. Он мог считать чертеж таинственным заклинанием, предохраняющим от мести злого духа. И вдруг он потерял его в пещере. Это его пугало. Потому он и вырезал непонятные ему колдовские знаки на телах своих бурханов, потому и передал сыну, чтобы его хранил амулет. Ведь зло духа переходит только на старшего сына. Такая история, так все мне это представляется...

Наши друзья теперь нисколько не сомневались, что напали на след содержимого сундука. Но рукописи, документы, знамя — все находилось далеко на Амгуни. Попробуй-ка доберись туда по тайге.

— Амгунь далеко, придется возвращаться домой, — вздохнула Вера.

Внук Савелия молчал. Девочка права. До Амгуни сотни полторы километров глухой, почти непроходимой тайги. Самолеты из Кондона туда не летают. Только зимой можно добраться до тех мест на собаках. Хозяин понимал состояние своих гостей и как истый сын тайги огорчился, что не сможет ничем им помочь.

Провожая ребят, внук Савелия, чтобы чем-нибудь их утешить, пригласил вечером смотреть телепередачу.

— футбол будут показывать из Вены. Наша сборная с итальянцами играет.

— Придем, — пообещала за всех Вера, чем обрадовала дочку хозяина. Она захлопала в ладоши и козочкой запрыгала у калитки. Девочка успела пошептаться с Верой, сразу проникнувшись к ней симпатией.

Новицкий отсутствовал долго. Пришел поздно вечером, когда ребята уже укладывались спать. Старик еще был полон впечатлений от удачной рыбалки. На кукане серебрились упитанные караси, немного меньше размером, чем показывал хозяин базы. И, конечно же, Новицкий затеял уху. Какой рыбак упустит случай побаловаться вкусной ухой из свежей рыбки. Пока готовили уху, ребята рассказали Новицкому о результатах нынешней беседы с внуком Савелия.

— Ну и что ж приуныли? Придет время, доберемся до Амгуни и все узнаем.

— Когда же доберемся? — спросил Егор.

— Когда? Теперь уж на будущий год, — пообещал Новицкий. — А пока ешьте уху, и спать. Завтра утром я сведу вас... Угадайте куда?

— За ягодами.

— На рыбалку...

— Нет, нет, не за ягодами, не на рыбалку, а на лекцию. Да, кандидат исторических наук Ларцев будет читать. Эрудированный человек, умница! Я слушал его лекции в Хабаровске. Он здесь, в Кондоне, ведет археологические раскопки. Ученик самого профессора Окладникова. Слышали о таком? Виднейший ученый с мировым именем.

Лекцию послушать, конечно, интересно. Но сейчас ребят волновало одно: поиски придется прекратить. Для Новицкого просто произнести слова "через год", для ребят, с их юным нетерпением немедленно найти истину, год звучал, как век. Это надо же: ждать целый год, когда тайна почти в твоих руках...

На окраине села, возле опушки белели палатки, ближе к речке на большом пространстве земля изрыта правильными прямоугольниками.

Следопыты нашли Ларцева под дощатым навесом. На столах, сколоченных из необстроганных досок, разложены камни. Ну конечно же, это древние орудия человека каменного века. Ребята видели такие каменные топоры, скребки, ножи, наконечники для стрел в музеях, на картинках в учебниках истории. Но сразу такого большого количества каменных инструментов древнего человека вряд ли кому приходилось видеть.

— Это не только орудия труда наших предков, это очень красноречивая каменная книга о прошлом, — заметил Ларцев, видя, с каким любопытством рассматривают юные гости его богатство. — Я вам позднее расскажу подробнее. А сейчас попрошу помочь нашим укладывать все это в ящики.

На солнце рельефно темнели прямоугольники раскопок. У навеса пылал огромный костер. Сюда подходили студенты, добровольные помощники археолога Ларцева, жители Кондона. Усаживались на траве, пнях спиленных деревьев. Ларцев, собственноручно заколотив гвоздями последний ящик, присел к столу и окинул взглядом пеструю аудиторию.

— Лекцию сегодняшнюю начнет Никифор Дмитриевич, — сказал Ларцев, поглаживая рыжую бородку. — Я ее продолжу, мы оба будем говорить о прошлом села Кондон. Так вот, вам слово, Никифор Дмитриевич.

С земли поднялся седовласый, коренастый мужчина, с загорелым лицом, изрытым морщинами. Из-под кустистых бровей зорко смотрели черные глаза. Он подошел к столу, откашлялся и начал:

— Меня просили рассказать о прошлом села, слушайте, что об этом говорят старые люди.

Лет триста, а может, и больше тому назад, три брата отправились искать новые места для рода своего. Бедствовал род на старом месте: рыбы мало, зверя мало, болезни уносили людей. Долго бродили братья по тайге. Шли дожди, голодали братья, совсем помирать собрались. Но вот однажды прояснилось небо, и усталые изголодавшиеся братья побрели вперед, решив еще испытать судьбу. На этот раз им повезло. Они поднялись на сопку. Вот на эту, — указал Никифор Дмитриевич на круглую сопку на северном противоположном берегу Девятки. — Поднялись и увидели быструю речку Девятку, а дальше — березовую рощу. С горы видно, как играет в речке рыба: руками бери. В березняке, ломая ветви, прошли великаны лоси.

Решили братья: здесь можно жить. Сюда привели род Самаров. Не ошиблись гонцы. Здешняя тайга, реки, озеро Эворон кормили и одевали многие поколения людей...

Никифор Дмитриевич с облегчением вздохнул, закончив речь. Не привык много говорить старый охотник. - А раньше разве никто не жил здесь? А сосу о чем говорит людям? — спросил знакомый нашим друзьям старик.

— Меня просили сказать о легенде, я ее сказал,— отозвался Никифор Дмитриевич. — А если уважаемый Иннокентий спрашивает мое личное мнение, то скажу: жили и раньше люди на этом вот берегу реки. Еще старики, деды наши приметили, что много каких-то ям по соседству с Кондоном. Они называли их сосу, что по-нанайски означает выморочное стойбище. В старину люди, заболевшие оспой или другой какой болезнью, покидали родные места и искали другие. Этим они спасались от заразы. Конечно, люди объясняли болезнь не заразой, а гневом злых духов.

Может, и сосу наши — покинутые селения. Забылось потом, и люди вернулись на старые места. Я так думал.

— И правильно думали, Никифор Дмитриевич,— подхватил Ларцев. — Продолжайте, пожалуйста.

— Вот здесь, где сосу, я еще в тридцатом году, когда первый огород в колхозе нашем стал копать, вырыл из земли круглые каменные ядра с дыркой. Точно такое ядро,— указал он на лежавший на краю стола каменный шар с отверстием. — И тогда подумал: здесь жили люди. Выкопал я и черепки глиняных горшков, сделанных искусно, с украшениями.

— И пришло время, Никифор Дмитриевич прислал мне свои находки в Хабаровск, — продолжает Ларцев.— Он помог археологам наткнуться на богатейшее для науки древнее поселение человека.

Теперь, когда мы произвели предварительные раскопки, исследования, можно сказать с уверенностью, что сосу — это большой древний поселок людей, живших тут пять тысяч лет назад.

Возглас удивления вырвался у слушателей.

— Пятьдесят веков!

— Как давно...

— Даже не один, а несколько поселков примыкали друг к другу, растянувшись цепочкой по берегу реки. Вы видите один из поселков, который нам удалось освободить от тысячелетних наслоений.

Люди слушали рассказ ученого, и в их воображении вставала картина давно минувшего.

...Рядами, вплотную прижимаясь друг к другу располагаются круглые котлованы, выкопанные в желтой глине. Это основания жилищ — древних полуземлянок. Верхняя часть, вероятно, строилась из дерева, прутьев и коры. Жилища рухнули, завалив котлованы. Археологи бережно, слой за слоем, снимали землю, остатки стен и крыш, и постепенно проявлялась все отчетливее планировка постройки древних. Вот углубления по краям котлована. Здесь стояли столбы, поддерживающие коническую кровлю жилищ. Ямы неглубокие, а потому столбы были короткими и стены низкими. Столбы оплетались прутьями и обмазывались желтой глиной. А вот вокруг жилищ очажки из красной, словно обожженной глины. Они могли

быть дымокурами. Комары и мошка надоедали древним, как и их поздним потомкам.

— Приглядитесь, — приглашал Ларцев слушателей. — Четыре ямы, более глубокие, чем остальные, — это основные столбы, поддерживающие крышу. А здесь был вход в землянку. Два столбика образовывали дверной проем. Двери заменяла шкура зверя. А вот на глине отпечаток расколотой плахи. Может быть, древние устилали такими плахами пол своего дома. Вполне вероятно, ведь они обладали довольно хорошим по тем временам инструментом, хотя и сделанным из камня.

Такая постройка рассказывает ученым о многом. Долгие века здесь жило оседлое племя. Вы посмотрите: и улицы проглядывают в поселке, и даже площадь. Вполне возможно, что на этой площади проходили советы рода, ритуальные праздники.

Оседлость говорит нам о многом. Древние обитатели Сибири почти все вели бродячий образ жизни, а потому и жильем у них были примитивные чумы-шалаша. Такой шалаш можно быстро соорудить в любом месте, где находил человек пищу. А вот в нашем древнем селении люди ловили рыбу, заготавливали ее впрок, запасали мясо. А может, и культурные растения выращивали.

Подойдите вот к этому жилищу, оно наиболее интересно. Вообразите, что я хозяин древнего дома и приглашаю вас осмотреть его.

Довольно просторно, не правда ли? В землянке наверняка жило несколько семей — несколько десятков человек. Вдоль стен землянки расставлены большие глиняные сосуды. Сейчас по черепкам можно определить, что сосуды вместительные. В них хранились запасы пищи, воды. Ближе к очагу обнаружены грубые, покрытые нагаром горшки. Это посуда повседневного обихода. В том углу землянки находилась яма-погреб. Не выходя на улицу, древние обитатели брали из погреба квашеную рыбу, мясо, ягоду, съедобные корни. Откуда известно про корни? А вот и мотыжка валяется возле очага. Ею выкапывали корни из земли, возможно, обрабатывали землю для посевов. А вот забытая впопыхах сеть. От нее сохранились только каменные грузила, расположенные в таком порядке, в каком лежала на полу землянки сеть, принесенная рыбаками для починки. Сети делали из волокон крапивы, и они были непрочны. Еще лет тридцать назад местные жители плели такие крапивные сети.

— Вы говорите: сеть, забытая впопыхах? Значит, что-то случилось в древнем поселении, что людям пришлось бежать? — спросил кто-то из слушателей.

— Да, расположение вещей красноречиво говорит о какой-то трагедии, случившейся здесь пятьдесят веков назад. Давайте мысленно перенесемся в то далекое время и попробуем восстановить события.

...Несколько недель шли проливные дожди. Река выплескивалась из берегов, в бурные многоводные потоки превратились еле заметные таежные ручьи. Деревня с ее конусными крышами из бересты казалась вымершей. Даже собаки попрятались под навесами для вяления рыбы, забрались в норы, вырытые в песчаном берегу. Все обитатели деревни сидят в жилищах. Лишь изредка покажется на улице человек: нужда выгнала в такую

непогоду - надо добыть дров, проверить вершу, поставленную накануне. В землянках непрерывно пылают очаг, тускло светят жирники. Сидеть и работать при таком свете позволяют только искусному мастеру, обрабатывающему крепкий камень. Полуголый, он пристроился возле камня-наковальни и точными ударами тяжелого молота дробит кремневый околыш. Рядом с мастером много готовых каменных наконечников для стрел и дротиков, приколок для одежды, шильев, скребков для обработки кожи. Мастер старательно отшлифовывает мелкие вещи, показывая хороший вкус художника. Мастер откладывает кремневую заготовку, вспомнив о чем-то. Вот он достает из берестяного ларца круглый зеленоватый камешек нефрита. Женщины, сидящие на противоположной стороне землянки на низких деревянных нарах, на мгновение прерывают тихую беседу, забыты шкуры, которые они сшивали жилами сохатого. Они знают: из нефрита, красивого и таинственного, мастер делает бусы, серьги. Оки украсят будущих невест рода. Тверд и неподатлив нефрит, но мастер настойчив и умел. Он прилаживает камешек на наковальне и сверлит в нем отверстие с помощью лучкового сверла.

Рядом с мастером трудится его помощник. Он пока делает грубые вещи: топоры, колотушки, тесла, ножи. Много этих инструментов свалено у стены землянки. Тут же заготовки ручек из прочных пород деревьев. У очага хлопочут женщины. Они что-то варят в черном горшке, помешивая кушанье палочкой. Пристроившись на полу у самого входа в землянку, двое мужчин ловко сплетают из ивовых прутьев корзины.

Каждый из обитателей жилища занят делом. Особняком устроились на нарах черноголовые ребятишки. Они подкидывают камешки и ловят ладонью, весело смеются, когда камешки падают на нары, мимо ладошки товарища.

А за стенами жилища бушует непогода. Ветер сотрясает крышу землянки, отбрасывает прижатую камнем дверь-шкуру. Дождь проникает в отверстие, проделанное в крыше для выхода дыма. Сгорбленная старуха с тревогой прислушивается к шуму ливня и что-то бормочет про себя. Вот она услышала что-то особенно тревожное. Старуха бросает краткое слово, и обитатели землянки разом умолкают. Замерли руки и трудолюбивых камнетесов.

— Большая вода! — с ужасом произносит старуха и указывает на выход. Теперь все слышат крик, доносящийся с улицы. Это грозный сигнал о смертельной опасности. Он означает на языке древних: "Бросай все и спасайся!" Женщины хватили детей на руки, подталкивали к двери. Последними выбегали из жилищ мужчины. Дождь хлестал по полуобнаженным телам людей. Изредка молния освещала зловещим светом окрестность. Вода выступила из берегов реки и затопила поселок. Вода прибывала стремительно. Никогда не видели такого жители поселения. По реке мчались деревья, вырванные с корнями. Из всех жилищ выбегали люди и, повинувшись чьему-то приказанию, мчались по пояс в воде к спасительному лесу. Там холмы, там вековые кедры, там жизнь... Старуха не могла поспевать за сородичами. Опираясь на палку, она медленно брела в воде, подступавшей теперь к груди. Она оглянулась на селение, где прошла ее жизнь. Лишь

кое-где торчали одинокие кончики конусных крыш. Большинство жилищ уже смыто водяным валом. Старуха сделала попытку продолжать путь, но оступилась, и вода сомкнулась над ее головой...

Ученый замолчал. Наступила пауза. Рассказ ученого захватил всех слушателей. Казалось, что совсем недавно, а не пять тысяч лет назад разыгралась ночная трагедия в селении, от которого остались эти углубления и каменные предметы, хранящие тепло рук человеческих. Человек никогда не остается безучастным к судьбе предков своих и к будущей судьбе потомков. Человек всегда озабочен, чтобы род его выдержал битву с силами природы и стал ее властелином. И никакие тяжкие поражения в этой битве не смогли и не смогут впредь затушить бойцовского духа человека, давшего Прометея Земле.

Об этом, наверно, думали притихшие слушатели, и старые и молодые.

— А как вы узнали обо всем этом? — с искренним удивлением спросил один из парней, житель Кондона.

"— Ученый человек, который копал здесь землю и рассказывал нам о старых людях тайги, умеет читать книгу земли, — заметил старик, первый знакомый наших друзей в Кондоне.

— Почтенный мала сказал правильно, — согласился археолог. — Мы, ученые, умеем читать книгу земли, как мапа может читать следы в тайге. Мы осторожно расчищали место, где стояла землянка, чтобы каждая вещь оставалась там, где ее застала далекая катастрофа. Например, грузила сети лежали в таком порядке, в каком разложил ее древний рыбак для починки. Нити сгнили, а грузила указали ее расположение и размеры. На очаге мы нашли горшок с остатками пищи, у наковальни мастеров неоконченные топоры, наконечники для стрел, скребки, нефритовую бусину. Все эти вещи были очень дороги древним людям, и только беда заставила их забыть о них.

По остаткам жилищ установили мы также, что в селении не было пожара, и не от набега враждебного племени покинули жилье люди каменного века, а от наводнения. Слой ила покрывает пол жилищ, вещи, сохранившиеся там.

Потом мы изучили окрестности Кондона. Оказалось, что много тысячелетий назад река Девятка была внезапно преграждена в нижнем течении рухнувшей скалой. Дожди и естественная плотина послужили причиной стремительного наводнения. Определили мы и примерное место, куда могли устремиться жители древнего стойбища. Километрах в пяти отсюда начинается высокое плато и холмы. Вода не сразу покинула эти места. Потому-то и не взяли древние свое каменное имущество...

В этот вечер строгий распорядок, установленный в начале похода Новицким, несколько раз нарушался.

Остались ночевать у студентов. Спать легли поздно — замешкались с палатками. Друзья не могли заснуть, поджидая Олега. Тот засиделся вместе с Новицким и несколькими студентами у палатки археолога Ларцева. Вот и он появился наконец, просовывая голову в палатку.

— Мне место оставили?

— А ты гуляй больше, — буркнул Егор. — Да закрывай скорее, комары летят.

— Интересные вещи рассказывал нам Ларцев, — проговорил Олег, укладываясь возле входа в палатку. — Оказывается, ребята, мы спим, на большой дороге.

— Это как понимать? — встрепенулся заинтригованный Костя и дотронулся до плеча сестры, начавшей засыпать.

— Профессор Окладников и другие наши ученые доказывают, что заселение Америки шло через Берингов пролив. Шли древние люди из Центральной Азии все на север, на север, вот по этим местам шли, огибали Охотское море, Камчатку, попадали на Чукотку и дальше в Северную Америку. Такое предположение ученые называют гипотезой. Строится гипотеза на научных фактах. Находят, например, кремневые желваки, из которых древние люди делали ножи в пустыне Гоби, в Монголии и в Северной Америке. Не хватало еще одного достоверного звена, как говорит Ларцев. И вот Окладников выкапывает гобийские нуклеусы, так называют ученые желваки кремня, здесь, в землянках Кондона! Об этой находке узнали все археологи мира. Ларцев говорит, что их засыпали письмами и запросами. Окладников считает кондонские нуклеусы одной из самых значительных своих находок.

— Значит, на большой дороге спим? — предположил Егор, укладываясь поудобнее.

— На дороге великого переселения людей, — уточнил Олег.

Друзья умолкли. Тишину лагеря нарушал глухой крик ночной птицы, ухажущей где-то возле реки в камышах. Может, этот крик слушали и люди давно минувших веков, пришедшие сюда с юга в поисках лучшей добычи, спасаясь от преследования беспощадных и воинственных племен, от пожаров и наводнений, шаг за шагом открывая для себя новые миры на молодой планете...

После завтрака Новицкий собрал ребят. — Сегодня мы побываем на раскопках, — сказал он. — Ларцев согласился, чтобы мы помогли студентам, ведущим здесь работы. Расчистка земли, как это делают археологи, дело тонкое. Ларцев боится, чтобы мы с вами чего-нибудь не испортили. Так что без спроса ничего не трогать, не лезть, куда попало, а больше-то, в общем, смотреть. Это самое для нас полезное занятие. Договорились? Ну и отлично.

Ларцев с помощниками уже трудился на северной окраине древнего поселения. Они осторожно снимали маленькими лопаточками землю, слой за слоем, по всей поверхности пола землянки. На бровке ямы лежали найденные сегодня черепки горшков, грузила сетей, ножи и скребки из камня... Один из камней имел форму яблока с ровно высверленным отверстием в центре. Вот этот каменный шар и принял когда-то за ядро Никифор Дмитриевич, вскапывая колхозный огород.

— Скорее всего, это обыкновенная колотушка вроде бы молотом служила древнему человеку, — пояснял Ларцев. — С ней можно было и охотиться на зверя.

Егор попробовал на вес каменный шар. Да, такой полупудовой шту-

кой, насаженной на деревянную палицу, можно убить медведя.

Вера, Егор, Костя и Олег приняли участие в расчистке культурного слоя, как называл ученый слой земли на полу землянки. Егору лопался небольшой уголек, и он уже хотел его выбросить из ямы, но Ларцев предупредил:

— Стой, молодой человек! Что вы делаете?

— Да это уголек какой-то.

— Не уголек, а след минувшей жизни. — Ларцев бережно взял уголек. — По нему мы определим возраст зажженного тысячелетия назад костра. Уголек — настоящий календарь археологов. Такой вот уголек — настоящие углеродные часы археологов.

— Уголь и часы? — недоверчиво сказал Костя, наблюдая, как ученый бережно прячет уголек в коробочку.

— И очень точные, — подтвердил ученый. — Мы отправим уголек в лабораторию, и там определят, сколько лет прошло с тех пор, как потух костер в землянке. Уголек содержит в себе ничтожную долю радиоуглерода. По уменьшению радиоуглерода в веществе можно узнать его возраст. Будете учиться, узнаете об этом подробнее. И запомните еще раз: ни одной маленькой былинки не выбрасывать из ямы.

— Иначе мы вас самих выбросим, — шутливо пригрозил студент в соломенной шляпе, орудуя метелкой и совком.

Наши друзья удесятирили осторожность. Костя, так тот совсем бросил копаться в смеси глины и окаменевшей земли, боясь что-нибудь испортить. Вера сменила лопаточку на метелку из сухой травы. Земля поддавалась туго. Вера уже хотела взяться за лопаточку, как вдруг заметила на красноватой уплотненной поверхности пола небольшую округлость, похожую на какой-то камешек. Еще обмела несколько раз, поковыряла пальцем, попыталась извлечь камешек, он не поддавался усилиям рук.

Я нашла камешек, но он крепко еще сидит. Что делать? — обратилась к ученому Вера.

— Ну-ка, что вы тут нашли, — присел рядом с Верой ученый и вдруг машинально отодвинул Веру рукой, забормотал взволнованно: — Пойдите, пойдите. Дайте-ка мне вон ту кисточку.

Все побросали свои дела и столпились вокруг ученого. Даже с соседних раскопок начали собираться люди.

— Камешек... — тихо шептал про себя ученый. — Вы утверждаете, что это камешек. Ну что вы мне загромождаете свет! Камешек...

Еще несколько прикосновений кисточки, осторожный подкоп лопаткой, похожей на скальпель хирурга, — и на ладони ученого лежит маленькая скульптура молодой женщины. Да, теперь все видели бюст женщины, искусно вылепленный неизвестным древним художником из глины и затем обожженный. Прямой нос, раскосые, намеченные верной рукой художника глаза, маленький рот, прическа, чуть откинута назад голова. Чем-то одухотворенным веяло от лица скульптуры теплого красноватого цвета.

— А ведь правда, она чем-то похожа на Нефертити? — сказал студент в соломенной шляпе.

— Ты прав, мой друг, — согласился ученый, растроганный и возбужденный необыкновенной находкой. — Вы не представляете, юные мои помощ-

ники, что нам необыкновенно, сказочно повезло! Такой скульптуры археологи не находили во всей Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Первое изображение человеческого лица! Эта находка имеет мировое значение. Вы говорите: Нефертити. Но художник, вылепивший эту женщину каменного века, жил за полторы тысячи лет до придворного скульптора и зодчего египетской царицы Нефертити! А какое совершенство форм! Нет, вы только взгляните.

И что самое интересное: этот портрет женщины подтверждает, что люди, жившие здесь пятьдесят веков назад, представляли собой тот же антропологический тип, что и современные нанайцы...

Ученый в этот день не мог ничего делать и все говорил о драгоценной находке. Он дал несколько телеграмм своим коллегам в Хабаровск, Новосибирск, Москву. Окладников отозвался телеграммой, что немедленно прибудет в Кондон. Ученый целый день читал студентам самую, наверно, длинную в его жизни лекцию о культуре и искусстве древних, лекцию, сформулированную тут же, на месте раскопок. Все выводы этой лекции заключались в утверждении преемственности культуры людей, тысячелетиями живущих в этих таежных местах.

— Вы и сейчас найдете у жителей Кондона вот такие ромбические рисунки в орнаментах на вышивках и аппликациях, на утвари. И эти спирали, стилизованные изображения животных и птиц.

Вглядывайтесь, молодежь, в рисунки древних и учитесь уважать их искусство и восхищаться им. Как трудна и полна опасностей была жизнь человека каменного века, но он обращался к своему наивному и трогательному искусству, он находил радость в песнях и танцах, в легендах, передаваемых из рода в род. Он находил радость в украшениях одежды, он любовно покрывал орнаментами домашние вещи, оружие, лодки. Время не сохранило все это, но так было. Пример тому эта кондонская Нефертити...

Ученый, обрадованный находкой, решил особо отметить Веру, в какой-то мере, пусть невольно, виновницу этого события. Он пригласит Веру в свою палатку, долго копался в ящиках и подарил ей несколько предметов, изготовленных из камня древними мастерами.

— Вот, возьми, девочка. Эти вещи пригодятся для вашего школьного музея, — сказал он. — У вас, надеюсь, такой существует?

— Нет у нас музея, — сконфуженно призналась Вера.

— Тогда создадите. Краеведческий, пусть маленький уголок в каждой школе должен быть. Свою землю надо знать хорошо. Только знающий историю своей земли станет настоящим ее патриотом и хозяином.

14. ОСТАНОВКА НА ЧУКЧАГИРЕ

Костя проснулся рано. Товарищи мирно посапывали рядом. Встать бы да пойти на речку, но жалко будить друзей. Костя молча смотрит на посветлевший полог палатки, по которому медленно ползет жук-стригун. У стригуна длинные-предлинные усы и ножницы-челюсти. Поднеси волосок, жук молниеносно перестрижет. Потому и зовут жука стригуном. Жук

всегда летает напрямую и нередко попадает прохожим прямо в лоб.

У палатки кто-то беседовал. Костя прислушался. Новицкий негромко отчитывал кого-то из студентов.

— Зачем тебе эта тросточка? — укоризненно спрашивал Новицкий.

— Так, домой бы привез. Сувенир, — отвечал парень.

— Сувенир, говоришь? А ты знаешь, что погубил дерево? Оно росло бы и росло себе, а ты взял и срезал. Тросточка ему понадобилась!

— Я ему говорила, не трожь, не послушал, — вмешался в разговор девичий голос.

Рыжая голова Егора показалась в проеме палатки.

— Вставайте, засони! — крикнул весело Егор. — Я уже ягод успел набрать, ешьте, — протянул он бумажный кулек. — Эх, сколько здесь жимолости!

— Сегодня кончается наша эпопея, возвращаемся домой, — с сожалением сказал Олег, натягивая рубашку.

— Дед об этом еще вчера предупредил: сразу после завтрака, — подтвердил Егор.

— А поиск потерпел неудачу, — вздохнула Вера.

— Что ж поделаешь, когда-нибудь в другое время, — попытался успокоить друзей Егор.

— Другого времени может и не быть, — возразил товарищу Олег.

Перебрасываясь замечаниями, друзья вяло собирали палатку, упаковывали свои пожитки. Возвращаться с пустыми руками домой, когда наверняка там, на Амгуни, где-нибудь в чулане старшего сына Савелия пылятся легендарные бумаги и знамя — честь легендарного полка...

О том, что у ребят мрачное настроение, сразу догадался вернувшийся с реки Новицкий. Несмотря на годы, старик до холодов купался в реке, где бы он ни был: в тайге, в городе. Посвежевший, бодрый, подошел он к бивуаку следопытов и проговорил весело:

— Что приуныли, славные красные следопыты? А какой у них девиз, у следопытов, ну-ка?

Ребята насторожились. Неспроста задает такой вопрос Новицкий. Отвечали, как в строю, побросав свои дела:

— Терпение!

— Вера!

— Сила воли!

— Анализ!

— Удача, хочу я добавить к нашему девизу, — с хитрой улыбкой добавил Новицкий. — А удачлив тот, кто терпелив, кто верит в свои силы и кто в конце концов работает. Нам здорово везет! Сейчас я встретил заведующего геологической базой, и он сказал, что часа через два прилетит вертолет и что он повезет продукты и снаряжение геологам на озеро Чукчагир, а потом в поселок имени Полины Осипенко. Так что мы сможем сегодня же попасть на Амгунь.

— Здорово! — восхитились ребята. Ни один из них не летал на вертолете.

— Но!.. — Новицкий поднял указательный палец и перевел взгляд на

Веру; та похолодела: "Меня не возьмут?.." — Вам, Вера, Костя и Олежка, придется сообщить по телеграфу родителям, что вы в Кондоне и что отправляетесь на Амгунь на вертолете. Папы и мамы ваши должны знать, они беспокоятся. Понятна задача?

— Понятна! — воскликнули обрадованные друзья.

— А обратно в город каким путем? — осведомился Олег.

— И обратно на том же вертолете. Он, оказывается, регулярно поддерживает связь с геологами, находящимися сейчас в тайге.

Обрадованные следопыты кинулись на почту. Девушка-нанайка приняла от них телеграмму.

— Сегодня получают? — спросил Олег.

— Получат, — пообещала девушка, взглянув черными глазами на Олега. А тот задержал взгляд на лице девушки, чем-то смущенный. Девушка лука-

— Нефертити... — прошептал Олег, когда все вышли из почты.

— Ты что, Олег? — остановился Егор.

— Очень похожа почтарша на ту скульптуру. Ты понимаешь, не буквально, но что-то в общем облике, разрезе глаз, голова откинута, овал лица, шея, — размышлял вслух Олег. И все невольно еще раз взглянули в открытую настежь дверь. На светлом фоне широкого окна четко вырисовывался профиль девушки-нанайки. Да, было удивительное сходство этой смешливой и приветливой девушки с глиняной фигуркой древней ее пра-родительницы.

— Ларцев недаром говорил, что на берегу этой реки тысячи лет назад жили предки нанайцев, нынешних жителей села, — проговорил Олег.

Через час вертолет, поднимая тучи пыли, оторвался от земли и взял курс на север. Тень гигантской стрекозы быстро скользила по темно-зеленой тайге со светлыми прогалинами марей. Сверху отчетливо видно озеро Эворонское в камышовых берегах, ниточки впадающих в него рек. И все сверху выглядело в уменьшенном виде, как на учебной рельефной карте.

Полет продолжался недолго. Ревущая моторами стрекоза быстро перемахнула сотню километров и начала опускаться на берегу другого таежного озера — Чукчагирского. Чукчагир — так зовут его местные обитатели.

— Поживее вылезайте! — торопил ребят Новицкий, радуясь, что снова попал на любимое озеро. — Здесь вертолет снимет груз, а мы тем временем посмотрим озеро, побываем у моего старинного друга Семенова. Не разбегайтесь далеко, искать не будем, улетим, — пригрозил Новицкий.

Вертолет приземлился на мысе Гейкан. Перед юными путешественниками открывалось озеро, очень похожее на Байкал. Такая же ширь неоглядная, такие же скалы, круто обрывающиеся в голубоватую воду. На скалах лиственница растет, пихта, ели, кустарник. Прямо напротив мыса скалистый остров с ошетилившейся спиной леса.

— Остров Намотакан, — указал рукой Новицкий. — Здесь много островов, самый большой Тыстыкан. Вон виднеется южная его оконечность.

— А озеро большое? — спросил Олег.

— Длина, сорок пять километров, ширина — двадцать два. Глубина от трех до двенадцати метров. А общая площадь Чукчагира — триста шестьде-

сят квадратных километров. И что любопытно, озеро севернее нашего города километров на двести. И нигде вы не увидите поблизости дуба, а здесь, видите, растет дубнячок. Хотя и невысок дубок, а крепок, — пояснял Новицкий таким тоном будто бы и озеро, и скалы, и дубнячок — творение его рук.

— А что оно на Байкал несколько похоже, то это верно, — продолжал Новицкий, ведя ребят к домику, стоявшему в стороне от строений рыбной базы, почти у самого берега. — В Чукчагир, как и в Байкал, впадает множество речек и ручьев, а вытекает одна река — Ольджикан. По-негидальски — значит кривая речка. Ее часто зовут и Альчикан. Ольджикан впадает в Амгунь.

Дом хозяина Чукчагира, как все называли негидальца Николая Сидоровича Семенова, стоял в окружении лиственниц и берез. Рублен дом из лиственницы, прочной, не боящейся ни воды, ни морозов. Сушились сети, развешанные на кольях, лежали опрокинутые вверх дном лодки. Из-за угла навстречу следопытам выбежали две большие собаки.

— Встречай гостей, — заговорил с порога Новицкий, входя в дом.

— Милости просим, — приветливо отозвалась хозяйка Варвара Васильевна. — Николай сейчас придет, пошел сети посмотреть. Друг к нему старый приехал из района, — рассказывала хозяйка, освобождая для гостей место в горнице.

Николай Сидорович пришел со своим товарищем. Старики разговорились. Новицкий вел беседу так, чтобы юные слушатели за то небольшое время, пока гостят у хозяина озера, знали побольше о Чукчагире, о самом Николае Сидоровиче.

— Что ж, озеро, — размышляя, говорил Николай Сидорович. — Оно не такое, как все. Много тайн хранит Чукчагир, много. Старики говорили, что давно-давно Чукчагир был заливом. Он соединялся с Охотским морем. — Старик умолк на мгновение. Лицо цвета древнего пергамента, широкоскулое и бесстрастное, не выражало никаких, казалось, чувств. Но, присмотревшись, можно было заметить в глазах старика живой блеск, вызванный воспоминаниями.

— Старики твои были совершенно правы, — поддержал хозяина Новицкий. — Геологи мне пояснили, что Чукчагир действительно когда-то соединялся с морем. Об этом рассказывают отложения в земной коре.

— Человек издавна жил на Чукчагире, — медленно говорил Николай Сидорович, подбирая русские слова. — Я здесь находил каменные топоры, глиняные кувшины, землянки-ямы. Приезжал ученый из Ленинграда, забрал у меня находки и сказал: "Давно жили здесь древние люди".

— А почему озеро называется Чукчагирским? — спросил Олег.

— Жил здесь народ, назывались люди чукчагирами. Вон там, на той стороне, и жили в маленькой деревеньке. Охотились. Тут зверь и рыба и сейчас есть. Тогда больше было. Кормились.

— А куда подевались чукчагиры?

— Так ведь кто знает. Старики говорили: из-за войны погибли чукчагиры. А вот мои сыновья не верят этому. Говорят: "Сказки это, отец". А я верю. Была война. Жители деревни передрались между собой из-за ша-

манки. Хотела она выйти замуж, а злой человек Сагдякон наклеветал на нее сородичам. И передрались люди между собой. Сагдякон убежал на скалу. Она за тем мысом, высокая скала. Оттуда любовался злой вун, как родичи друг друга истребляют, а кровь из ран лилась на камень. И сейчас видны следы крови на этом месте.

— В сказке есть правда, — многозначительно промолвил Николай Сидорович. — Старики верят: до сих пор бродит по свету злой Сагдякон, натавливая людей друг на друга. А отчего ж тогда ссоры?

— А куда делась шаманка? — спросила Вера.

— Шаманка-то? В свадебном наряде ушла она на дно озера и до сих пор ищет Сагдякона, чтобы отомстить ему, — пояснила Варвара Васильевна. — Не может найти, сердится, тогда озеро бушует от гнева, лодки топят. Когда волны заходят на Чукчагире, спеши к берегу.

Много любопытного таило озеро в своих таинственных водах, по словам Николая Сидоровича и его супруги. Взять, например, реку Ольджикан. Как бы ни был лют мороз — тут ниже пятидесяти градусов опускается ртутный столбик, — река не замерзает на большом расстоянии от истока. Может, теплые ключи тому причина. Всю зиму стоят тут сети Семенова и лодки у бережка. Много рыбы в Чукчагире. Щука, карась, сазан, чебак, кета заходит, осетров ловят. Карась иногда заболевает в Чукчагире и идет в свою "лечебницу", озеро маленькое такое у впадения речки Кукульми в Ольджикан. Здесь карась отгуляется, снова в Чукчагир идет. И еще второе дно есть у Чукчагира. Да, да, дно — толстый торфяной слой. Под него уходит рыба.

— Рыбы тут много. Ловят мало, дорог нет, — говорит Николай Сидорович. — Амур по пуду водится. Карась до четырех килограммов. Сиг, щука, сом. По ночам, когда рыба мечет икру, слышу, как она галькой шуршит.

— Может, очень скоро и мало станет здесь рыбы, — вмешался в разговор седобородый друг Николая Сидоровича.

— А вы почему так думаете, Николай Данилович? — спросил Новицкий.

— Вон, — ткнул старик пальцем в потолок. — Летают. На вертолете рыбу увозят. А ловят ее пришлые рыбаки так, будто озеро совсем бездонное. Как из садка вынимают. Охранять надо. Пусть рыбка разводится. Похозяйски надо.

Старики, перебивая друг друга, оживленно обсуждали проблемы сохранения рыбных запасов. Их всех сейчас объединяли интерес и любовь к родной природе.

— Вертолет... — задумчиво проговорил Николай Данилович. — Я и самолет-то первый раз увидел лет тридцать назад, когда мне за пятьдесят перевалило.

— Как же это произошло? — заинтересовались туристы.

— Осенью дело было, в сентябре. На охоте был тогда там, за Чукчагиром, — махнул рукой на север Николай Данилович. — Иду по тайге, слышу: шум над головой, гул такой. Присмотрелся: птица большая летит быстро, два круга светлые на носу. На север птица летит, торопится, когда все другие птицы на юг спешат. Я-то знал, что это самолет, машина такая,

людей возит, далеко летает, но видел ее впервые. И страшно так сделалось мне, отчего, не знаю. Пролетела птица, скрылась. А через часок-другой снова гудит. Теперь на юг летит. Ниже летит. Окна в машине видны, в стеклах солнце отсвечивает. Скрылась машина за сопками. А мне домой надо было спешить за припасами. До Ольджикана дошел, на лодке до Амгуни скатился. Там — на катер, и в Керби скоро был. Так в те годы поселок звался, сейчас — носит имя Полины Осипенко. Тут я услышал: ищут в тайге самолет "Родина". Женщины-летчицы вели самолет на север из самой Москвы и сели в тайге. Может, погибают женщины? Ругал я себя тогда. Идти надо было за сопки, куда самолет низко пошел садиться. Пришел в райком, рассказал все. Меня послали отыскивать летчиц и самолет.

— Нашли? — опросили ребята, жадно ловя каждое слово старика.

— Нашел, конечно. Тайга — мой дом. Долго шел и увидел на мари самолет. Целый, все цело, на брюхо упал. Ко мне две женщины, в кожу одетые, бегут, кричат, и слезы у них на глазах. Так я их нашел. А в небе в тот раз самолетов много летало, тоже искали упавших. Потом и ту, что прыгнула с парашютом, Марину Раскову, нашли в тайге, мои друзья нашли. Их навел на след летчик Николай Деркунский. Я их всех помню. Полину Осипенко, Валентину Гризодубову. Хорошо помню. Орден Красной Звезды мне тогда дали. Большой орден.

- Ну, вот вы нашли летчиц, а потом куда они направились? - допытывались ребята.

- Сначала в Керби пришли. Потом на катере в Комсомольск уехали. Там их встречали, летчиц. Потом вся страна встречала. Храбрые женщины были, храбрые.

— А самолет "Родина" куда делся?

— Увезли его потом. Целый самолет. В 1938 году все было.

— Да, это был героический перелет, ребята, - сказал Новицкий. - Наши отважные летчицы пролетели без посадки 6450 километров, побив все рекорды, поставленные женщинами-летчицами мира.

Интересную беседу прервал появившийся служащий рыбной базы. Он передал просьбу летчика поторопиться.

...Возле вертолета на траве разостлан брезент, на нем разная снедь, приготовленная из рыбы. Тут и копченый сиг, и вяленый чебак, уха дымилась в котле, подвешенном над костром. Лежали ломти хлеба. Ребят не пришлось долго уговаривать. Уселись вокруг брезентовой скатерти-самобранки и с аппетитом уничтожали рыбные яства.

- Кушайте вволю, - угощала повариха, солидная женщина с полными голыми до локтей руками. - Такой рыбки вы нигде не покушаете. Прямо из озера. Талу ешьте.

После обеда геолог, ожидавший прибытия вертолета, чтобы лететь дальше по своим делам, с таинственным видом распаковал рюкзак и вынул бутылку с водой.

- А теперь я вас угощаю, молодежь. Берите кружки, наливайте. - Влага, булькая, лилась в подставленные кружки, стаканы, консервные банки.

Ребята пили с удовольствием. Попробовал напиток и Новицкий.

- Э-э! Да это чистейший нарзан! Где вы его раздобыли, милейший? -

обратился он к улыбающемуся геологу.

— Верно ведь, не хуже кисловодского? — обрадованно спросил геолог. — Анализы подтверждают, что даже получше кавказского нарзана. Так вот мы наткнулись на источник минеральных вод тут, недалеко от Чукчагира. Погодите, проведут сюда дорогу, и откроем мы в тайге великолепный курорт.

Полные впечатлений покидали гостеприимное озеро следопыты. В последний раз смотрели на голубые воды чудесного озера, на зеленые острова, белую линию прибоя у берегов.

Прощай, Чукчагир!

Прощай, озеро легенд!

15. БОГИ ХРАНЯТ ТАЙНЫ

"Золотое Керби", "Керби — золотое дно", "Золотая Амгунь" — так называли в старину поселок на Амгуни. Более ста лет назад обнаружили на Амгуни и ее многочисленных притоках золото. И нахлынули сюда любители наживы: купцы, чиновники. Пришел и рабочий люд — золотоискатели, старатели, как их звали в старину. В отдаленной тайге, на безлюдной реке нечего было и думать простому старателю разбогатеть, хотя многие из них и лелеяли такую мечту. Нужны деньги, продовольствие, орудия труда, одежда. И все это давали золотопромышленники, закабалая простой люд. Много золота добыли старатели, но все оно ушло в кассы богачей.

Керби — место гибели многих безвестных старателей, искавших в тайге богатые золотые россыпи.

Поселок назвали по имени реки, впадающей в Амгунь, но вот уже тридцать лет как он носит имя Полины Осипенко.

И не только золотом славится поселок и район. Здесь живут охотники, добывающие шкуры соболя и норки, выдры и лисицы, ондатры и белки. Это тоже золото. Занимаются жители района и сельским хозяйством. Много рыбы в Амгуни и прилегающих к ней озерах и речках. Копченая, соленая, вяленая, идет она с Амгуни во многие города страны.

Все эти сведения следопыты получили еще на аэродроме, где приземлился вертолет, и по дороге в поселок. Жители поселка гостеприимны, словоохотливы, и места свои любят. А потому и стараются сообщить о них что-нибудь лестное.

Ребятам понравились чистые улицы поселка, раскинувшегося по левому берегу Амгуни. Они без труда угадывали здания райкома, школы, клуба. У пристани стояли теплоходы и водометные катера. Шла разгрузка и погрузка судов, барж, халок. Амгунь быстра, прозрачны ее воды. У противоположного берега острова, прикрытые кудрявой зеленью. Мальчишки купаются возле пристани. Попробовали наши следопыты искупаться, мигом повыскакивали из реки: холодна как лед вода Амгуни.

Новицкий оставил ребят на берегу, а сам пошел разыскивать Прокопия, сына Савелия, как называли его местные жители.

— Наша Амгунь с характером, — рассказывал Олегу сторож пристани,

старик в форменной фуражке с "крабом". — Я ее отлично, сынок, изучил за сорок лет. Да, четыре десятка годков отбегал по Амгуни на разных судах. Мальчишкой, поменьше тебя был, с батей, тоже матросом, ходил на пароходе "Муром". Владел тем пароходом Демка Генрихсон, купец и судовладелец. "Грозой амгуньских берегов" звали того Демку, самодуром был. Не захочет кого везти, не возьмет на борт. А матросов бил. В революцию утопили Генрихсона...

Костя прислушивался к беседе Олега со старым матросом и дивился умению друга быстро знакомиться с людьми и выведывать у них интересные его сведения. Олег аккуратен, просто завидки берут. Как бы не вымотался за день, найдет время и силы записать услышанное в клеенчатую тетрадь. К тому же успевает фотографировать и тоже записывает: кого, где, на каком месте заснял. Наверно, из Олега выйдет хороший ученый. Из Кости ученого, конечно, не получится, аккуратности нет. А из Егора, Веры?

— ...Нет капризной реки, чем наша Амгунь, во всем Амурском бассейне такой не найдешь, — продолжал старик. — Во-первых, течение стремительное. Во-вторых, кривуны, перекаты. Чуть зевнул — на мели. Особенно трудно идти на перекатах Имакчанском, Уканском, Красный Яр тоже дает о себе знать еще издали. А вот Чертовы Зубы не каждый капитан одолеет, вода летит как из пушки, страсть! Ревет, клоочет, как в котле, а тут по сторонам скалы у борта. Держись, капитан и матросы! Амгунь залениться не даст, всегда будешь в спортивной форме, — старик хохотнул, радуясь меткому сравнению.

...Костя лежал на песке лицом вверх, смотрел на облака и лениво прислушивался к разговору. Приятно греет спину песок, прокаленный солнцем. На душе сладкая грусть. За время путешествия соскучился он по дому, привычному вниманию матери. Сейчас бы он с отцом собирался на воскресную рыбалку. Даже новых книг, купленных отцом накануне ухода в тайгу, жалко было Косте: не прочитал. А попробуй признайся в своих переживаниях Егору, например, скажет презрительно: "К маме захотел, малыш?.." За время похода как-то отделились от него товарищи и Вера тоже. Почему? На этот вопрос не мог ответить себе Костя, но чувствует — отделились. Стали взрослее, что ли? Появилась в их обращении с Костей такая взрослая снисходительность, обидное внимание, участливость, в которой он, Костя, ну никак не нуждается! Олег, он, правда, ничего, он проще и ближе, понятнее. А Егор и Вера... Верка иной раз смотрит так загадочно на Костю и таким отсутствующим взглядом, словно он, ее брат, пустое место, пень какой-то. И еще неопределенно улыбнется. Спросит Костя: "Ты что так глядишь?" — "Ничего, просто думаю". Мыслительница нашлась, думает! А то примется опекать Костю, заботиться не в меру, мать копирует "Голова не болит, Костя? Есть хочешь, Костя? Не ложись на сырую землю, простудишься!" Тоже мне, нянька нашлась! Костя приподнялся и увидел вдали, у старой лодки, опрокинутой вверх дном, Егора и Веру. Егор что-то говорил, размахивая руками, а Вера смеялась, откинув голову назад. *И* о чем таком интересном может говорить Егор, смотри, заливаясь! Встать бы, подойти, послушать, но как непрошеному? Ну их... От ревности заныло сердце Кости. " Вот возьму и сбегу, — с горечью думает

Костя. — Попрошусь у пилота, вертолет еще не улетел. Пусть остаются, зазнайки". От этой мысли стало стыдно Косте. Он даже оглянулся вокруг, не подслушал ли кто его. Сбежать от товарищей, от старика, с такой терпеливостью и готовностью пустившегося в дальнее путешествие, чтобы помочь им, школьникам? Нет, это называется предательством. Расстроенный мелочными своими мыслишками, Костя поднялся с песка и лениво побрел к Егору и Вере. Олега лучше не трогать, он с головой ушел в рассказы старого матроса.

— Простудиться захотел? — встретила сестра.

— Отстань! — грубо сказал Костя и независимо сплюнул на песок.

— Он еще хамить! — Рука Веры потянулась к Костиным вихрам.

— Оставь ты его, — заступился Егор. — Песок теплый, может же человек полежать, понежиться.

— Теплый? Там внизу вечная мерзлота, — не сдавалась Вера.

— Где мой дед? — увел в сторону неприятный разговор Егор.

— Да вон он идет, — указал Костя на дальний конец улицы. Верно, к ним торопился Новицкий. В руках он нес сетки-авоськи с поклажей.

— Дед харч несет, ребята! — догадался Егор, — Жрать хочется до чертиков!

— "Жрать", — передернула плечами Вера. — Язык у тебя...

— Как у телка, — разъярил подошедший к друзьям Олег.

— Помалкивай, очкарик, — беззлобно отпарировал Егор.

Он оказался прав. Новицкий принес в сетках-авоськах всякую снедь. Тут была копченая рыба, молоко в стеклянной банке, хлеб и другие не менее вкусные вещи, и пучок свежей редиски. Раскладывая яства на газетах, расстеленных на дне лодки, Новицкий докладывал о результатах визита в поселок.

— Отыскал дом Прокопия. Самого нет дома, жена. Торопилась старуха доить корову, только и смог узнать, что Прокопий на охоте. Подробности разузнаем вечером, нагрянем к ней всей компанией. Снедь приобрел в местном магазине. И не потому, что не верю в гостеприимство амгунцев, а потому лишь, чтоб не отвлекать их от дел заботой о себе в неподходящее время дня. Подзаправимся, чем бог послал, пойдем осматривать достопримечательности.

Егор знал, когда дед вот так изъясняется велеречиво, стало быть, у него хорошее настроение. И угадал. Новицкий радовался, что снова побывал на Амгуни. Годы — причина радости. "В шестьдесят пять не всегда знаешь, попадешь еще раз в места, дорогие сердцу и взору", — говаривал дед Егору, чем вызывал у него возмущение. "Ну что ты, дедка, приbedняешься. Ты у меня дуб!" — "И дубы ломит буря", — подзадоривал внука Новицкий, ему приятно еще раз проверить привязанность внука, хотя бы таким недозволенным приемом, коим нередко пользуются многие старики. Егор с нежностью наблюдал за дедом, за его загорелыми руками с надувшимися венами, еще и сейчас не потерявшими былой мощи борца и штангиста. Хороший у него дед, Егору повезло, несомненно. У других деды любят побрюзжать, поучать к месту, а больше не к месту. Дед Егора не растерял задора молодости, жадного любопытства к миру и людям. Хороший у него дед!

Дом Прокопия, потемневший, чуть покосившийся, но крепкий, стоял на обрыве берега: рыбаки любят селиться у самой воды. К нему примыкали хозяйственные постройки. Стояли аккуратно сложенные поленицы березовых дров. Собаки вертелись возле крыльца в ожидании кормежки. Собаки таежные не позволяли таких пустяков, как лай на прохожих. Их обязанность — охота, работа в упряжке. На крыльцо вышла пожилая женщина в расписном нанайском халате, с большими серебряными серьгами в ушах.

— Внуки ваши? Проходите, проходите, — пригласила хозяйка, распавшая дверь в прохладную просторную горницу.— Вас покормить чем-нибудь? Молочко есть, каша рисовая, — перечисляла хозяйка.

— Не беспокойтесь, — удержал ее Новицкий. — Мы только что отобедали и довольно знатно. Вот если вечером?..

— Накормлю вечером, — приветливо улыбнулась хозяйка.

— А теперь наши главные следопыты, — указал на ребят Новицкий, — хотели бы кое о чем вас порасспросить. Они ищут пропавший в гражданскую войну полк, вернее, документы о нем. След ведет в ваш дом.

— В мой дом? — удивилась хозяйка. Говорила она с чуть заметным акцентом, слова выговаривала правильно. Наблюдательный Олег, как он полагал, нашел даже этому объяснение. На стене он приметил полки с книгами, а на диване, покрытом ковром, раскрытую книгу Бальзака. "Обедня безбожника", — прочитал он на странице.

Выслушав историю, приведшую следопытов в ее дом, хозяйка сказала:

— Прокопий на промысле. Жалко, что его нет. Он заготавливает мясо для золотого прииска. Раньше-то, когда помоложе был, домой почаше приходил. А сейчас все на ноги жалуется. Заберется в тайгу и сидит там. Сохатого или козу убьет, рабочие с прииска придут, заберут. Там и живет в зимовье.

— И вы не знаете, скоро ли он будет дома? — спросил Олег.

— Однако не скоро. Ноги... Но Прокопий часто бывает на прииске, это возле Нилана, речка такая. За продуктами приходит, за табаком.

— А далеко до Нилана? — спросил Новицкий.

— Недалеко. Машины ходят почти каждый день на прииск. Можно доехать, — ответила хозяйка. И ответ ее подсказал нашим следопытам решение.

— Надо ехать на Нилан, — подвел итог беседе Новицкий.

— Значит, вы не помните, передавал дядя Савелий Прокопию бумаги какие-нибудь или нет? — переспросил Олег. Он любил точность.

— Не помню, пожалуй, нет, иначе я бы знала.

— А бурханов... богов то есть? — Олегу хотелось восстановить таинственный чертеж, сделанный Ковалевым. А если найдется такой бурхан у хозяйки, с копией чертежа, то он может здорово им пригодиться, хотя Олег и не знал, для чего Новицкий кивком одобрил шаг юного исследователя.

— И вам нужны бурханы, — посмеялась хозяйка.— У меня их много было бурханов, растащили школьники. Из Хабаровска приезжали, в му-

зей увезли самых старых. Деньги давали, а зачем мне деньги? Мы не бедные, сын помогает. Однако, на чердаке есть еще бурханы, посмотреть надо. Не все отдавала, есть главные боги дома и семьи. Их жалко отдавать, и вам не отдам, разве маленькие...

— Нам бы только посмотреть, — поторопился предупредить отказ Олег.

— Посмотреть можно, — согласилась хозяйка. — Идемте на чердак.

Хозяйка с неожиданной для ее возраста легкостью взобралась по лестнице на чердак дома. За нею последовали наши друзья. На чердаке прямо пахло травами. Они висели в связках на жердях.

—словно в аптеке, запах, — заметил Егор, наклоняясь, чтобы пролезть под гирляндой трав.

— Это и есть моя аптека, — с гордостью отозвалась хозяйка. — Травы лечат людей от многих болезней. Ко мне из Хабаровска приезжают.

Олег отметил, что, ссылаясь на Хабаровск, хозяйка имеет в виду высокую степень значения предмета.

— А от каких болезней? — заинтересовалась Вера.

— Я расскажу, дочка. Вот валерьяна трава. Корешки настаивают на воде и пьют, чтобы спать хорошо, чтобы спокойным быть, если напугал кто. А если зубы болят, то надо полоскать рот отваром корня айра. Он в болоте растет, у него такой вот бархатный початок. Его очень сохатый любит. А это корни аралии. Его настой и здоровым и больным полезен. Голова перестает болеть, крепнет человек. Такой же и лимонник. Можно настой пить из сушеных веток, а лучше само семя настаивать на спирту. Как женьшень действует...

Какое множество лекарственных растений, оказывается, произрастает в приамурской тайге. Красивый в цветении багульник лечит экзему, плоды боярышника помогают при заболевании сердца. Тысячелистник лечит гастрит, помогает при расстройствах пищеварения. Ядовитая чемерица лечит чесотку. Воспаление глаз можно лечить отваром ягод черемухи. Кто бы подумал, что черемуха — лекарственное растение.

Вера торопливо записывала названия трав и кустарников, их медицинское значение, вызвав тем особую благосклонность старой хозяйки.

— Женщины всегда лечили людей рода своего, — сказала она. — Учись, дочка, распознавать травы, сама лечить будешь. — Она достала из-за трубы берестяной туесок с крышкой, вынула оттуда коричневатые корни.

— Вот главное лекарство тайги — женьшень. Он редко встречается в наших краях. Мой старик ходил за женьшенем в Приморье.

Ребята с уважением рассматривали чудодейственный корень жизни, о котором так много были наслышаны. Некоторые корешки напоминали фигуру человека. Точно угадывались туловище, ноги, руки, склоненная голова...

Бурханы были свалены кучей в дальнем углу чердака, возле широкого слухового, окна. Тут были и маленькие, с рукавичку, деревянные идолы и больше метра, Почерневшее растрескавшееся дерево свидетельствовало о почтенном возрасте многих богов. Один из бурханов очень искусно вырезан неизвестным художником, добившимся большого сходства с человеком. Выражение лица бурхана довольно добродушное, чуть лукавое. Рас-

косые глаза, широкие скулы, иронические черточки около рта.

— "Надо хоть раз, как на равных, взглянуть на богов..." — процитировал песню молодого геолога Егор. Старуха бросила изучающий взгляд на Егора, не зная, как оценить его замечание.

— Самый главный бурхан был, — сказала она с уважением, показывая на добродушного идола. — Его зовут Джули. Он покровитель домашнего очага, семьи. Джули передавали из рода в род. Наш Джули достался мужу от деда, да и тогда он был очень старый. Он так и стоял на почетном месте в доме. Когда праздник, ему преподносили угощение. У некоторых было по три таких Джули. Всех берегли.

— А те, другие бурханы, тоже покровители очага? — спросил Олег.

— Каждый бурхан для своего дела, — поясняла старуха.

— Значит, раньше в каждом доме много было таких богов? — спросил Костя.

— Много, — сказала старуха. — А когда хозяин умирал, то всех богов, кроме Джули, рубили и выбрасывали.

— Ну, а новые кто делал?

— Шаман делал, сами делали. Я в молодости вырезала бурханов. Женщины и шаманами могли быть. Так заведено было в старое время.

— Ну, а вы... верите в этих богов? — смущенно спросил Олег, поправляя очки.

— Нет, давно не верю, дети мои. И муж не верит, и дети тоже, — с улыбкой отвечала старуха. — Думаете, в тайге живу — темно живу? Нет, дети мои. Свет проникает всюду, даже в головы таких старых людей, как я. Мой сын, заслуженный деятель культуры, написал книгу "Происхождение и реакционная сущность шаманства". Так что от сына всем богам сильно досталось, — веселые морщинки разбежались веером у черных глаз старухи.

— Сын бурханов собирал, чтобы книгу писать. Так и остались тут, хочет приехать, увезти их в какой-то музей. В Ленинграде он сейчас работает, словарь нанайский пишет.

Вот она какая, оказывается, старуха! Олегу стало неудобно, что он воспринял хозяйку дома, одетую в национальный орнаментированный искусными аппликациями халат, чуть ли не за представительницу древнего мира, открытого в раскопках Кондона. "Никогда не надо спешить с выводами, особенно о человеке незнакомом", — решительно сделал для себя вывод Олег.

Меж тем, перерыв груды бурханов, Егор вытащил знакомую ребятам фигурку деревянного человечка с обиженным выражением лица, намеченного уверенной рукой безвестного резчика.

— Тот самый! — воскликнул Егор, подавая друзьям бурхана.

Бурхан был точной копией того, какой они видели у внука Савелия в Кондоне. Но чертеж-орнамент отсутствовал. Хозяйка подтвердила, что божок из той коллекции, которую привезли от отца Прокопия. Бурхан хранится как подарок родителя. Любой родительский подарок пользуется у нанайцев особым уважением.

Олег достал из кармана портсигар с чертежом и показал его хозяйке.

— Вам не приходилось видеть точно такого чертежа, вырезанного на спине бурхана? — спросил он.

Нет, не приходилось видеть подобное хозяйке.

В доме Прокопия делать больше нечего. Хозяйка накормила гостей. За обедом посоветовались и решили ехать к Прокопию. По словам хозяйки, до прииска скоро отправляется грузовая машина с рабочими-золотоискателями. Подвезут.

Перед уходом старуха задержала Олега и сунула ему конверт из толстой бумаги.

— Вы тут спрашивали о бумагах, может, пригодится этот конверт. Он, как мне помнится, попал к мужу от отца его, Савелия. С ним, с Прокопием, там встретитесь, скажите, что я вам отдала конверт.

Олег машинально сунул конверт в карман и скоро забыл о нем.

— Ну как, друзья, путь продолжим? — спросил Новицкий, когда вышли на улицу.

— Продолжим!

— По дому еще никто не соскучился? — взглянул Новицкий на Костю. "Неужели догадывается", — опешил Костя.

— Никто! — первым выкрикнул он.

— Тогда пошли искать ту попутную машину, которая увезет нас к новому свидетелю нашей истории. Правда, мне очень странным кажется, что хозяйка не знает, были присланы документы ее мужу от Савелия или нет. Ведь про бурханов-то она знает.

— Он мог взять документы с собой в тайгу, — предположил Костя.

— Мало вероятно, — усомнился Егор.

— А я догадалась, почему тот бурхан, кондоновский, с чертежом, оказался расколотым, — вмешалась в разговор Вера. — Хозяйка рассказывала, что некоторых богов-бурханов раскалывали после смерти их хозяина. А вдруг все бурханы с чертежами расколоты? А обломки кому нужны? Их выбросили, а с ними и чертеж.

— Ничего, по всей вероятности, чертеж нам и не понадобится, — успокоил Новицкий. — Девяносто девять шансов против одного, что документы могут быть у Прокопия, или же они вообще исчезли и никогда не будут найдены. Что нам остается?

— Вера! — крикнул Олег.

— Итак, будем верить, что они целы.

Поплутав по переулкам поселка, следопыты отыскали гараж, где готовилась к поездке автомашина. Золотоискатели охотно взяли гостей с собой.

Автомашина запылила по дороге, петляющей среди высоких деревьев. Дорога то шла в гору, то круто спускалась под уклон. По сторонам проносилась тайга в летнем наряде. Свежестью и чистотой веяло от белоствольных березовых рощ. Их сменяла нежная зелень лиственниц, этих стройных таяжных красавиц. Ранней весной лиственницы первыми покрываются зеленью, похожей на пух птенцов, сразу оживляя хмурюю серость просыпающейся от зимней спячки тайги. Высоко над лесом подняли свои темно-зеленые кроны могучие кедры. Вдали показываются синие

задумчивые вершины далеких гор. Дорогу то и дело пересекают хрустальные ручьи. По словам сидевшего в кузове старожилы, здесь, у Амгуни, каждый такой ручеек исследован старателями. На одной из сопок, преграждающих дорогу, ребята заметили спелую малину. Короткая остановка — и все уже бродят в малиннике, собирая крупную спелую ягоду. А то пересекает дорожная лента широкую марь, поросшую голубикой. На кустах еще мало спелой ягоды, но по всему видно: урожай будет богатый. Нет, люди не придут сюда собирать ягоду. Далеко от поселка, да и марей таких в тайге многие тысячи. Придет сюда медведь-лакомка, придет сохатый, прилетят стаи птиц кормиться. И опадут крупные, словно подернутые изморозью, продолговатые голубые ягоды на влажный мох болота.

- Голубика, она серьезная ягода, — говорит меж тем старожил. — Беречь надо голубику от пожаров, от зряшней гибели всякой. Придет время, на вертолете сюда приедут люди, собирать будут даровую ягоду.

В одном месте ребята заметили заброшенный, поросший травой шурф и почерневшие от времени пни спиленных деревьев.

- А тут золотишко искали, — пояснил старожил. — Здесь вся тайга исхожена, ископана. Тяжелое амгунское золото. В старые времена не умели его толком брать. Пески бедные, техника нужна. А кайлой много ли намахашь. У нетронутых ручьев кормились больше, самородки иной раз находили. Хищно брали золото. Сейчас на этих местах снова добывают.

На прииск приехали под вечер. У Новицкого, бывавшего здесь, нашелся старый знакомый. Он, Михаил Артемович Бородин, и принял уставших и запыленных путешественников в своем маленьком домике. По таежному обычаю он был гостеприимен и деликатен, ни о чем не спрашивая гостей, рассказывал о себе приятным баском. Двигался, бесшумно и медленно, по-медвежьи, но все споро делали его узловатые руки труженика. На столе появились незамысловатые кушанья и грозно шипящий самовар.

- Потянуло на знакомые места, - гудел Михаил Артемович. — В прошлый раз ты, Александр, не добрался до черного плеса, помнишь, тайменя хотел поймать? Сегодня наши в ночь рыбу ловить пойдут. Дивная рыбалка! Компанию не составил бы?

- А ты?

- Мне нельзя, дежурю я, да и вот их, - кивнул головой на ребят, - оставлять одних негоже.

- Михаил, дорогой, удружил! - обрадовался Новицкий. - Тогда я на рыбалку. Сапоги найдутся?

- Все найдется, Александр, для тебя все найдется, - эти слова хозяин уже произносил в чулане-боковушке. Скоро из дверей чулана были выброшены сапоги с огромными голенищами, фуфайка, рыболовные снасти. Новицкий сразу же стал готовиться к уходу, чтобы не упустить попутчиков.

Перед тем как уйти, он сбивчиво объяснил причину посещения прииска.

- Прокопий будет через два дня, - заверил Михаил Артемович. — Погостите, отдохнете, порыбалите, и Прокопий зайвится, куда ему деться, Прокопью-то.

16. ПРИИСК „ИЗМЕНЧИВЫЙ”

Ночевали в избушке Михаила Артемовича. Старик понравился ребятам. Он говорил мягко и неторопливо, обстоятельно. Карие глаза смотрели из-под черных как смоль бровей с какой-то детской приветливостью. Волосы на голове чуть тронуты сединой. Крепок старый завхоз прииска, хотя ровесник он веку, как любит подчеркнуть в разговоре. Михаил Артемович запросто обращался с годами; и когда он, чуть морща лоб, говорил, припоминая: "В девятнадцатом было, кажется, нет, в двадцать первом..." — то у ребят холодок пробежал по спине от упоминания такой древности. Подумать только, полвека прошло с той поры, а старик отлично все помнит, как будто было все это вчера.

— Поешьте, ребятки, — добродушно басил Михаил Артемович. — А потом я вам прииск покажу наш. Так вы Прокопия ищете? Давнишний мой дружок, можно сказать, брательник мой породненный. Мы с ним еще парнями познакомились, партизанили вместе. Весь Дальний Восток обтопали с винтовкой. Правда, не всегда в одном отряде, но надолго друг дружку из вида не теряли...

— Полк ищете? То хорошее дело вы затеяли. Молодым надо знать, как деды их воевали за землю эту. Об Ульбинском слышал, как же, слышал, был такой полк, был. А вот что с ним приключилось, того не знаю. Чего не знаю, того не знаю. О рукописях, документах не слышал от Прокопия. А может, когда и говорил, так мимо ушей, значит, прошло.

Ребята с аппетитом уплетали жирную уху, свежую картошку с салом, пили брусничную воду.

— Вода очень даже полезная из брусничного соку, — хвалил Михаил Артемович. — В старину, говорят, в давнюю бояре пили брусничную воду. Толк понимали. Сейчас вот внук Сашка говорит, что витаминов в соку этом много.

Дорога на прииск шла по мари, потом вилась возле каменистой осыпи сопки. Чтобы сократить путь, вел старик ребят по большой железной трубе-водоводу.

— Почему "Изменчивым" прииск назвали? — говорил Михаил Артемович. — Тут старая интересная история есть. Было мне, наверное, лет четырнадцать, вроде как вам, когда мой батя приехал на Амгунь старателем. Копал золотишко, перебивался с хлеба на квас. Бедны здешние пески. А самородки совсем редко попадались. Не от себя, конечно, работал. На купца-золотопромышленника. Их тут много перебивало, любителей стать миллионерами. Амгуньское золото только ворошить начали.

Однажды приезжает делец, тертый такой человечешко, в Керби. Назвался управляющим, поверенным одной богачихи из Благовещенска, вдовы штабс-капитана. По поручению той вдовы поверенный застолбил участок вот в этих самых местах, на ручье, что впадает в Нилан. Нанял управляющий артель, отца моего поставил за главного. Сам больше наездом бывал на Амгуни.

Начали мыть. Поначалу кое-что попадалось. Управляющий весел, общает телеграфом вдове, что, мол, барыш будет, денег требует на инстру-

мент, на содержание артели. Вдова шлет беспрекословно. Но в середине зимы перестало попадаться золото в песках вдовьего участка. Вдесятером часов по четырнадцать маются старатели, моют, воду греют, чтобы не замерзала, нет толку, нет золота, заколодило. Так месяц, другой, третий... Затревожился управляющий. Спрашивает отца:

— Как по-вашему, будет золото?

— Если по правде, не будет, — заявляет отец. — Участок бросовый попался, трудный. Содержание такое, что овчинка не стоит выделки.

— Как же быть, милый, вдова денег столько ухлопала...

— Значит, не фарт, — скребет затылок отец. — Золото-то как добывают?

Все дело в фарте.

Вызвали вдову. Приехала, узнала, причитать начала. Все свое состояние, почитай, ухлопала в прииск. Убедившись, что участок плох, прекратила поиски. Своими руками подожгла строения все, инструмент, чтобы никому, значит, не достался. Злилась вдова. Так в слезах и укатила в Благовещенск.

А через пяток лет снова кто-то рыл тут золотишко. И попадалось. Потом снова голые пески. Поэтому и прозвали прииск "Изменчивым". При Советской власти снова попробовали мыть. На этот раз драгу здесь поставили. Ну, это тебе не бутара и лопата с киркой. Фабрика! Я сейчас вам ее покажу. И снова дает золото "Изменчивый", изрядно дает. Валюта!

Пока шли к прииску, успел Михаил Артемович рассказать о разных случаях из жизни старых старателей, об убийствах из-за золота, обмане, грабежах.

— К золоту в старые времена всякая грязь липла, дорогие мои ребятки. Настоящую цену и место ему народ определил при Советской власти. В наше советское время потеряло золото власть над человеком окончательно. Эта победа нам дороже всякого золота.

— Но золото все-таки добывают? — сказал Костя.

— А что делать? Деньги пока есть на свете, капитализм существует, к сожалению, весь на деньгах построенный, не в безвоздушном пространстве живем. Выходит, и для нас золото нужно пока, и побольше.

За зеленой стеной пихтовника открылась взору долина ручья, изрытая во всех направлениях. Белый кварцевый песок отвалами лежал вокруг квадратных озерец. В одном из таких озерец, подпруженных плотиной, стояла громыхающая своими стальными частями драга — целый дом с окнами, этажами. Дом содрогался, когда ковши, глубже врезаясь под водой в золотоносный песок, выгребали его на поверхность. Ковши длинной бесконечной вереницей поднимались из воды, уходили в глубь драги-дома и там шумно выплескивали пульпу в бункер.

Михаил Артемович подвел ребят к откосу, из которого драга ненасытно выгребала своим хоботом песок. Металлический мостик соединял драгу с откосом. По нему и ходили работающие на драге люди.

— Целый пароход, — сказал Олег, рассматривая драгу. — И как только ее привели сюда по ручью?

— По частям, милоч, перевезли, — пояснил Михаил Артемович. — Потом запрудили ручей, получился прудок. Собрали сначала понтон — плаву-

чую часть драги. Потом все остальное. Так она тут и плавает. Выработают песок, подвинется дальше, вода — за нею, за драгой. Канаты ее на месте держат и передвигают. Для этого лебедки на драге есть. Да мы посмотрим все. Эй, Петрович! — крикнул Михаил Артемович, улучив момент, когда ковши остановились и шум драги поутих. Из окна будки машиниста высунилось бородатое лицо.

— Гостей принимай! — продолжал Михаил Артемович.— Драгу ребята хотят посмотреть. Может, тебе в помощники пойдут.

Машинист улыбнулся, показав белые зубы. Махнул рукой, приглашая, и скрылся в темноте будки.

Ребята перешли по узкому мостику на драгу. Она содрогалась от работы мощных электродвигателей. Потом машинист выключил их, и драга успокоилась. Машинист и его помощник, молодой чубатый парень, в измазанной маслом тенниске, повели показывать свой железный дом на воде. Обилие разных механизмов, деталей, приводов, канатов... Разве сразу разберешься, что к чему. Одно усвоили ребята: драга объединяет в себе несколько агрегатов. Ковши вычерпывают золотосодержащий песок. Называется этот узел землечерпательной машиной. Дальше песок попадает в агрегат для удаления пустой породы. Большой путь проделает песок, пока из него извлекут песчинки золота и они заблестят жирным желтым блеском на сукне отсадочного лотка. Здесь золото соберут, взвешают, спрячут в сейф прииска. Теперь это не золото вроде, не благородный металл, не боящийся окисления, а валюта.

Показали ребятам и не совсем очищенный золотосодержащий песок. Был он черен цветом и напоминал охотничий порох. Только при внимательном разглядывании можно было заметить крошечные золотишки.

Видя разочарование на лицах ребят, машинист усмехнулся.

— Вы думали, мы сразу кусками вытаскиваем золотишко? Что ж, иной раз случается. Но главное-то золото — незаметное, вот это. Часто по химическому анализу только и узнаешь: есть содержание. Так-то.

Машинист дал команду включать землечерпалку, ковши вновь загрохотали, ребята покинули наполненную лязгом металла драгу, слегка покачивающуюся на воде. Старые отвалы уже поросли кустарником и травами. Сколько труда вложил человек, чтобы встревожить тело земли и добыть ничтожную по сравнению с этими горами породы — каплю золотого песка.

— Да, поработали, — задумчиво проговорил Михаил Артемович, когда Олег поделился с ним своими мыслями.— Сто лет ворошит эту землю человек и еще на сто хватит. Настойчив и упрям человек, когда хочет добиться поставленной цели. Ох и настойчив, ребята. И в этом сила и красота человеческая, помните. В этом сила!

Золото давно ищут на дальневосточной земле, — продолжал свою мысль старик, когда покидали прииск.— Еще во времена Ерофея Хабарова о золоте знали и искали его. И находили, конечно.

А труд старателя был самый тяжелый. Зимой и летом в тайге. Все время в воде ледяной. Живет впроголодь, оборван. Много старателей погибло. А иной отыщет золото, намочит, а его уже грабители поджидают. Убьют дорогой, золото заберут.

Но не только находками золота приносили пользу старатели. Они попутно обнаруживали другие металлы: железо, скажем, марганец, олово, медь, киноварь, из которой ртуть выпаривают. Много полезных ископаемых отыскивали. И уголь тоже. Сейчас все это людям пригодились.

К тому ж худо-бедно — местность обживали, дороги в тайге торили, земли плодородные находили, места промысловые для охоты и рыболовства.

К концу дня, когда Михаил Артемович вернулся с работы, он застал Веру за уборкой. В домике желтел свежeweымытый пол; куча посуды, сложенная хозяином на столе, переселилась после мытья на полки шкафчика, украшенного вырезанными из бумаги салфеточками. На столе попыхивал парком начищенный до блеска старый с помятыми боками самовар. На подоконнике букет таежных цветов, умело подобранный. Вера, покрасневшая, стояла у печи, старательно подмазывая бока ее известью.

— Ну, молодая хозяйюшка, удружила, утешила! — расцвел в улыбке Михаил Артемович, разводя руками. — Смотри, какая ты рукодельная. Ну, спасибо тебе. А ребята где?

— Дрова пилят в сарайчике, — сказала Вера, польщенная похвалой старика.

— Ах, ребятки, молодцы! — восхищался старик. Он принес па ужинмолока, достал из ледника балык. Угощение получилось на славу. И все приговаривал Михаил Артемович, что ребята славные и родители у них хорошие, раз приучили трудиться. А после ужина вышли на улицу. Старик закурил трубку.

Он еще раз внимательно выслушал рассказ Олега о поисках полка, уточняя детали.

— Выходит, что у вас большая надежда на документы?— спросил он. — И то верно. Прокопий вряд ли что знает достоверно. Уж он бы давно проговорился, хотя человек отроду молчалив. Гм, рукопись... Кто же ее писал, ту рукопись? Какой был человек?

— Наверно, Ковалев, — предположил Олег.

— Так. Савелий упоминал о том, правда, — пыхнул дымком Михаил Артемович.

— Пойдите! — спохватился Олег. — Бабушка в Керби дала мне какой-то конверт. Где он у меня? Ага, в рюкзаке.

Олег сбегал в дом и вернулся с серым замызганным конвертом. Края конверта облохматились. Сквозь дыры проглядывала бумага. Посередине конверта прошит суровой ниткой. Нитку осторожно разрезали и извлекли из конверта пожелтевшую от времени сложенную газету. Из нее выпал листок неровно оторванной бумаги.

Газета довольно хорошо сохранилась.

— Интересно, интересно, — проговорил Михаил Артемович, дальнoзорко разглядывая газету. — Ну-ка, читай.

— "Призыв", — прочел название газеты Олег, — орган Красной Армии Николаевского-на-Амуре округа, четверг, 20 мая 1920 года, номер сорок второй, цена пять рублей..."

— Дай-ка, дай-ка, — протянул руку Михаил Артемович. Узловатая, она

дрожала от непонятого ребятам волнения. — Она! — впился глазами в газетный лист старик. — "Призыв", подумать только! Моя газета! — Заметив недоумение на лицах юных гостей, пояснил торопливо: — Я ее печатал, и вот этот самый номер печатал. В типографии я работал в двадцатом, печатную машину крутил. Ну, дела-а-а! Через столько-то лет вижу ту самую. Эх, очки позадевал где-то, надо поискать, печать мелка для моих глаз. Давай-ка читай, — возвратил он газету Олегу.

Олег начал читать, и открылась забытая страница истории перед слушателями, истории полувековой давности. Михаил Артемович с молодо заблестевшими глазами был весь внимание. Он то и дело комментировал прочитанное, иначе многое было бы непонятным нашим — друзьям. В таких случаях Олег прерывал чтение и слушал старика.

— Подряд читать? — осведомился Олег.

— Все читай, — приказал старик.

"Окружной исполнительный комитет постановил: аннулировать полностью и впредь ни под каким видом в казну платежом не принимать денежных знаков выпусков — царского правительства, правительства Керенского, Хорвата, Николаевского общества взаимного кредита".

Перечисление аннулированных денег заняло несколько строк.

— В январе двадцатого года партизаны заняли Николаевск, — рассказывал Михаил Артемович. — Тогда разные ходили деньги, комитет наводил порядок.

В газете было много разных постановлений, приказов. В них биение живого пульса грозного революционного времени.

"...Объявить трудовую неделю обороны и привлечь к работам все трудоспособное население..."

"...Момент кровавой развязки приближается.

Опираясь на изменческую тактику соглашателей, японцы коварным образом захватили Хабаровск, Никольск и другие города Дальнего Востока и свергли там власть трудящихся...

Но, спрашивается, надолго ли?

У всех одна мысль, одно желание — защитить революцию, защитить свои Советы...

К оружию, товарищи!

Мы должны победить или умереть!"

— О какой кровавой развязке писали в газете? — спросил Костя.

Михаил Артемович взглянул на него, помолчал, делая затяжку, и сказал:

— Надо было защищать Николаевск.

— От кого? Ведь это же после революции? — не унимался Костя.

— "Победить или умереть", — повторила Вера слова воззвания. — Так на Кубе говорят, только там: "Родина или смерть!"

— У нас кубинцы учились делать революцию, — заметил Михаил Артемович. — А вот от кого надо защищать? Эх, парень, знать надо историю края, в котором родился и живешь. Отец небось рассказывал. Нет? В Ленинграде отец родился? О Ленинграде много рассказывал? Это хорошо. Ленинград — колыбель революции. Там Ленин призвал народ к револю-

ции. Но и Дальний Восток надо знать. Тоже земля советская. В школе-то, наверно, говорили? Мало? Это плохо.

— Про пальмы знаем, — усмехнулся Олег, — а про свое мало.

— Вот-вот. Недосмотр получается у наших учителей да и у нас, стариков, — самокритично заметил Михаил Артемович. Он заметил упавшую на землю записку. — Да, Олежка, записочку почитай, что в ней.

С трудом можно было разобрать поблекшие, карандашом написанные буквы. Сначала почерк был уверенный и твердый, буквы красивые, потом они пошли вкривь и вкось. Как будто человеку, писавшему их, стало вдруг плохо, рука ею слабела, и последняя фраза была недописана:

"Дальревком.

Товарищу Константину.

Дорогой мой, К. П. Посылаю с подателем записки этой, верным человеком, дневники свои. Может, пригодятся людям.

Сообщи ревкому, что Ковалев предатель. Торопись.

Подробно пишу в тетради.

Посылаю газету с твоей статьей о школе и моими...

Нет сил, наверно...

П. П. "

Михаил Артемович молча взял у Олега записку, положил на колени, разгладил осторожно рукой. И все молчали, переживая присутствие большой далекой тайны. Первым прервал паузу Михаил Артемович:

— Выходит, хозяин записки тоже писал что-то в газету. О школе чего там сообщается?

— "К строительству новой школы", — так и называется статья. Подписана: "Ан. Х-ва".

— Он пишет: "и моими...", — начала Вера.

— Стихами! — догадался Олег. — Вот тут стихотворение есть.

"Кончается царство постылой зимы.

Запахло веселой весной.

Заря загорелась под пологом тьмы

Над русской великой страной..."

Михаил Артемович слушал, наклонив к плечу голову и в такт рифмам махал рукой с зажатой в ладони потухшей трубкой. Лицо старика стало сосредоточенным и торжественным.

— Теперь я знаю, кто писал записку, — негромко сказал он, словно размышляя сам с собой. — Припомнил. Это Платон, поэт. Так мы звали в типографии парня одного. Веселый, удалой малый. Песни сочинял хорошие, частушки. Распевали их партизаны в те времена. И в газету писал Платон. Он в Николаевск приехал по заданию Дальревкома из Владивостока. Там еще до революции работал в газете. Грамотный. Французский язык знал. Из богатой семьи происходил, а наш был парень. Бывало, прибежит к нам в типографию и говорит: "Ребята, послушайте, новые стихи написал..." И начнет. Я вот эти стихи начинаю припоминать. Когда потом в июле шли

по Амгуни великим походом, то пели это стихотворение. Мотив подобрали и пели. И эти вот слова: "...Высокие башни разрушь на пути и лес размечи всковой..."

— И что потом с этим поэтом? — нетерпеливо спросила Вера.

— В конце мая двадцатого года прибежал он в типографию, новый номер газеты взять. Думали, и стишки прочтет. Не стал. "Уезжаю, ребята, говорит, из Николаевска в Забайкалье против Семенова драться. В штаб полка меня прикомандировали". Красивый, видный был парень, кровь с молоком. Чуб — во! Плечи — в разворот, рост высокий. Одет во все кожаное: тужурка, галифе, фуражка со звездой, хромовые сапоги. "До скорого свидания!" — сказал и ушел. Таким и запомнил Platона-поэта на всю жизнь.

— Может, в Ульяновский полк его послали? — сказал Олег.

— Чего не знаю, того не знаю, — покачал головой Михаил Артемович.
— Не до этого было. В Николаевске в то время грозная была обстановка.

— Грозная? — переспросила Вера.

— Чрезвычайно грозная! — подтвердил Михаил Артемович. - В 1920 году в Николаевске рядом с партизанами стоял и японский гарнизон. Японцы соблюдали временно нейтралитет, а сами исподтишка готовились взять город. И попытались сделать это в марте. Три дня шло ожесточенное сражение. Японский гарнизон был полностью разгромлен партизанами и перестал существовать.

Но это у японцев было вроде репетиции. Нарушив перемирие, они вероломно напали в начале апреля на партизанские гарнизоны Владивостока, Хабаровска, Никольск-Уссурийска. Николаевск оказался в одиночестве. С вскрытием Амура японцы готовили новое нападение на Николаевск, и партизаны понимали, что им на этот раз не удержать города. Командование приняло решение эвакуировать из города все население. Нельзя было оставить десятки тысяч людей на растерзание осатаневшему врагу.

— Но ведь дороги-то до Николаевска нет, — заметил Олег.

— Совершенно верно! — согласился Михаил Артемович. — Решили плыть на всех имеющихся в Николаевске судах по Амуру, потом по Амгуни до Керби. А там идти пешком...

Прощально гудели пароходы и отчаливали, медленно выходя на фарватер. До отказа груженные баржи сдерживали ход слабосильных буксиров. Немало нашлось таких, кто с котомкой за плечами отправился вслед пароходу по берегу, надеясь где-нибудь на Амгуни попасть на желанный борт.

— А вы, остались?.. — спросила Вера.

— Я был прикомандирован к начальнику отдела эвакуации, с последним пароходом уезжал... — задумчиво отозвался Михаил Артемович. — Тут еще такое дело получилось... Встретил я в Николаевске хорошую девушку Сашу. Учительницу. Она первым в городе детским домом заведовала. Не мог я ее оставить. Отпросился у комиссара, побежал разыскивать. А она в своем детском доме сидит в одной из комнат и горько плачет. "В чем дело, говорю, Сашенька? Почему не эвакуируешься?" — "Сахар у меня... — говорит, — детский сахар. Не могу же я его бросить". Схватил я тот мешок с сахаром, и побежали мы с Сашей на пристань. Вовремя! На последний пароход успели. А город горит. Зарево — на десятки километров.

Усадил я Сашу в теплый закуток у паровой трубы, поесть принес. Так и ехали. В Керби меня сразу на совещание эвакуационного отдела позвали. Пожилой латыш, командир отдела, оглядел нас и говорит:

— Прошу слушать внимательно. Дело идет о жизни тысяч людей. Путь предстоит очень трудный, равный большому сражению. Надо провести людей от Керби до Экимчана, а там по реке Селемдже — триста верст, от Норского склада до Благовещенска-на-Амуре пятьсот верст по рекам. Полторы тысячи верст. А места эти вы все знаете: гиблые места... Тайга, горы, мари. Надежда на кербинских товарищей. Они будут вести колонны беженцев. А вам, товарищ, — обратился командир ко мне, — особо важное поручение. Вы немедленно должны выйти на трассу похода, доберетесь до перевала Эзоп и организуете там строительство дороги. По пути проверите, как идет ремонт мостов, строительство новых, как создаются пункты питания беженцев. Вы получите мандат с чрезвычайными полномочиями. Готовы выполнить приказ революции?

— Готов, товарищ командир, — отвечаю.

— А как же Саша? Ваша невеста? — поправилась Вера.

— Насилу разыскал ее в толпе беженцев. Не признал сразу. Саша в кожаной тужурке, хромовых сапожках, хромовых галифе. На боку кобура болтается. Ну прямо комиссар!

— А я и есть почти комиссар, — смеется Саша. — Буду возглавлять одну из колонн беженцев.

Смотрю на нее, глазам не верю. Ведь только что недавно плакала на пароходе Саша, ну совсем кисейная барышня. А тут...

Михаил Артемович умолк. Раскурил папиросу. Погрустнело лицо старика.

— И вы... встретились потом? — с усилием спросила Вера, боясь ранить старика вопросом.

— Ну конечно же встретились! — оживился Михаил Артемович. И продолжал рассказ.

— ...Я уже дошел до хребта Эзоп, возвращался назад. По моим расчетам, обоз, которым командовала Саша, вот-вот должен был подойти к горе Крошка. Название-то милое такое, а гора — самая тяжкая преграда на пути к Благовещенску. Поднялись на седловину горы, глядим вниз: лошади еле тянут пустые повозки по каменистой осыпи. Детей взрослые переносят на руках, как и весь скраб, продуктишки. По всему перевалу лежат на камнях люди, передыхая. Хотел только вниз спускаться, вдруг из-за скалы выходит моя Сашенька. Тужурка порвана, опалена кострами, сапоги вконец разбиты, веревками обмотаны. Лицо почерневшее. Смотрит на меня, не узнает. Вид-то у меня тоже не молодевавший. Оборванец оборванцем, бородой зарос. Но по какой-то отметине, по глазам, что ли, признала меня Саша. Руки расставила, идет ко мне таким спотыкающимся шагом, вот-вот упадет. Подбежал я, подхватил ее на руки.

— Я это, Саша. Все хорошо, все хорошо будет...

Рассказ старика взволновал следопытов. Перед их внутренним взором вставали картины прошлого, такого необыкновенного романтического прошлого.

— И все дошли до Благовещенска? — спросил Олег.
— Дошли, — подтвердил Михаил Артемович. — Конечно, были потери. От болезни кое-кто умер дорогой... Но основная масса народу спаслась.
— А Саша... Александра? — замешкалась Вера.
— Александра Григорьевна? Да, мы скоро встретились. И еще повоевали вместе. Сестрой милосердия была она в партизанской армии. А врага разбили, учительствовать пошла. Сейчас-то она к внуку в гости в город уехала. Из армии вернулся внук-то. Тоже Сашей зовут.
...Вера вышла на улицу. Лунная дорожка серебрилась на темной реке. В такую вот ночь много десятилетий назад шла возле этой самой реки молодая учительница Саша, чутко прислушиваясь к скрипу колес обоза, двигающегося сзади. Почти осязаемо Вера почувствовала, что это она в кожанке идет по пыльной дороге, сжимая в руке холодную рукоять нагана. Впереди неясно маячит фигура человека. Вера закрыла глаза и представила себе юношу, тоже в кожаной куртке. Он идет ей навстречу, улыбающийся, рыжий чуб из-под фуражки. Это — Егор...
Вера смущенно оглянулась, словно подслушали ее мысли, коротко рассмеялась и убежала в теплую, пахнущую свежим сеном горницу.

17. ГДЕ ЖИВУТ ЛОСИ

Наступали третьи сутки, а Прокопий не приходил из тайги. И Новицкому надоело безделье в пустынном поселке — зря тратятся дни каникул. В эти вот минуты уныния раньше обычного возвратился с работы Михаил Артемович. По нахмуренному виду старика ребята догадались, что он принес неприятное известие. Михаил Артемович виновато поскреб затылок и объявил:

— Неувязка получилась маленькая, товарищи. Сегодня из тайги пришел охотник один, видел он Прокопия. Не скоро заявится Прокопий сюда. Просил старый охотника, чтобы тот передал золотоискателям его просьбу — прийти на зимовье и забрать мясо. А сам Прокопий, мол, чем-то занятый. Когда вернется домой, неизвестно. Такие вот дела!

Да, дела неважные, не радовали они следопытов. Все ждали, что скажет Новицкий. Новицкий молча расстелил свою карту на столе и стал изучать ее, водя пальцем по голубым жилкам рек.

— До зимовья далеко будет? — спросил он Михаила Артемовича. Тот наклонился над картой, присмотрелся и ткнул мундштуком трубки в точку у верховьев горной речушки.

— Значит, он обосновался почти у самого хребта Дуссе-Алинь?

— Лося там много, пушного зверя, — сказал Михаил Артемович. — Так что место самое подходящее. И река, пусть несудоходная, но по берегу можно шагать — дорога все же. А в низовьях и лодки ходят. Не мешает там никто Прокопию. Какой охотник откажется от тихого урочища?

— Михаил Артемович, посоветуй, может, нам сходить к Прокопию? — спросил Новицкий. — Кстати, я не бывал в этих местах. А там как раз

самая высокая точка хребта. Рискнуть, взобраться?

Михаил Артемович поддержал:

— Сходить можно. Сегодня идет бригада рабочих прииска за мясом, что Прокопий заготовил. Лошадей берут, лодки. С ними и дойдете. К вечеру на месте будете, переночуете, а завтра вечером — дома.

Все устраивалось. Упакованы рюкзаки, пополнены запасы пищи. Часть вещей оставили у Михаила Артемовича, чтобы идти налегке. И вот идут они долиной речки - притока Амгуни, держась в хвосте группы рабочих. Они таежники, опытные, идти могут гораздо быстрее, но нарочно сдерживают шаг, чтобы не утомить ребят.

Долина эта ничуть не похожа на обжитую долину Силенки. Тропа у самой воды, возле нависающего над речкой берега. Дальше такая чашоба, что надо рубить топором путь в зарослях. Да и у берега множество препятствий: скользкие от воды валуны, упавшие деревья. Часто узкая полоса берега исчезает, и приходится брести по воде.

Новицкий доволен поведением и выдержкой ребят. Стойко переносят они тяготы пути, помогает многодневная тренировка. Хочется сказать что-нибудь приятное, но не услышат все равно: шумит, беснуется река. И смотри-посматривай под ноги, не зевай, живо очутишься в ледяной воде.

Впереди идущие рабочие вдруг остановились, закричали и замахали руками. Новицкий и ребята прибавили шаг.

— Зимовье! — донеслось издали.

— Дом Прокопия! — обрадовался Новицкий. Усталости как не бывало, следопыты почти бежали, стремясь скорее достигнуть долгожданного места. Зимовье показалось совсем неожиданно: за крутым поворотом реки на просторной террасе стоял бревенчатый, потемневший от времени дом с плоской крышей, с единственным окошком и дверью, подпертой толстой валежиной. Эта валежина свидетельствовала о том, что хозяин зимовья отсутствовал.

Когда ребята и Новицкий приблизились к зимовью, там уже хозяйничали рабочие прииска. Они раскладывали на полках принесенные охотнику запасы соли, сухарей, муки, чая, тащили из речки воду, рубили сушняк для костра.

— Прокопий-то ушел куда-то, — встретил Новицкого бригадир. — Вот записку оставил.

Новицкий прочитал записку: "Мясо возьмите на леднике. Приду через неделю". Клочок бумажки заметно дрогнул в руке старого туриста. Ребята во все глаза смотрели на него, пытаются скорее узнать, что написано охотником.

— Читайте, — протянул Новицкий, устало опускаясь на чурку.

Огорченно вытянулись лица ребят. Новицкий уже справился с минутной растерянностью и, улыбнувшись, проговорил:

— Терпение, друзья!

— Настойчивость! — отозвались повеселевшие ребята. С ними их старый друг и наставник, что-нибудь придумает.

После отдыха ребята стали изучать зимовье, окружающую его тайгу. Место охотник выбрал удобное, защищенное от ветров, рядом незамерза-

ющая речка. В зимовье и в пристройке, где оборудован ледник для хранения мяса, ребята увидели разные промысловые приспособления для ловли соболя, колонка, силки для птиц. Здесь и лыжи, широкие, подбитые камусом — сохатиной шкурой с ног животного. Даже старинное копье хранилось. С таким копьем, как пояснил Новицкий, нанайцы ходили на медведя, да и теперь иногда ходят. Олег все присматривался, не обнаружится ли ящик или сундук с документами. А что, мог же Прокопий взять документы в зимовье? Но нигде ничего похожего на хранение рукописей не оказалось.

Ночевали в зимовье на нарах, покрытых шкурами медведя. Всю ночь у распахнутых дверей домика дымил дымокур. Иначе комары не дали бы спать. Ночь была тихая, самая подходящая для комариных вылетов.

Утром Новицкий объявил:

— Раз уж мы пришли почти к подножию Дуссе-Алиня, то грешно не подняться на него. Как вы думаете?

Ребята думали так же, как их старый вожак.

— Договорились. После завтрака выход. За день обернемся, а наши попутчики пока будут переносить мясо вниз по речке. Там их ожидают товарищи с вьючными конями и лодками.

— А как же Прокопий? — спросил Олег. — Опять его не встретили?

Новицкий только развел руками в ответ. Можно идти к хребту, да куда-то запропастился Егор. Ребята стали дружно кричать:

~ Его-о-ор!

— Я здесь, что кричите, — показался из-за деревьев Егор. ~ Следы сохатых нашел. Они подходили к водопаду, наверно, пить захотели.

Егор возбужден, охотничий азарт охватил парня.

— Вот бы ружье сейчас! — мечтательно произнес он.

— Пустяки говоришь, — осадил внука Новицкий. — Лося бить можно только по лицензии. Давайте тронемся в путь, время терять нечего.

По дороге то и дело попадались следы лосей. Недаром Прокопий поселился в этом урочище. Зверя здесь было много, и он без труда мог его отстреливать. На коротком привале Новицкий рассказал следопытам о лосях, их повадках.

Есть две разновидности лося. Одного называют уссурийским, другого восточносибирским. Восточносибирский как раз водится в этой тайге, между Амгунью и Амуром. Тут пасутся большие стада сохатых.

Лось — самый крупный зверь в здешней тайге. И не только в здешней. Попадают быки до полтонны весом и ростом в холке до двух метров. Такой красавец идет по тайге как таран!

— Правда, что лось меняет рога каждый год? — спросила Вера.

— Да, сохатый большой модник, — смеется старик. — В январе рога сбрасывает, а летом уже имеет новые. Сейчас у быков порядочные рога выросли. Скоро он отправится их "сушить". Подойдет к дереву и трется, кожу омертвевшую очищает.

Для коренных жителей тайги сохатый заменяет домашний скот. Это и мясо и шкура. Из лосиной шкуры шьют унты, перчатки, куртки, оленью и собачью сбрую, а какие коврики делают из сохатиной кожи таежные мастерицы! Нитками служат жилы лося.

Лось охраняется законом. Его отстреливают только по специальным разрешениям — лицензиям. Такой порядок сохраняет основное стадо. А так лося давно бы выбили. Зверь заметный, и охота на него довольно несложная.

— А чем питается лось? — любопытствовали ребята.

— Еды сохатому в тайге вдоволь. Ест молодые побеги ивы, осины, черемухи, лишайниками не брезгует. Любит полакомиться водяными растениями, особенно айром, стрелолистом. Мне приходилось наблюдать, как кормится сохатый в речке. Заберется в тихую бухточку, голову окунет в воду и выхватывает стебли. Ехал однажды на оморочке, замечаю: плывет по воде свежая трава. Учили меня охотники: в таких случаях жди выше по течению сохатого. И верно: слышу, в тишине громко плещется вода. Между кустов виднеется лось по брюхо в воде. Жует неторопливо траву, и с морды стекает вода. Такой, разнежившийся лось подпускает человека метров на десять. А так он чуток, близорук, но чуток, метров за триста чует человека, а слышит еще дальше.

— Трудно такому зверю по горам лазить, — замечает Вера.

— Наверно, нелегко, — соглашается Новицкий. — От гнуса спасается, от овода.

— Но ведь ему есть что-то надо, а тут одни камни.

— Ну не одни камни. Я уверен, что и луга встретим на хребте. И вода наверняка есть. Откуда бы тогда течь этой речке?

Следы зверей постепенно сливались в одну хорошо утоптанную тропку. Ею и воспользовались наши путешественники. За каждым подъемом вырастали перед их взором высокие черные и серые скалы — гигантские надолбы. Казалось, природа построила здесь этот каменный частокол, желая сохранить тайны своих угрюмых гор. С большим трудом добрались к подножию частоккола следопыты. Здесь ровная терраса, а когда обогнули один из скалистых уступов, где тропа сохатых жалась к каменной стене, а с другой зияла пропасть, следопыты увидели горное озеро. Круглое, как блюдце, оно располагалось у подножия скалистых гребней. Вода отражала безоблачное небо и была голубой. От берегов озера к гребням простирался зеленый луг. У самой воды трава в рост человека, дальше, по мере подъема, трава скудела. У ближнего к путешественникам берега озера мирно паслось стадо лосей. Рядом со взрослыми сохатыми бегали по лужайке длинноногие телята. Самый крупный лось повернул рогастую голову в сторону непрощенных гостей и без особого беспокойства глядел на них несколько мгновений. Потом, не торопясь, вошел в воду и поплыл к противоположному берегу. За ним кинулось все стадо. Плыли лоси быстро и красиво. С шумом выбрались на берег и ровной рысцей ушли за каменный гребень. Ни одним звуком не пытались сопровождать исчезнувших лосей следопыты. Картина потревоженного покоя обитателей тайги казалась мимолетной, как сновидение. Только помятая трава на берегу напоминала о случившемся.

Проводив сохатых, занялись осмотром озера. Из него сверкающим водопадом вытекал поток, дававший начало речке, по которой пришли в этот

мир скал наши следопыты. Егор хотел искупаться в голубой воде озера, но Новицкий категорически запретил.

— Не хватало еще, чтобы ты простудился, — сердито сказал старик. — Здесь ведь не позвонишь по телефону и не вызовешь врача на дом.

За каменным гребнем начинался новый, еще более крутой подъем. Совсем близка желанная вершина. На карте Новицкого этот черный пик отмечен цифрой "2241", что означает его высоту. Самая высокая точка хребта в этих местах. Вершина словно припорошена снежком. "Белые лишайники", — объяснил Новицкий. А вокруг этой вершины — другие: черные, серые, голубые вершины хребта и его многочисленных ответвлений, беспорядочное нагромождение камня. Чувство восторга охватило юных покорителей Дуссе-Алиня, чувство одерживаемой победы, близкого общения с природой, открывшей тайну своей вечной притягательной красоты и величия. На какое-то время все забыли о причине, приведшей их в безмолвное царство гор.

Два пути вели к вершине. Один пришлось сразу же отвергнуть, едва прошли три сотни метров. Путь преграждала пропасть. Расщелина хотя и невелика, но без специального альпинистского снаряжения и тренировки нечего и думать ее преодолеть. Новицкий, поразмыслив, избрал каменистую осыпь, тянущуюся почти к самой вершине пика.

— Пойдем по осыпи, — решил Новицкий. — Но надо быть осторожными, ребята. Упади камень, вся эта каменная река придет в движение. Выбирайте место для ноги понадежнее.

Последние метры были особенно трудны. Егор заметил на лбу деда крупные капли пота. "Бедный дед, — пожалел Егор. — Ему всех тяжелее". А старик упорно поднимался все выше и оказался на макушке пика прежде других. На небольшую площадку вылез Егор. Он подавал руки Олегу, Косте, Вере, помогая подняться. Вот они стоят все вместе, радостные и усталые, стоят на самой высокой точке хребта, господствующей над всей округой. Молча любовались юные путешественники величественной картиной гор и тайги. Заметили внизу еще несколько озер. Из одного, что было побольше других, вытекал ручей. Новицкий, взглянув на карту, пояснил:

— Это рождается река Буря, ребята. Мы видим с вами, как рождаются реки. На восток текут притоки Амгуни, на запад и юг — притоки Зеи и Амура. Этот хребет и называется водоразделом. Вот бы приходило вам сюда учить географию, — пошутил старик.

Посредине площадки лежала груда камней, явно сложенных руками человека.

— Это знак, ребята, что здесь побывали люди, — сказал Новицкий. — Так что честь покорения вершины принадлежит не нам. А что на доске написано?

"Прочти, товарищ, наше письмо", — разобрали следопыты еле заметные на доске буквы. Осторожно разобрали макушку пирамиды. Обнаружили стальную капсулу-цилиндр. Отвинтили крышку. Внутри трубочкой лежала свернутая бумажка. "Дорогие друзья — писали покорители вершины Дуссе-Алиня. — Мы поднялись на эту вершину. Пусть она не так высока, но путь к большим вершинам лежит через малые высоты. И пусть эта по-

коренная вами вершина будет лишь ступенью к еще более недоступным вершинам". Дата, приписанная внизу, говорила, что авторы письма побывали здесь в прошлом году.

— Давайте тоже оставим письмо, — предложила Вера.

— А что напишем? — Олег извлек из кармана ручку и блокнот.

— Напишем, что мы, следопыты, принимаем привет товарищей. Вместе с ними мы взяли первую высоту и обещаем не останавливаться перед большей высотой. — С этим текстом, придуманным Егором, согласились все. Записку вложили в капсулу и снова надежно укрыли ее в каменной пирамиде.

В последний раз осматривают друзья окрестности, берут на память осколки камней и покидают пик. Каждый испытывает чувство последнего прощания с покоренной вершиной. Кто знает, придется ли кому-нибудь из них вновь ступить на ее серые камни, продутые всеми ветрами, прокаленные солнцем и морозами, омытые дождями многих тысячелетий.

Вторую ночь ребята провели в зимовье Прокопия. Утром рабочие покидали становище охотника, надо уходить и следопытам. Обратный путь оказался тяжелее. Рабочие тащили мясо и часто отдыхали. Пришлось заночевать на берегу речки. Нарубили лапника, развели костер. Рабочие, повалившись на лапник, сразу же погрузились в глубокий сон. Их примеру последовали и следопыты. Чуть брезжил рассвет, когда Олег разбудил Егора, передав ему дежурство. Самое трудное время ночи дежурил Новицкий, и сейчас он спал богатырским сном. Хотя и слипались глаза Егора, он был горд, что бодрствует, охраняя сон товарищей. Даже собачонка, увязавшаяся за рабочими, спала, нервно повизгивая во сне и дергая носом;

Костер медленно затухал. Борясь с дремотой, Егор подумал: "Надо дров пособирать". Поднялся и направился в чашу. Пришлось далеко уйти от лагеря, прежде чем Егор напал на подходящий сушняк. Внимание его привлекли кусты жимолости. Крупные спелые ягоды манили Егора. Он все дальше продирался сквозь кусты, забыв о времени. Из состояния азарта его вывел подозрительный шорох. Егор взгляделся в густую стену кустарника. Ветви шевельнулись, и показалась темная морда медведя. Маленькие глазки хозяина тайги смотрели на подростка с любопытством. Медведь тронулся вперед. Не помня себя, Егор бросился бежать, не разбирая дороги. Ему казалось, что его вот-вот нагонит страшный зверь и придавит к земле. И только перемахнув невысокую сопку, Егор остановился и прислушался. Но кроме биения сердца, ничего не услышал. Самообладание возвращалось к юноше. "Может, медведь меня испугался, а я, как дурак, бегу, — сконфуженно подумал Егор. - Вот бы увидели ребята, как я драпаю. Смехота! А ведь я так много рассказывал им о своей охоте с дедом. Хорошо, что не привирал про медведя".

Что-то долго идет Егор. По его предположению, он должен достигнуть если не самого лагеря, то речки обязательно. Тайга становилась гуще, пропадали тополя, растущие обычно в пойме реки, их сменили ели и пихты. Егор остановился. "Спокойно, — сказал он себе. — Дед всегда говорил: "Если в тайге начнешь блудить, то не паникуй, соберись с мыслями, вспомни, как шел, где солнце, определи страны света. На дерево можно влезть,

если в чащобу забрался..." Егор не поддастся страху, он поступит, как учил дед. Куда шел отряд? Примерно на юго-восток. Река, правда, петляет по тайге и иной раз течет совершенно в неожиданную сторону, обходя какую-нибудь сопку, но все же примерно следует держаться на солнце. Там восток. Сделав поправку на предполагаемое место лагеря, Егор двинулся вперед, пробираясь сквозь заросли орешника. Через некоторое время он услышал лай собаки. Егор обрадовался. Он идет правильно, будет держаться собачьего лая. Теперь Егор спешил, он бежал, выбирая места, где пореже росли деревья, оступался в мочажины, спотыкался о поваленные стволы, но не замечал ушибов и царапин: рвался на спасительный лай. А он все ближе и ближе. Егор перевалил один высокий увал, почему-то встретился новый, более высокий. Стал взбираться на него. И тут вдруг заметил, что собака лает совершенно с противоположной стороны, не с той, куда он стремился. Пораженный такой неожиданностью, Егор остановился, прислушался. Собака два раза тявкнула, голос ее явственно слышался со стороны, противоположной солнцу. "А может, ребята ищут меня и взяли с собой собаку?" Егор приободрился. Часто останавливаясь, он ловил звук собачьего лая и опять бежал по тайге. Лай совсем рядом, за теми кустами... Но что это? На лиственнице сидела черная крупная птица. Она наклонила голову, издавая звуки, очень похожие на лай маленькой собаки, потом взмахнула крыльями, заметив, наверно, Егора, и тяжело полетела над верхушками деревьев.

Егор опустился на валежину, почувствовав усталость и голод. На какое-то мгновение его охватило безразличие. Но это продолжалось недолго.

— Не раскисать! — громко приказал себе Егор, одновременно делая вызов угрюмой и зловеще молчаливой тайге. Она стояла, обступив заблудившегося и, казалось, поджидала, когда силы покинут его. Память услужливо подсказывала Егору многие случаи гибели людей в тайге. Когда-то, охотясь с дедом, они наткнулись на скелет человека. "Или охотник, или сборщик кедровых орехов, — предположил дед. — Заблудился, погиб человек..." Ну нет, Егор выйдет из тайги. Что он, на самом деле, разнюнился. И так, без паники. Идти он будет на солнце, чуть правее. И он обязательно достигнет если не речки, то Амгуни. А там — спасение, там люди.

Идти нужно не торопясь, экономя силы, и идти обязательно. Его спасет только движение вперед. Он припоминал наставления деда: "Придется плутать по тайге, держись русла рек и ручьев. Они выведут к главным рекам". По ту сторону хребта все реки и речки текут в Амгунь, только в Амгунь. Егор ясно представил себе карту местности. Он уже был уверен, что все обойдется благополучно. Вот разве с едой плохи дела. Что ж, станет питаться жимолостью. Обшарил карманы — ничего, одни крошки. Обрадовался, что прихватил с собой большой складной нож.

— Не раскисать! — повторял Егор и продирался сквозь заросли, раздвигая ветви руками...

На исходе длинный летний день. За весь день Егор лишь дважды сделал короткие передышки. Пока есть силы, он обязан идти. Небо еще светло, а здесь, под деревьями, наступили сумерки. Егор облюбовал густую

лиственницу, забрался на толстую развилку ветвей. Здесь он прокоротает ночь. Рядом ручей, завтра он пойдет по нему.

Небо хмурилось, а когда стемнело, разразилась гроза. Ливень хлестал по земле, и ничего не было видно за сплошной водяной стеной. Егор привязался ремнем к дереву, чтобы не упасть. Ему чудилось, что стоит только заснуть, и он уже никогда не проснется.

К утру дождь перестал, под деревьями стояла вода. Голода Егор не чувствовал, была только противная дрожь в теле, и лицо опухло от укусов комаров. "Отвязаться и упасть в воду, все равно пропадать..." — мелькнула мысль, но Егор тут же отогнал ее. До мельчайших подробностей вспомнил он вдруг рассказ партизана о подвиге комиссара Шерого. Какие муки вынес этот смелый человек! Разве он опустил бы руки, попав в такие условия? Он собрал бы всю свою волю и шел вперед. Так сделает и Егор. А отец Егора? Разве не трудно было ему, когда он чуть не погиб в плавнях Днестра, находясь в разведке. И не погиб, вывел в нужное место товарищей, да еще на пути пленил немецкого офицера.

Егор спустился вниз и оказался по пояс в воде.

И тут он услышал волнующий звук. Неужели? Конечно же, это вертолет. Егор остановился, вслушался. Рокочущий звук моторов нарастал стремительно. Вот сейчас вертолет покажется. Но с вертолета его могут не заметить. Задыхаясь, Егор пытался добежать до ближайшей лужайки, где там! Показав Егору свое зеленое тело со светлыми кругами пропеллеров, вертолет скрылся из виду.

— Не заметили! — плачущим голосом закричал Егор, продолжая брести по воде.

Он был уверен, что вертолет искал именно его. А может, он вернется? Надо идти дальше, надо выбирать открытые места, как только слышится вновь рокот мотора, выбегать на поляну.

Выбравшись на сухую высокую релку, Егор рухнул на траву. Он так выбился из сил, что не мог дотянуться рукой до кисточки земляники, растущей рядом. "Передохну... сорву..." — подумал устало Егор и сомкнул веки, горевшие от укусов комаров.

Наверно, долго спал на теплой земле Егор и во сне ощущал запах земляники. Солнце переместилось к западу. Удлинились тени. К запаху земляники примешивался запах дыма. Пожар! Егор приподнял голову — неподалеку ярко горел костер, на рогульках висел закопченный котелок. Хрустнула ветка. К Егору приближался чуть сгорбленный человек с морщинистым темным лицом. За плечами у него двустволка, у бедра болтаются рябчики.

— Проснулся, Егор? — весело заговорил старик. — Крепко спал. Я рябцев стрелял совсем рядом, ты спал. Молодой сон — крепкий сон. Я сам так спал в молодости, — старик тоненько рассмеялся.

— Вы кто?.. — спросил Егор, не узнавая своего охрипшего голоса.

— Я Прокопий, охотник прииска. Меня тут все знают.

— А как вы...

— Как тебя отыскал? — договорил старик. — По следам нашел. Я хорошо читаю книгу следов.

— И вы знаете, как меня зовут? — не переставал удивляться Егор.

— Я возвращался на зимовье и встретил твоего дедушку. И друзей твоих. Они все тебя ищут, — сказал Прокопий. - Как же ты в тайгу убежал? Жалеет тебя очень дедушка... — старик поцокал языком.

— А где они сейчас? — Егор с усилием встал на ноги. — Пойдемте.

— Зачем спешить? Кушать надо, чай пить, отдыхать маленько. Потом пойдем. Дедушка твой и остальные на реке, тут недалеко. Я сейчас стрелять буду, они услышат и ждать нас будут. Сиди, пожалуйста. Вижу: голодный ты и из сил выбился.

Прокопий снял с плеча ружье и выстрелил в воздух.

— Вот теперь они ждать будут. Так договорились. Это хорошо, что я надумал вернуться раньше времени на зимовье. Вот и помог тебя найти...

Оказывается, Прокопий, раздумав идти на какое-то далекое урочище, возвращался по речке к становищу. Повстречал встревоженных следопытов. Новицкий до того был испуган и огорчен исчезновением внука, что даже ослаб. С трудом передвигался он по каменистой дороге, кляня себя за непредусмотрительность. Огорчены были и все остальные участники похода. Вера потихоньку плакала, сдержанно шмыгали носами Олег и Костя. Но, собравшись с духом, Новицкий предложил план поисков пропавшего Егора. А к тому времени подоспел Прокопий. Он прошел по тайге возле лагеря и нашел следы мальчика. Следы часто терялись, но Прокопий еще и еще раз разглядывал их и шел вперед. Ближе к речке тайгу прочесывали рабочие прииска, Новицкий и юные следопыты шли вдоль речки. Когда пошел дождь, Прокопий почти потерял следы. Наверно, ему помогла интуиция таежного человека, и он все же нагнал беглеца. Старый охотник рад был, что разыскал мальчика.

— Немного станем кушать, — приговаривал Прокопий, наливая в миску ухи.

Егор мигом проглотил горячую и необыкновенно вкусную юшку. И чаю, крепкого до черноты, старик не жалел.

— Чай — это хорошо, пей сколько хочешь, — угощал Прокопий, морща в улыбке доброе лицо.

— Мы сейчас пойдем к ним? — спросил Егор, утолив голод и сразу почувствовав себя легче.

— Пойдем, пойдем, отдохай маленько. Речка недалеко.

— Мне повезло, ведь мог бы пропасть? — тихо проговорил Егор, с благодарностью глядя на старого охотника.

— Мог, Егорка. Тайга шутки не любит. Тайга любит людей, знающих ее. Кто тайгу не знает, тому она — смерть. Кто знает, тому кушать дает, тепло в любое время дает, богатства свои дает.

Дальше все происходило как во сне, радостном и веселом. На широкой отмели, куда привел Егора Прокопий, горел костер и навстречу им бежали люди. Они окружили охотника и Егора и поочередно обнимали их. Новицкий прихрамывал, опираясь на палку. Егор инстинктивно сжался, похолодел, увидев суровое лицо деда. Вот-вот даст затрепину непутому своему внуку. И Егор сейчас хотел, чтобы вlepили ему оплеуху и потаскали за чуб. Но Александр Николаевич протянул руки, охватил ими голову внука и прижал к своей широкой груди.

— Егорушка... — бормотал сквозь слезы Новицкий. — Пропать мог, как же тебя угораздило?..

И только сейчас Егор всем существом своим почувствовал, как он до-

рог бабушке, дорог всем этим милым старым и молодым людям. Он не мог погибнуть там, в тайге, когда есть на свете любовь человеческая, сильная и всемогущая, когда есть дед, старый охотник Прокопий и друзья.

Егор заметил, что среди встречающихся нет его троих друзей. Новицкий опередил вопрос внука.

— Я их отправил на лодке на прииск. Выбились из сил ребята. Сейчас и мы тронемся в дорогу. У золотоискателей лодка моторная, живо домчим...

...Полная луна смотрела в окошко. На полу на сене спали Олег, Костя и Вера. А Егор все не мог уснуть. Много пришлось пережить сегодня, многое узнать. Он припоминал, как Вера, увидевшая его, подбежала, схватила за руки и, счастливо рассмеявшись, сказала:

— Живой, Егорка?

— Вот... пришел...

— Живой, живой, — повторяла она и гладила Егоркину руку.

Егору стало жарко от нахлынувшего большого счастья, непонятного, но большого-большого. Нестерпимо захотелось услышать голос Веры. Он тихо произнес:

— Ты спишь, Вера?

— Нет, — отозвалась она шепотом. — Ты о чем думал там, когда заблудился?

— Я боялся, что никогда-никогда не увижу тебя, Вера...

— И я боялась, Егор...

Больше ничего не сказал Егор, ничего не стал спрашивать. Он закрыл глаза и уснул в ту же минуту.

18. РУКОПИСИ В БЕРЕСТЯНОМ КОРОБЕ

Распрощавшись с добрым Михаилом Артемовичем, следопыты утром отправились в обратный путь, в поселок имени Полины Осипенко. Поехал с ними и Прокопий. Накануне Новицкий, Олег и Вера долго разговаривали со старым охотником. Да, Прокопий получил от своего отца документы, много рукописей. Он их не читал. Нет, знамени в тех рукописях не было, и материи красной не было, только бумаги. Он, Прокопий, очень будет рад отдать рукописи, раз они так нужны и пользу могут принести людям. А что касается бурхана с чертежом на спине, то вроде такой есть. Не нашла старуха? Прокопий поищет, он помнит: есть такой божок, отец вместе с рукописями прислал из Кондона.

Когда дорога знакома, то путь кажется гораздо короче. Ребята не заметили, как машина домчалась до поселка. Вот уже она пылит по улицам, резко притормаживает у домика Прокопия. Путешественники с облегчением высаживаются на землю, разминая затекшие ноги. Жена Прокопия, заметив в окно гостей, спешит встречать.

— Мать, накорми-ка ребят, — сказал Прокопий Савельевич, развязывая походный мешок.

Хозяйка и сама догадалась, гремела ухватами у большой русской печи,

столь редкой в домах местных жителей — нанайцев, орочей. Запахло вкусно тушеной с медвежьим мясом картошкой. Появились на столе глиняный кувшин с молоком, неизменное гостевое таежное кушанье — тала из свежей рыбы, моченая ягода.

— А ты, — обратился Прокопий Савельевич к Егору, — слазь-ка на чердак и принеси берестяной короб. Он за трубой лежит. Там все бумаги, если, конечно, мыши не съели, — с запинкой добавил охотник. — Кто их знал, что понадобятся бумаги. Да и забыл я про них совсем. Столько лет прошло, как отец прислал мне их. И сказал: "Пусть у тебя лежат". Больше-то ничего не приказывал: ни передать куда, ни прочитывать даже.

Егор принес короб, искусно сплетенный из берестяных лент. Некоторые полосы носили следы зеленой и синей красок. Вместо замка завязка из лосяной кожи. Ребята, наскоро закусив, обступили короб, установленный на табурете посередине комнаты. Вера развязала узел ремешка и открыла крышку. Из короба пахнуло залежалыми бумагами и пылью. Бумаги были кое-как впихнуты в раздувшуюся подушкой потрепанную папку и перевязаны бечевкой. На лапке с непривычным "ятем" надпись "Дело". Все с волнением смотрели на эту папку, заключавшую в себе жгучую тайну. Прокопий Савельевич взял папку, сдул с нее пыль и, помедлив чуть, отдал ее Олегу, признав его за главного в этом исследовании старых записей.

Рукописи разложили на столе, подоконниках, стульях. Это были очерки, газетные статьи, рассказы и пьесы. Все написано четким каллиграфическим почерком со старомодными росчерками, ятями, ижицами и твердыми знаками. Здесь и тетрадки из разных сортов бумаги, и расходные бухгалтерские книги. Некоторые записи сделаны на оборотной стороне каких-то чертежей и на простой серой оберточной бумаге.

С любопытством рассматривали ребята аккуратно подшитые нитками рукописи пьес. "Конфузное дело", "На озере", "Не в деньгах счастье", "Тонкий расчет", "Послужил миру" — так назывались эти сочинения драматурга. "Не в деньгах счастье" — водевиль. В нем много стихотворных монологов. В нескольких тетрадках, озаглавленных "Нохтуйские встречи", автор рассказывал о людях, с которыми встречался в дальних своих журналистских странствованиях.

По отдельным фразам, оброненным автором, юные историки начинали представлять себе его биографию, его занятия, его политическую приверженность, темперамент.

"Еще в университете, — писал автор, — нас связывала тесная дружба, узы которой стали как бы крепче и прочнее с того времени, когда, покинув стены университета, мы вступили в жизнь, надеясь завоевать в ней если не выдающееся, то более или менее прочное положение.

Прошел год со времени окончания университета, но никто из нашего кружка не мог похвастаться успехом: кто перебивался случайными заработками в редакциях местных газет, кто корпел в конторах светил адвокатуры..."

Судя по всему, автор рукописей стал газетчиком. Это подтверждали и черновики газетных статей, и социологические изыскания, рассыпанные в разных местах.

На всех рукописях стояла подпись: "Е. Ф. Подвысоцкий". На одной из статей, адресованных газете "Призыв" и озаглавленной "Святые угодники божий", в которой автор рассказывал о реакционной сущности религии, кроме подписи "Подвысоцкий" приписано внизу: "Литературный псевдоним "Платон".

— Поэт Платон! Да это тот самый человек, о котором нам рассказывал Михаил Артемович, — обрадованно произнес Олег, подавая товарищам листки.

Друзья согласились с ним. Прокопий Савельевич молча наблюдал, покуривая длинную трубку. Его, видно, тоже сильно заинтересовали документы, так долго лежавшие на чердаке.

— Кто знал? — несколько раз повторял он с некоторым смущением.

Беглый просмотр документов не дал никаких сведений, даже слабого намека об исчезнувшем полке. Егор взял папку, чтобы уложить в нее рукописи. Он почему-то несколько раз ощупал корки папки и сказал:

— Ребята, а тут в обложке папки что-то заклеено, толстое такое, пакет, наверно.

Даже Прокопия Савельевича слова Егора заставили встать и подойти к столу. Все с нетерпением ожидали, пока Егор ножом подрежет обложку. Потом с предосторожностями он извлек из кармана папки тетрадь в синей обложке. На ней написано знакомым почерком Подвысоцкого: "Сию запись передать в собственные руки товарища Константина. Здесь сообщение государственной важности". Слова "государственной важности" были подчеркнуты двумя жирными линиями.

Егор передал тетрадь Олегу, молчаливо признавая за ним это право. Тот, поправив очки, открыл тетрадь. На первой странице тонкой голубоватой бумаги черными чернилами написано: "Дневник". Ниже — "1920 год". В правом верхнем углу страницы — "Е. Ф. Подвысоцкий". Олег стал читать вслух. Начинаясь дневник с коротких записей, касающихся газетной практики его хозяина.

Но вот за страницей, сложенной треугольничком, торопливо бежали строчки:

"С этого дня я писарь сформированного партизанского Ульбинского полка, входящего в армию Амурской области.

Этому назначению предшествовали многие события и тяжкие испытания.

С большим трудом добрался я до Благовещенска. И снова оказался на берегу Амура, только в двух тысячах верст южнее старого многострадального Николаевска. Здесь, в Благовещенске, крепко удерживает власть народная Дальневосточная республика и всеми делами — военными, политическими, гражданскими — руководят большевики-ленинцы.

В штабе армии встретился с главнокомандующим Серышевым.

Тот, познакомившись со мной, предложил пойти в новый полк.

— Человек ты грамотный, проверенный, такие нам вот как нужны при нашей культурной отсталости, — говорил Серышев. — Будешь писарем, должность скромная, но ответственная. Заодно будешь просвещать бойцов по части политграмоты. Командиром полка назначен старый подпольщик

товарищ Антонов. Ты с ним поладишь. Есть в штабе бывшие офицеры, за ними следует поглядывать, так, на всякий случай...

26 июля. Наш полк уже несколько дней в походе. Движемся по направлению к Забайкалью, к Чите, где засели семеновцы, каппелевцы, японцы. Готовится решительный штурм и освобождение Читы. Японцы поумерили свой пыл. Стало известно, что 25 июля они начали эвакуацию своих частей из Читы.

Скоро, скоро мы победим!

А пока труд, труд, воинский тяжкий труд повседневный.

Полк наш остановился неподалеку от Амурской железной дороги. Видим эшелоны с войсками японцев, драпают на восток.

За неделю пребывания в полку постепенно познакомился с бойцами, командирами. Полк состоит целиком из добровольцев, как, впрочем, и вся Амурская армия. Здесь можно встретить горняков Сучана, золотоискателей, хлеборобов Приморья и Зейской долины, рабочих железной дороги, охотников.

Командир полка Антонов — рабочий хабаровского завода "Арсенал", закаленный большевик, настоящий солдат революции. Может, немного суховат, прямолинеен, но честный и чистый сердцем.

Комиссар полка совсем молодой парень, но имеет за плечами годы подпольной работы. Грамотен, гимназию кончал, сын машиниста из Никольск-Уссурийска. Народоармейцы любят своего комиссара и уважительно зовут Алесан Алесаныч, значит, Александр Александрович. Насколько спокоен командир полка, настолько горяч и порывист его молодой комиссар, пламенный оратор, прирожденный агитатор.

Работы полковому писарю много. Разные списки, отчеты, донесения, телеграммы... И все это делаешь, пристроившись где-нибудь возле зарядного ящика под открытым небом, благо лето стоит не особенно дождливое.

И часто приходится сталкиваться с работниками штаба — Ковалевым, бывшим прапорщиком царской армии, служил он на Западном фронте, и капитаном Ухтурским, флегматичным усатым мужчиной, видно, не очень-то преуспевшим в царской армии, но военное дело знающим.

1 августа. Недоверие к Ковалеву растет. Наши разведчики перехватили телеграммы, которыми обменялись Семенов и японское командование. Семенов, узнав об эвакуации японских войск из Читы и Сретенска, в панике просил приостановить отвод японцев. На это он получил ответ: "Японское императорское правительство не считает Вас достаточно сильным для того, чтобы Вы великую цель, которая японскому народу великую будущность обеспечивает, провести могли..."

Прочитав эти донесения, Ковалев сказал:

— Струсил, скотина Семенов. Погоди, намылят холку мерзавцу красные воины.

И сказал тоном, в котором не презрение к врагу, а скорее сожаление, что Семенов трусит. Не понравился мне этот тон. Не нравились холодные наглые глаза Ковалева, его постоянное хвастовство, что он, Ковалев, происходит из крестьянской семьи пермяков, первых переселенцев Приамурья.

Поделился своими подозрениями с комиссаром. Тот подумал, возразил:

— Дело-то свое человек выполняет ревностно. В бою за спины не прячется: бесстрашен. А глаза — что... По глазам-то, брат, как судить... Война не на жизнь, а на смерть, не располагает она к прекраснодушию, товарищ Подвысоцкий. Вот и ты — сын дворянина, а ведь тебе мы доверяем и, кажется, поступаем правильно. Глаза глазами, а ты по руке суди, как она беляков рубит, интервентов.

Трудно было возразить что-то на такое умозаключение. Пожалуй, и прав юный комиссар: излишне подозрителен я. Может, это от интеллигентности моей, недостаточной закалки?

Между прочим, комиссар заметил, заканчивая разговор:

— А присматривать за Ковалевым и Ухтурским надо. Бдительность — обязанность революционера.

2 октября. Долго не брал в руки дневника. Нет минуты свободного времени. Более месяца движемся на юг, к границе, восточнее Сретенска. Люди и кони измучены. У бойцов порвалась обувь, с питанием туго. В местных селах с трудом добываем картофель и муку. Многие казаки, жители этих сел, служат у Семенова. И холода наступают. Уже выпал первый снег.

Интересный разговор состоялся у меня с Ковалевым. Как-то спросил он меня:

— Вы дворянин?

— Да, отец мелкопоместный дворянин. Живет на Украине.

— В партии?

— Сочувствую большевикам, — отвечаю.

— Сочувствую... Н-да, все мы сочувствуем... — помолчал. — А голос крови? Как с этим делом?

"Проверяет мою лояльность", — обозлился я, но стерпел. Всем нутром чувствую неискренность, преднамеренность такой беседы. Словно прощупывает меня Ковалев и даже пытается завоевать мое доверие. Но к чему эти попытки?

4 октября. Наш полк идет по пятам отступающей части семеновцев. Те катятся к Шилке, обороняются вяло. Только усталость мешает нам одним ударом разбить врага, не успеваем нагонять. У них свежие кони.

Казаки отбирают у русского и бурятского населения всех годных лошадей, оставляя нам только конские трупы.

Снова меня тревожит Ковалев. Вот дался он мне! Вчера я подслушал краткий разговор Ковалева и Ухтурского. Оба стояли, не заметив меня, под прикрытием санитарной повозки, тихо перебрасывались фразами.

Голос Ковалева:

— Ну как, сделал, что я велел?

Голос Ухтурского вялый, безразличный.

— Все сделано. Наверно, уже получили. Зря, пожалуй...

Голос Ковалева, сдерживающего бешенство:

— Не воевать тебе, а в трактире сидеть.

— Надо кому-то и в трактире...

— Хватит разговоров! Я шутить не умею...

— Знаю.

— Вот и хорошо. Запомни все, что я говорил. Можешь идти.

Взволновал меня этот таинственный диалог. Но как сказать о нем командиру и комиссару? Да и ничего компрометирующего в диалоге нет. Подсознательное чувство опасности? Но это мистика, а нужны факты.

Так и оставил я попытку обратиться к командованию полка.

6 октября. Сегодня еще затемно полк на ногах. Все готовятся к решающему сражению с белоказаками. Командир и комиссар собрали в избе, где разместились полковой штаб, командиров рот и взводов. Оглядев собравшихся, командир, высокий, худой, в кожаной куртке, поднялся за столом, с раскрытой на нем картой.

— Сегодня мы нагоним противника, — сказал простуженным басом комполка. — Наши части уже окружают Читу, подходят силы и к Сретенску. Семеновцы откатываются к китайской и монгольской границам. Читинской пробке и белобандитам Семенова скоро конец.

Я знаколю вас, товарищи командиры, с планом сегодняшнего сражения...

Комполка подробно рассказал, как будет происходить бой. Командиры сверяли его указания по карте. Несколько оперативных советов дал военпек Ухтурский.

— Наш шанс — внезапность, — подчеркнул командир полка.

Согласно закивал головой комиссар. Я невольно бросил взгляд на Ковалева, молча сидевшего неподалеку. Мне показалось, что при слове внезапность по его хмурому лицу скользнула злобная улыбка. И я сразу же упрекнул себя в излишней мнительности. Просто человек несимпатичен мне, и все".

Следующая запись была помечена датой "12 января 1921 года". Почерк автора сильно изменился, буквы часто шли вкривь и вкось, рыжие чернила выщвели, и некоторые слова трудно было разобрать. Но каждая фраза свидетельствовала о большой драме, участником которой стал автор дневника, заставляла сжиматься сердце...

"Давно я не брал в руки дневника: бои, походы, ни минуты свободной. Но теперь у меня много времени, и я хочу подробно описать события минувших страшных недель моей жизни. Очень возможно, что этот дневник станет последней моей исповедью в этом мире. Да, да, я не тешу себя надеждой выкарабкаться из столь трудного, безвыходного положения. Но я обязан встретить приговор судьбы мужественно, как подобает солдату, и выполнить свой долг перед живыми и мертвыми товарищами, теми, кто был так вероломно предан, кто остался лежать в забайкальской степи...

По плану наш полк должен был начать окружение и разгром противника в полночь. Наступила темная октябрьская ночь. Бойцы напряженно всматривались в чернильную темь. Я сидел на тачанке с полковой казной, документами. Со мной два бойца — часовых. Облокотившись о повозку, покуривает носогрейку Ухтурский. Он что-то неразборчиво бормочет про себя. И вдруг небольшое селение, в котором мы стояли, и прилегающие к нему поля осветились ярким пламенем. Разом во многих местах запылал

стеной стоявший на берегах ручьев и проток Шилки высокий сухой вейник. Загорелись несколько хозяйственных построек на окраине села. Одновременно началась ружейная стрельба, затакал пулемет. И не понять: наши стреляют или противник. Послышались громкие слова команды, во все стороны бежали бойцы, стреляя на ходу. Кто-то истошным голосом закричал:

— Измена!

Мимо тачанки проскакали на конях комполка и комиссар. Они что-то кричали пробежавшим мимо бойцам, увлекая их за собой. Вслед им галопом мчался на монгольском коньке Ковалев, размахивая обнаженной шашкой.

— Началось... преждевременно... — пробормотал Ухтурский, неторопливо выбил трубку о колесо тачанки, грузно влез на своего рыжего мерина и затрусил в ту сторону, где скрылись из виду комполка и комиссар.

Мне было ясно: враг опередил нас, напав первым. Нестерпимо сидеть вот так, сложа руки, и смотреть, как бьются товарищи. Бежать к ним? Но помню строгий приказ комполка: ни при каких обстоятельствах не покидать полковые документы. И я сидел, сжимая до боли в пальцах холодное ложе винтовки. Бой шел быстро, ожесточенно. По огням выстрелов, по крикам сражающихся я стал догадываться, что наш полк теснит врага к реке. То там, то тут раздавалось грозное "ура" народоармейцев.

Мимо нас неслась во весь опор двуколка. Боец стоя размахивал вожжами, торопя взмыленных коней.

— Куда? — крикнул я.

— За патронами-и-и! — отозвался боец и, поравнявшись с нашей тачанкой, крикнул: — Комполка убило-о-о!

— Теперь комиссар за него, — промолвил один из часовых и вздохнул. Любили бойцы своего комполка. И вот его последний бой окончился...

Через несколько минут я увидел комиссара. Его фигура на стройном тонконогом коне четко вырисовывалась на багровом фоне пожарища. Рядом с комиссаром боец с развернутым полковым знаменем. Словно язык пламени, переливалось, трепетало на ветру знамя. Комиссар взмахнул саблей, указывая на врага, и вдруг в это мгновение сабля выпала из его руки, а сам он поник на шею коня. Свалился с лошади и знаменосец. И нет уже на огненном фоне полкового штандарта, пробитого пулями.

Неожиданно стоявший рядом часовой молча упал на землю, звякнула выпавшая из его рук винтовка. В эту же секунду вскрикнул второй часовой. С тихим стоном он схватился руками за грудь. Словно ломом ударило меня по ноге. Я понял: ранен, нас обстреливают. Наверно, наугад летят пули, ведь тачанка хорошо замаскирована в тени. Чувствую: в голенище сапога натекает теплая кровь. Тупая боль сверлит мозг. У тачанки внезапно вырос Ковалев. Задыхаясь от быстрого бега, он хрипел:

— Полковые документы... спасать... Гони, Подвысоцкий!

— Не могу, ранен...

— А, черт! — Ковалев вскочил на козлы, рванул вожжами. Четверка застоявшихся лошадей взяла с места в галоп. Сзади кто-то, громко сопя, влезал на тачанку.

— Ухтурский? — не оборачиваясь, бросил Ковалев.

— Я, — прохрипел тот, карабкаясь между тюков и ящиков.

Я словно провалился в яму.

Очнулся от резкой боли в ноге. Наверно, повернулся неловко. С трудом разлепил спекшиеся веки. Тусклый красноватый свет озарял бревенчатые стены зимовья. Из пазов торчали пряди мха. Перевел взгляд в сторону, увидел ярко пылающий камелек, стол с коптящим на нем жирником. За столом двое, заросшие бородами. Узнал: Ковалев и Ухтурский. Звякнула о металлическую кружку солдатская фляга, пахло остро чесноком и сивухой.

"Пьют... спирт пьют..." — устало подумал я. Лежу, не шевелясь, безразличный ко всему на свете. Слушаю, как сквозь сон.

— До нового года мы должны быть там, — нарушил молчание Ковалев, поднося кружку ко рту. Выпил, крикнул, мотая кудлатой башкой, потянулся к закуске.

— Ждут нас там, — иронически бросил Ухтурский.

— Это как понимать? — встрепенулся Ковалев.

— Пустая затея.

— А казна, а документы, а полковое знамя? Это тебе пустое все, да? — наклоняясь к собеседнику, почти прокричал Ковалев и стукнул по столешнице кулаком.

— Возьмут, все возьмут, а нас — в шею. Так-то, Ковалев, — злорадствовал Ухтурский.

— Что-то ты запел по-другому, — угрожающе начал Ковалев и вдруг резко переменяет тон на ласковый, вкрадчивый:

— Нас примут как дорогих гостей. Долго советы не продержатся, пойми ты, Ухтурский, потомственный дворянин. Семеновские полки еще имеют силы. А японцы? Им нужен только повод, оправдание активной помощи истинно русским. Наше место там, за границей, в Харбине, Ухтурский!

— Устал я, зверски устал. Не хочу...

— То есть?

— Никуда я не пойду. Баста! Раз предал, хватит!

— Ты, офицер, говоришь о предательстве? Ты серьезно? — встал Ковалев, упираясь головой в бревенчатый потолок зимовья.

— Вполне.

— Так, понятно...

— Ты можешь идти, — торопливо, словно боясь, что его могут перебить, заговорил Ухтурский. — Оставь мне половину денег, ну, не половину, часть какую, чтобы первое время обернуться. Иди, Ковалев, ты молод. Оставь меня в покое.

— Не помилуют тебя, Ухтурский.

— Еще будет видно. Да и лучше пасть от русской пули, чем гнить где-то в гаоляновом поле. Гаолян... Он мне во сне мерещится... Я ведь всю японскую воевал...

— Пуля есть пуля... — заметил Ковалев.

— Не скажи... А комиссара жаль, — продолжал Ухтурский. Поднял руку, сжал кулак. — Вот эта рука немало погубила душ, а комиссара — зря. Слав-

ный малый. У меня сын в германскую такой же погиб.

— Эк тебя! Пей меньше, — грубо оборвал Ковалев. — Спирт в тебе говорит. Вставай, за дровами пойдем.

— Пристрелить хочешь, волчья душа?

— Не болтай, пошли.

В зимовье вернулся один Ковалев. Он бросил охапку дров перед гаснущим камельком, сел к столу, налил дрожащей рукой спирт. От Ковалева пахло пороховым дымом, расстегнута кобура нагана. Я шевельнулся, боль заставила меня застонать. Ковалев быстро обернулся на стон, испытующе заглянул мне в глаза.

— Опамятовался? — сказал он. — А я думал: конец тебе. Живуч!

— Где он? — еле выговорил я слова.

— Ухтурский? Ушел, — недобро усмехнулся Ковалев. — Вольному воля, спасенному рай. Да и на тебя я зря надеялся, готов ты, — с непонятым сожалением проговорил он.

— На меня?.. — я даже привстал, преодолевая боль.

— Да, баринок, на тебя. Сын дворянина, университет закончил. Ну что такому народ? Ха, народ! — Ковалев махнул рукой. — Хотел я тебя взять с собой за кордон. Языки знаешь, обхождение всякое. Все это мне годилось бы. Потому и тащил тебя в такую даль.

— А если бы не согласился?

— Согласился бы, — уверенно произнес Ковалев. Он поднял тяжелый сундук, поставил на стол, открыл крышку. — Показал бы вот все это, и ты согласился бы.

Я промолчал, сознавая, что возражать бесполезно, да еще в моем бедственном положении полутрула.

— Вот мои шансы на хорошую жизнь, — сказал Ковалев, кидая на стол два кожаных мешка. Развязал один, выгреб пригоршню золотых монет: казна полка.— И вот, — выхватил он из сундука красный сверток. Шелестя, ткань развернулась: заблестели вышитые золотом буквы "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" Полковое знамя! Я вспомнил, как в Благовещенске жены портовых рабочих вышивали это знамя. Потом в Народном доме вручали бойцам и наказывали свято хранить его честь, бить врагов революции нещадно и до окончательной победы. Только сейчас я узнал, какой тяжкий удар нанес враг нашему отважному полку. Бесчестие полку красных народоармейцев! Что еще подлее мог выдумать враг! Броситься на Ковалева, задушить его руками, защитить грудью почетный полковой штандарт. Где там! Лежу, как бревно, еле произношу слова.

— Как... знамя?.. - простонал я.

— Как ко мне попало? Очень просто: комиссара и знаменосца... — Ковалев выразительно показал пальцами выстрел из револьвера.

— Подло... — выдохнул я с ненавистью.

— С какой стороны смотреть, — спокойно произнес Ковалев, наливая спирт в кружку. — Каждый спасает свою шкуру, как может. Это точно!

Он подошел к кровати, отбросил тулуп, закрывающий мне ноги, и спросил с некоторой долей участливости:

— Как нога, Подвысоцкий? — осмотрел побагровевшую и распухшую

мою ногу и присвистнул:

— Дело твое швах, баринок. Никакой доктор теперь не вылечит. Так вот: сегодня я ухожу. Сейчас придет проводник — и айда в тайгу, к китайской границе! Не судьба, значит, нам с тобой по улицам Харбина гулять. Приспособлюсь как-нибудь. Меня сам Семенов знает, я ведь в красный полк по его заданию проник. Доверчивы эти красные, и потому не удержатся они долго. Попомни мое слово. Коли жив останешься, что мало вероятно...

Захмелевший, он долго болтал, мучая меня грязной своей исповедью. Он мечтал о соединениях, которыми командовать будет, о власти, коей он станет обладать, когда вернется из-за кордона под гром пушек. Он словно бредил, внушая себе уверенность. Но в речи его сквозил все-таки страх перед будущим...

Наконец, пришел проводник, пожилой нанаец в собачьей дохе, малахае, с длинноствольным ружьем за плечами. Он украдкой взглянул на меня, на стол, заваленный объедками.

— Олешек достал? — икая, спросил Ковалев.

— Есть олешки, капитан. Однако ехать надо, пурга начинается, — проговорил проводник. — Успеть надо до тунгусского стана.

Через полчаса Ковалев собрался в дорогу. Перед уходом он приблизился к кровати, пошатываясь, долго смотрел на меня красными от спирта глазами, потом махнул проводнику рукой:

— Пошли. Этот пусть остается.

— Умрет один, однако, — заметил проводник.

— Туда ему и. дорога, — Ковалев грубо выругался. — Неженка...

И вот со скрипом закрылась дверь за ушедшими, и в зимовье наступила гробовая тишина. Только потрескивали догорающие дрова в камельке, да с улицы доносился вой разыгрывающейся пурги...

Я лихорадочно перебирал всевозможные варианты спасения, но тут же решительно отвергал их. Тибель моя неизбежна. И обидно, что никто не узнает о моей участи, что оставшиеся в живых полковые товарищи будут считать меня предателем. Сознание полного бессилия мучило, терзало мое сердце.

И здесь мне пришла простая мысль: написать обо всем случившемся. Люди найдут мой дневник и установят истину, и разыщут потом предателя Ковалева, похитившего честь полка — его знамя. А чем писать, на чем? Меня даже в жар бросило от мысли, что все мои бумаги уничтожены Ковалевым и нет пера и чернил. Все это лежало в солдатском японском ранце и всегда находилось при мне. Преодолевая боль, я сполз с нар и стал обшаривать зимовье. К великой моей радости, ранец оказался в изголовье. И все записи целы, и начатый дневник... На месте оказались походная чернильница, ручка с пером. Лишь бы хватило пищи и тепла, жира для светильника. Нашел немного крупы, соленой рыбы. И жир оказался в консервной банке. На несколько суток хватит запасов. Сожгу стол, чурбаки, заменяющие стулья, нары, — проживу...

Не откладывая, приступил к дневнику, стараясь как можно точнее и полнее записать все самое главное и немногословно. Ни одна деталь не

должна быть упущена. Это очень важно.

Не знаю, сколько прошло времени: сутки, двое, трое... Смены дня и ночи я не замечал. Сквозь пузырь, заменяющий в окошке стекло, почти не пробивался свет. Я писал и писал...

Глухой стук в дверь вывел меня из дремоты. Очнулся за столом, возле самого лица коптел жирник. Стук повторился. Я понимал, что не разрешения войти спрашивал незнакомый гость: в тайге входят без стука. Наверно, дверь примерзла к косякам, и незнакомец пытается ее открыть. Наконец дверь распахнулась, и в клубах морозного пара показалась фигура проводника Ковалева. "Вернулся, чтобы убить меня", — подумал я без страха. Проводник приблизился к столу, положил на него огромный кусок мороженой оленины.

— Мало-мало кормись, — глухо сказал он.

Я смотрел на него во все глаза. Проводник понял мое душевное состояние.

— Бойся не надо. Капитана Ковалева нет. Он там, в тайге, ждет меня.

— Ковалев тебя послал?

— Нет, — отрицательно затряс головой проводник. — Сам шел. Жалко, молодой ты, с голоду пропадешь. Жалко.

Я обрадовался, решив, что проводник оставил Ковалева в тайге и пришел, чтобы выручить меня из беды. Но выяснилось, что это не так. Нанаец, решив мне помочь тайно от Ковалева, повел его по долине реки, гигантской петлей текущей возле зимовья. И вышло так, что шли более суток, а от зимовья находились всего в двух часах хорошей ходьбы. Оставив Ковалева отдыхать, проводник и принес мне мясо.

— Я немного хитрый, — впервые улыбнулся нанаец. — Он спи, я ходи мало-мало.

Я стал убеждать проводника бросить Ковалева, потому что он плохой человек, Ковалев, страшный.

— Савелий никого не обманывай, — покачал головой проводник. — Ковалев его давно-давно лечить возил, когда он с семьей был больной. Отец Ковалева, купец, много в долг давал Савелию. Платить надо. Закон такой.

Я понял, что проводник находится под полным влиянием Ковалева. Меня залихорадило, и я безучастно подумал, что и этот шанс спастись исчезает. А проводник уже застегивал доху, готовясь в обратный путь.

— Ты не бойся, — сказал он. — Я к тебе брата пришлю, скоро. Он отвезет тебя в Бочкарево. Савелий никого не обманывай.

— Но там белые! — воскликнул я.

— Нет белые. Чита у красных, Бочкарево тоже, — сообщил Савелий.

Это известие обрадовало меня. Проводник попрощался, еще раз заверил, что брат придет за мной на зимовье, и ушел.

Приход проводника приободрил меня. И боль в ноге вроде стала потише. Я торопился подробнее изложить на бумаге предательство Ковалева, описал его приметы, приметы проводника. Это на случай, если я умру и рукопись останется лежать в зимовье. На дневнике проставил адрес человека в Дальревком, который хорошо знает меня и обязательно поверит

моему сообщению.

...Очнулся от холода. Не помню, сколько часов длился обморок. Пар шел клубами изо рта. В камельке ни искорки. Еле зажег потухший жирник. Теперь конец...

...Кто-то тряс меня за плечи.

— Лоча! — кричал на ухо тоненьким голосом человек. — Проснись, лоча!

Открыл глаза. Возле меня стоял нанаец в лосиной куртке, гладкой лосиной шапочке. В камельке весело потрескивали дрова, и приятно пахло дымком.

— Я брат Савелия, Никифор. За тобой, однако, пришел. Ехать быстро надо, — говорил гость, обрадовавшись моему пробуждению. Я шевельнул больной ногой, острая боль заставила меня вскрикнуть.

— Не могу ехать, здесь умру, — прошептал я. — Вот, возьми эти бумаги, передай или сам, или через Савелия в Дальревком, товарищу Константину.

— Зачем так говори! — всполошился нанаец. — На нарты положу, на собаках быстро везу. Лечить станут тебя. К красным увезу. Чай пей, — поднес он к моим губам кружку горячего, терпко пахнувшего кирпичного чая.

Я сделал последние записи в дневнике, уложил его в карман на обложке папки, заклеил смолой. Вдруг бумаги попадут Ковалеву? А Никифору сказал, чтобы Савелий при передаче в Дальревком упомянул об этом тайнике. Никифор утвердительно качнул головой. Он настоял-таки, чтобы я ехал. Я дописал вот эти строки и сейчас уеду из зимовья. Но вряд ли славный старик довезет меня живого до своих. Знаю, у меня гангрена и в стадии уже совсем опасной. А я повидал, как погибают люди от гангрены..."

Буквы в последних фразах лезли одна на другую, шли вкривь и вкось. Видно было, что писал их тяжело заболевший человек, теряющий последние силы.

— Конец, — сказал Олег, дочитав последнюю страницу дневника, ' Все молчали, переживая мысленно трагедию, разыгравшуюся полвека назад в глухой заснеженной тайге.

— Как вы думаете, удалось спастись Подвысоцкому? — спросила Вера.

— Вряд ли, — предположил Егор. — Он, наверно, давно бы повторил свой рассказ. Побывал в Дальревкоме сам.

— Но почему Савелий не исполнил просьбу автора? — размышляла Вера. — И в дневнике подчеркнута честность Савелия.

— Отец крепко держал слово, — взволнованно произнес Прокопий. — Как вышло, придумать не могу. Почему не отвез — не знаю.

— А я догадываюсь, — многозначительно сказал Олег. И по его лицу, торжествующему и чуть лукавому, ребята поняли: напал на след их товарищ.

— О чем догадываешься? — нетерпеливо спросил Костя.

— Читайте эту резолюцию, — протянул Олег титульный лист одной из пьес Подвысоцкого. На нем размашисто начертано:

"Рукописи подателю их гражданину Самару Савелию возвратить. Литературные занятия Подвысоцкого ценности не представляют. Товарищ Константин, коему они адресованы, погиб под Спасском в 1922 году. На-

чальник канцелярии Иванов".

Савелий, вероятно, не знал или забыл о тайнике в обложке папки. Не знал он и о дневнике. Он честно выполнил поручение Подвысоцкого, и совесть его была чиста. Человек, воспитанный на уважении к слову своему, к просьбе другого человека, он не смог оставить рукопись на произвол судьбы. Он забрал ее с собой и хранил, может быть, надеясь, что владелец когда-нибудь потребует их. Стало быть, Подвысоцкий остался жив, или так предполагал Савелий, или предполагал, что у Подвысоцкого окажутся наследники.

Такой вывод сделали наши юные историки. И Прокопий согласился с ними. Согласился и Новицкий,

— Отец крепко держал слово, — с гордостью и облегчением сказал Прокопий.

Олег начал складывать бумаги в берестяной короб, ко Прокопий остановил его:

— Возьмите бумаги себе. В музей отдайте.

Бумаги были уложены в рюкзак Олега.

Много нового узнали из рукописей юные друзья. Но нить по-прежнему оставалась тонкой паутинкой, готовой снова порваться. Теперь они знают точно, что где-то в тайге лежит в земле сундук с драгоценным полковым знаменем. И, может быть, никто его больше не увидит. Злобный враг, похитивший честь полка, и спустя полвека торжествует. Сознание беспомощности угнетало ребят. Невесел был Прокопий, покудивавший свою трубку, невесел был и Новицкий.

19. ЗНАМЯ ПОЛКА

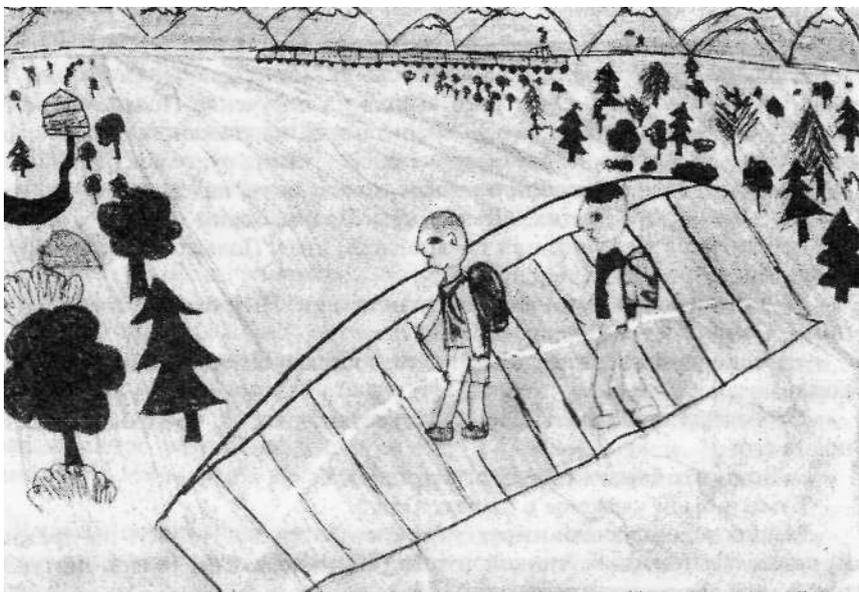
Вертолет уже прилетел в поселок имени Полины Осипенко, и наши друзья поторапливались, собирая наспех вещи и заталкивая кое-как в рюкзаки. Через час отправление. Прокопий и его жена пошли провожать гостей. По дороге Прокопий с таинственным видом вытащил из-за пазухи завернутый в тряпку сверток и подал его Олегу.

— Нашел все-таки я того бурхана с рисунками, — сказал старый охотник. — Сегодня рылся в кладовке и отыскал в самом углу. Их три было таких бурхана, один остался.

Олег на ходу развернул божка и увидел четко вырезанный чертеж на плоской спине идола.

— Александр Николаевич! — догнал он Новицкого. — Смотрите, нашелся!

Усевшись на траве неподалеку от вертолета, следопыты стали рассматривать божка. Олег достал чертеж, найденный в пещере. Сравнили. Да, это повторение одного и того же чертежа. Но теперь он был полным, таким, как изобразил его автор. Появились новые змейки рек, овалы, яснее очертания эллипса с буквой "А" посередине. Новицкий развернул карту и долго прикидывал, не сойдется ли чертеж с какой-либо местностью. За этим занятием и застал их бородастый Эдик, притащивший к вертолету объеми-

стый ящик,

— Салют, путешественники! — весело приветствовал молодой геолог. — Я что говорил? Я говорил, что тесна наша планета Земля! Вот опять мы встретились. Ну, рассказывайте, какие чудеса видели вы на легендарной Амгуни?

Ребята и Новицкий были рады встрече с веселым геологом. И даже Егор не чувствовал сейчас к нему неприязни. Пришлось Егору поведать о своих странствованиях по тайге.

— Бывает, — сочувственно покачивал головой Эдик. — Я однажды попал в такую передрыгу, и теперь дрожь берет. Шел с товарищем через перевал, снег посыпал первый, в октябре было дело, пурга разыгралась. До поселка километров пять брели в сплошном снежном месиве, плыли, можно сказать. Прощались с белым светом. Тайга!

Ты, Егор, говоришь, вертолет видел? Трагическая штука получается, друг. Ведь это наш вертолет летел. Мы возвращались из партии, которая Дуссе-Алинь исследует. Не видели тебя, друг, опустились бы.

Заинтересовали Эдика поиски следов полка. Он попросил показать таинственный чертеж, найденный в пещере, бурхана. Эдик досадливо отмахивался от товарищей, звавших его догружать в вертолет ящики.

— Пробовали сверить чертеж по карте? — спросил геолог Новицкого.

— Пытались, — вздохнул старик. — Нигде не стыкуется. Чертеж какой-то произвольный. Абракадабра!

— Произвольный, говорите? — Эдик вынул из планшетки свою карту. — Произвольный, произвольный, — повторял он про себя, расстелив карту на траве. — А ведь, кажется, чертежик-то — часть местности в районе Солнечного, причем изображено довольно точно. Автор чертежа наверняка знал

те места как свои пять пальцев.

— Позволь, - удивился Новицкий, - где ты нашел совпадение?

— Не сердитесь, милейший Александр Николаевич, — улыбнулся Эдик.

— Ваша карта и моя карта похожи друг на друга как птоломеевская космогония и современное представление о солнечной системе. В нашей карте имеются существенные поправки. Вот, смотрите, овал с буквой "А". Это озеро Амут. Оно обнаружено недавно геологами во время поисков олова. У нас, кстати, там сейчас работает Амутинская партия. Смотрите, смотрите, сходятся линии, тамошних рек. Здесь пещера... — молодой геолог радовался своему открытию не меньше следопытов.

— Но это еще не все, друзья, — продолжал Эдик. — По рассказам судя, Ковалев жил где-то в верховьях Силинки? Так вот, весной один из моих товарищей напал в тайге на заброшенное зимовье. Изба завалена хламом, он только взглянул в открытую дверь, заметил под окном поржавевшую ножную швейную машину, ящики, поломанную деревянную кровать. Товарищ торопился, поэтому не стал задерживаться у зимовья, надеясь вернуться, чтобы исследовать основательно. А почему бы в нем не жить Ковалеву?

Действительно, почему бы?

Теперь и Новицкий поверил в версию, предложенную Эдиком. Вместе с геологом они продолжили сверку чертежа и карты. Все больше находили совпадений.

— А что может обозначать "лис..а", — спросил Олег. — На бурхане также не доставало нескольких букв.

— Их не дописал автор, — предположил геолог. — И слово это вполне может обозначать "лиственница".

Ребята восхищенно глядели на геолога. С какой легкостью расшифровывает он таинственный чертеж.

— А "50 с"?

— Вероятно, пятьдесят сажен, — пояснил геолог.— В те годы в ходу были сажень, фут, аршин... Метрическую систему ввели в двадцатых годах.

Олег позавидовал логике геолога, за которой чувствовался жизненный опыт и живое воображение.

— По всему выходит, что ваш чудесный сундук и знамя надо искать у озера Амут, возле Солнечного, — заключил Эдик, похлопав ладонью по карте.

— Мы были почти рядом...

— Дело поправимое. От Солнечного до Амута рукой подать, — сказал Эдик. — Зимовье известно где находится. Все просто. Сегодня же в Солнечном будем.

— Как сегодня?

— Ведь мы в город летим?

— Мне надо побывать в Амутинской изыскательной партии. Там сделайте остановку. От Амута до Солнечного дойдете пешком, всего десять километров, дальше на автобусе, — изложил геолог тут же возникший план. И так у него все быстро получается.

— Если бы знали... — начал Олег.

— То не повидали бы Амгуни, — подхватила Вера.

"А я не узнал бы, что обо мне беспокоилась, — подумал Егор. — Не увидел бы вершины Дуссе-Алиня и не пережил бы тревог одиночества в тайге". Всего этого не хватало бы Егору.

Новицкий категорически запротестовал против плана геолога.

— Я с ними идти не смогу, — показал он на больную ногу. — А одних пускать никогда не решусь. Меня инфаркт хватит, милый мой. Нет уж, доставлю сих юнцов и передам из рук в руки родителям.

Ребята притихли. Эдик заговорщически подмигнул ям, жестом показывая, что им бы неплохо оставить его со стариком наедине. Ребята отошли. Геолог долго убеждал Новицкого. Потом поманил следопытов.

— При Александре Николаевиче торжественно заявляю, что беру вас на поруки, под личную ответственность, слышите? Будете у меня на поводке, как болонки. В город возвратимся вместе.

Ребята шумно выразили свою признательность геологу и поклялись слушаться.

...Вертолет опустился на каменистую площадку в ущелье. Рассеянно слушая напутственные слова Новицкого, следопыты высадились из машины вслед за геологом. Мотор набрал обороты, винтокрылая птица взмыла в небо и скоро пропала из виду. В тайге стало тихо. Взвалив рюкзаки на плечи, наши друзья зашагали по каменистой дороге за геологом, по-журавлиному ставящим длинные ноги.

— Дорога проложена в прошлом году, — рассказывал он. — Сейчас мы выйдем к самому озеру. Олег, можешь приготовить фотоаппарат. Тут такие места! Куда там Швейцарии с ее пронумерованными горами и подстриженными лесами. Вот, смотрите!

За утесом, нависающим над дорогой, во всей красе открылось горное озеро Амут. Крутые лесистые берега надежно укрывали озеро от ветров. Оно похоже на зеркало, вправленное в серо-зеленую раму. Скалы отражались в спокойной прозрачной воде, темной от большой глубины. Геолог сообщил, что в отдельных местах глубина достигает 300 метров. Объяснил он и происхождение озера: в ущелье протекает ручей, впадающий в Силинку; много тысяч лет назад здесь произошел обвал, перегородил ущелье, и образовалось великолепное озеро.

К берегу причален плот. Ребята уговорили геолога совершить небольшую прогулку на плоту. Видели дно у берегов, мелькающие темные спинки рыб. Пожалели, что не оказалось под рукой рыболовных снастей. Потом развели костер на берегу и пили чай.

Временный поселок разведчиков месторождения олова оказался близко от Амута. Ребятам не терпелось отправиться к таинственному зимовью, которое, по словам обитателей поселка, находилось всего в десяти километрах. Но в тот день пришлось отложить поход. Ждали возвращения человека, нашедшего избушку, чтобы уточнить туда путь. Утром следопыты шли к зимовью, едва поспевая за Эдиком. Привычной походкой таежника тот легко, взбирался на сопки, пробирался сквозь заросли. В одном месте перешли вброд Силинку.

— Отсюда уже недалеко, ~ сказал Эдик. — Не очень устали? Там пере-

дохнем.

В узком ущелье, косо выходящем к течению неширокой в этом месте Силишки, высохший ручей. Дно его плотно покрыто каменными плитками, словно кто построил руками эту тропку. По ней уверенно и зашагал Эдик. Дальше ущелье несколько расширилось. Здесь зеленели высокие пирамиды пихт, было сумрачно, пахло мхами и сыростью. Вода сочилась из расщелин, стояла в неровностях почвы, чмокала под ногами. Пихтач несколько расступился, и путники очутились перед приземистой избушкой, срубленной из толстых в обхват бревен. Тесовая крыша прохудилась, возле конька из самой крыши в пролом высунулась вершина молодой березки. Чуть подалее две полуземлянки, остатки изгороди, куча угольно-черных колотых лиственничных дров. В оконцах — осколки стекол, дверь раскрыта, висит на одной петле.

Ребята остановились. Холодок пробежал по их спинам. Здесь, в этой избушке, жил страшный враг. Кажется, он сидит в засаде, вон за тем куском боярышника...

— Таков замок, обнаруженный вашим гидом, друзья!— весело проговорил Эдик, сбрасывая рюкзак.— Ну, вы пока исследуйте приют контрабандиста-золотоискателя, а я половлю хариуса. Мой наметанный глаз обнаружил острогу. Я ею неплохо управляюсь, меня нанайцы обучили.

Эдик взял прислоненную к избе острогу и, посвистывая, стал спускаться по ущелью к реке.

Егор первым шагнул в открытую дверь. В зимовье все покрыто толстым слоем рыжей пыли. Белел ствол березы у окна. Семя, занесенное сюда ветром, проросло" деревце прошло через отверстие в потолке и крыше. В зимовье большая печь, сложенная из дикого камня, стол из грубо отесанных плах, скамьи вдоль стен, шкаф для посуды. У печи над ушатом глиняный рукомойник на цепочке. Голая деревянная кровать. Ребята занялись изучением избы. Верно, в углу за печью стояла поржавленная зингеровская ножная машина. Вера нашла в ящике детские башмачки из истлевшей кожи. Понемногу на столе росла куча вещей. Олег откопал в углу, в мусоре, офицерскую фуражку, один погон, черные металлические пуговицы с двуглавым орлом, пряжку от офицерского ремня, темляк шашки. Смешная деревянная кукла с выжженными на плоском личике глазами-дырочками, ротом. Кто-то делал эту куклу. Может, сам Ковалев, а может, Настя, мать ребятишек? Жалкие остатки чужого бытия. С большой предосторожностью Олег развернул обрывок газеты, найденный в ящике стола. На нем сохранилась дата "12 декабря 1932 года". Неужели десять долгих лет жил здесь Ковалев, обрекая на звериное существование жену и малолетних детей? Какая же должна быть в душе этого человека ненависть к людям, к переменам в стране. Что питало эту ненависть долгие годы, на что надеялся Ковалев?

В подполье нашли два свертка. Похоже, что в просмоленную мешковину укутали две сушеные рыбины. Затвердевшая от времени смола с трудом поддавалась перочинному ножу. Наконец смоляная мумия разрезана, на стол вывалились два винтовочных обрезка. Впервые ребята увидели обрезки,

о которых слышали на уроках истории. Из таких вот обрубков оружия кулаки стреляли в селькоров темной ночью, убивали активистов. Этим оружием пользовался и Ковалев.

Дуло винтовки обрезано у самого почти казенника. Приклад стесан так, что его можно забрать в ладонь. Такой обрез легко спрятать за борт пальто. Оружие врага! Довольно хорошо сохранилось оно. Со знанием дела прятал обрезы Ковалев. В свертке лежало и несколько обойм патронов с острыми головками пуль.

— Ну как дела, юные археологи? — крикнул Эдик, входя в зимовье. На ивовом кукане он нес несколько хариусов. — Будем с ухой, ребята! С божественной ухой. Э-э! Да вы целый арсенал обнаружили. Знакомые вещички.

— А стрелять можно? — с загоревшимися глазами спросил Эдика Костя.

Тот повертел обрез и авторитетно заявил:

— Вполне пригодное оружие.

Эдик ловко вогнал в магазин обойму, дослал пятый патрон в казенник и подан Косте;

— Валяй, пали. Нет, постой-ка, сначала я. Оружие-то, черт его знает... Отойдите подальше на всякий случай.

Эдик поднял руку и выстрелил в небо. Эхо прокатилось по ущелью.

— Салют состоялся, — балагурил Эдик. — Теперь можете и вы попробовать.

Все сделали по выстрелу. Обрез сильно отдавал в руку. Дали обрез и Вере. Закрыв глаза, она нажала курок. Пуля сорвала веточку лиственницы, и та, кружась, упала к ногам девочки.

— Первая дичь нашей амазонки, — шутил Эдик, с поклоном подавая Вере ее "добычу". Вера покраснела от удовольствия, победно поглядывая на друзей.

— Какие же итоги ваших изысканий в этом вертепе? — осведомился Эдик, когда была съедена вкуснейшая уха, приготовленная по "особому" рецепту.

— Мало утешительного, — ответил за всех Олег. — Думаем, что в зимовье жил Ковалев — и все.

— Немного, — резюмировал Эдик. — А может, и не жил?

— Но больше ему негде было жить, — возразил Егор.

— Неубедительно, — задумчиво ответил Эдик. — Ненаучно, как сказал бы наш главный геолог. Нужны факты, друга мои, а не предположения.

Прав Эдик: нужны факты.

— И что вы намерены сейчас делать? — не унимался геолог.

— Не знаем, — промолвил Олег. — Какую-нибудь зацепочку бы найти.

— Зацепочка, положим, есть, — подхватил Эдик. — Тут, конечно, жил человек семейный, раз нашлись машина швейная, предметы быта, так сказать, горшки, ухваты. О том, что здесь были и дети, свидетельствуют детские башмачки. Вам же нужен сундук, насколько я осведомлен в ваших планах. Угадал? Так давайте искать сундук, время идет. У вас есть карта местности, шифрованные чертежи, солидные таинственные документы прошлого?

— Карты нет, — пробормотал Олег. — Чертеж есть.

— В тайге без карты что-то искать — бесполезное занятие, друзья мои, — с иронической назидательностью сказал Эдик. — Я это предугадал, и потому карта у меня имеется. ~ Эдик похлопал по выдавшей виды кожаной планшетке. — Давай-ка чертеж. Ого! Интересно. Жаль, не пергамент, пергамент был бы куда романтичнее, — балагурил Эдик. — Полезем вон на эту сопочку и станем обозревать местность, ориентироваться, так сказать.

С сопки, намеченной Эдиком, далеко видно. Там, на северо-востоке, темнела усеченная пирамида горы, на вершине которой голубело озеро Амут. Сопка казалась совсем близкой. По всему горизонту шла гряда вершин отрогов хребта Мяо-Чана.

— По чертежу можно понять, что сундук зарыт между Силинкой и Амутом, — пояснял Олег. — Ориентиром должна служить лиственница.

— Н-да, примета верная, ничего не скажешь, — иронически усмехнулся Эдик. — Посмотрите, много ли здесь лиственниц?

Тайга между рекой и озером сплошь лиственничная. Попробуй найти ту, которую много лет облюбовал Ковалев, таща хоронить бесценный свой сундук.

— Но не отчаивайтесь, ребята, — помучив растерянных наших следопытов, нарушил молчание Эдик. — Ковалев, если такой был именно в этих местах, выбирал особо заметную лиственницу, чтобы никак не спутать ее со стандартными сестрами. Давайте с такой точки зрения и рассматривать тайгу,

Долго разглядывали лес, сверялись с картой, линиями чертежа. И наконец, по совету Эдика, остановились на лиственнице, росшей особняком на голой скале. Дерево изрядно потрепало ветрами, ствол его причудливо изогнут, закручен в спираль, корявые ветви, казалось, хотели уцепиться за небо, чтобы не рухнуть к подножию негостеприимной скалы.

— Эта подойдет, — сказал Эдик, — До скалы километра два будет, не больше.

Залили водой костер. Эдик раздобыл в куче хлама возле зимовья подобию мотыги. Уложили в рюкзаки обрезы, намереваясь сдать их в краеведческий музей. Олег сфотографирован всю группу на фоне зимовья. Еще раз все посмотрели на угрюмое убежище, на зияющие провалы окон. Вера испытала неприятное ощущение страха. Вот-вот выглянет из окна бледное перекошенное лицо с белыми от ярости глазами и раздастся крик: "Стой!" Но зимовье молчало. Мощеная дорожка ручья вывела ребят на речку. По этой дорожке когда-то ходила за водой сумрачная Настя, бегали ребяташки... по-звериному сторожко проходил Ковалев...

У подножия одинокой скалы, разделявшей Силинку на два потока, посоветовались. Эдик с Егором взобрались на вершину, внимательно осмотрели ствол изуродованной ветрами лиственницы, безуспешно отыскивая какие-нибудь пометки.

— Судя по чертежу, надо отмерить пятьдесят сажен строго на север. Офицер Ковалев и топографию, конечно, знал неплохо. У него отметка на север указывает, — рассуждал Эдик. — Следовательно, если пятьдесят сажен, то в метрах это будет... Сколько, по-твоему? — обратился он к Егору.

Тот замялся.

— Понятно, ты не знаешь. Я же — приблизительно. Думаю, метров сто. Глазомер у меня точный. Видишь коробок спичечный? Мы прикидываем его на глаз вот так и определяем место вон возле того уступа. Эй, ребята! — крикнул он оставшимся внизу. — Прихватите мотыгу и лезьте к уступу, мы сейчас спустимся.

Уступ козырьком нависал над террасой, образуя нишу. Отверстие ниши завалено обломками камня. Ребята стали разгребать камни, которые с глухим стуком долго катились к подножию скалы и плюхались в воду. Егор с Эдиком выворотили большую глыбу, в глубине ниши что-то чернело. Расширили отверстие, и все увидели черный ящик. Ребята не поверили своим глазам.

— Он, ваш таинственный сундук! — весело воскликнул геолог. — Ну, повезло, ребята, нам. Давайте-ка я его выгашу на свет божий. Вот так. Олег, помогай, тяжел, чертяка!

— Но ведь сундук, по рассказам, окован железом... — усомнился Олег, отирая вспотевший лоб.

— А ты приглядишься, и тут железные полосы проглядываются, — указал геолог. — Просто хозяин, вернее, укравший сундук человек, выпачкал изрядно сундучок смолой. Точь-в-точь, как поступил с огнестрельным своим оружием. Рассуждая логически, это именно тот сундук. Согласитесь, друга, что здесь не такое уж место, чтобы еще найти какой-либо подобный клад. Но споры в сторону, давайте вскрыем ларь.

Геолог легко сбил камнем проржавленный висячий замок. А с крышкой пришлось повозиться, так приклеилась она к сундуку. Наконец и она поддалась, сундук открылся...

От волнения Олег даже закрыл глаза, а когда открыл, то увидел, что Эдик хочет сорвать темную холщовую тряпку, закрывающую содержимое сундука. Олег вскрикнул:

— Не трожь, ты все испортишь!

— А именно?

— Вещи могут рассыпаться в прах. Я читал где-то, что археологи губили ценные находки поспешностью. Ведь сундук пролежал здесь десятки лет.

— Уступаю науке, — согласился Эдик, отодвигаясь в сторону.

Теперь разборкой содержимого, сундука занялся Олег. Снял полотно, аккуратно положил на землю. Под тряпкой оказались сложенные карты. Вились ниточки рек и дорог, пестрели цифры высот, указывали населенные пункты редкие квадратики... Карт двух— и трехверсток оказалось несколько десятков. И на всех в южной части темной толстой артерией вился Амур.

— С расчетом подбирались карты, — сказал Эдик, с любопытством рассматривая помятые, захватанные руками листы. — Все пограничные места...

На картах жирные красные и синие стрелы, зубчатки окопов и укреплений, торопливо и размашисто нанесены линии рукой командира или штабиста, знаки предстоящих сражений, боевых походов и долговременных укреплений.

За картами шел слой плотно спрессованных бумаг. Ребята не пытались сейчас читать их. Но на одной тетрадке знакомым почерком Подвысоцкого написано: "Личный состав Ульбинского полка"... Какие-то справки, донесения, рапорты... В левом углу сундука оказался кожаный мешок.

— Золото! — в один голос вскрикнули Эдик и Костя. Олег развязал мешок, и на холстину с жирным шелестом высыпались золотые монеты с изображением царя Николая II. "1909 год" стояла дата на монетах. Эдик, взял мешок на ладонь, покачал и сказал:

— Килограммов пять-шесть будет.

— По описаниям Подвысоцкого, Ковалев похитил два мешочка таких монет, — припомнил Олег.

— Стало быть, куда-то поизрасходовал офицеришко краденое, — предположил Эдик.

Сундук пустел, а самого главного — полкового знамени — в нем не было. Дно устилал красивой работы коврик из сохатиной кожи. Ярко рдели красные узоры, оттененные синими и желтыми нитками. Будто совсем недавно положен коврик в сундук тароватой хозяйкой. Опечаленный, Олег, выковырнул пальцем коврик и вытащил из сундука. Вдвое сложенный ковер развернулся, и из него выпал сверток алого бархата. Бежали по сгибу золотые буквы: "...тарии". Олег поднял сверток и бережно передал Вере. Та поняла, легкими движениями развернула материю на коленях. По смятому на изгибах квадрату бархата рассыпались надписи: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" и "7-й Ульбинский полк НРА". Ниже: "Смерть врагам революции!" Несколько сквозных рваных дыр — свидетельство попавших в сражениях пуль.

— Знамя... — восторженно прошептал Костя, коснувшись его ладонью.

И каждому захотелось притронуться к драгоценной реликвии революции. Прикрепленное к древку это знамя пламенело над головами шедших в бой народоармейцев, звало их вперед, воодушевляло, придавало сил. Знамя революции, знамя восстания и побед народа, отстаивавшего свободу и родную землю от многочисленных жестоких и коварных врагов.

— Ребята, вы даже не представляете, какое большое дело вы совершили, — сказал, вставая, геолог. — Вы помогли истории восстановить честь революционного полка.

Впервые за все часы, проведенные с Эдиком в тайге, друзья видели его таким серьезным и искренне взволнованным. Он приподнял знамя над головой и крикнул:

— Ура красному знамени полка!

— Ура!!! — дружно закричали наши друзья, вскакивая со своих мест.

— Слава красным бойцам революции!

— Слава! — отозвались ребята. И эхо несколько раз повторило их слова. Далеко разнеслись их юные голоса.

В прежнем порядке уложили все обратно в сундук. Эдик взялся нести его в своем объемистом рюкзаке.

Друзья горячо обсуждали подробности и детали находки, а Олег был задумчив и отвечал товарищам невпопад.

— Почему же нет никакого упоминания о Ковалеве?— размышлял вслух Олег. — А Савелий утверждал, что Ковалев что-то писал. Должны остаться какие-то бумаги,

— Может быть, в этой тетрадке? — протянул сшитые суровыми нитками листы Костя. — Из коврика эта штука выпала.

На обложке из серой бумаги, из которой была сделана и вся тетрадь, надпись: "Записи для памяти Ковалева". Олег было углубился в чтение содержимого тетради, но Эдик решительно сказал:

— Читать станем потом, теперь надо побыстрее возвращаться домой. Солнце-то видите где. Так что в путь, други! — скомандовал Эдик, взваливая рюкзак с сундуком на широкие плечи. Путь ребят лежал к геологам.

Все члены маленькой геологической партии проявили самый живой интерес к находке. Вечером у костра собрались обитатели таежного лагеря, и Олег стал читать записи Ковалева. Если он уставал, то тетрадь брал Эдик или Вера. Вот о чем рассказывала тетрадь:

"Донесение

Его превосходительству атаману Семенову от прапорщика Ковалева.

Сим доношу покорнейше Вашему превосходительству о содеянном мною в пользу истинной России, преградившей грудью путь узурпаторам красным.

В памятный мне день получения от Вашего превосходительства поручения в ставку Вашей в Чите, я обещал честно выполнить свой долг офицера. Мною много приложено сил, чтобы расстроить планы командования красного Ульбинского полка. Я своевременно донес по нужному адресу день наступления полка на истинно русских воинов. Я лично застрелил командира и комиссара полка. И это повлияло на ход сражения. Белые воины сумели перебраться за границу.

После выполнения задания Вашего я взял казну полка, карты, которые пригодятся вверенным Вам воинским силам, знамя полка и скрылся (как и было с Вами договорено).

Много мною собрано достойных Вашего внимания сведений и фактов военного значения, их передам Вам лично, о встрече с Вами мечтаю денно и ношно...

Думаю, что заслуги мои будут вознаграждены высоким Вашим доверием. И оружие мое, и жизнь бестрепетно вверить в Ваши руки спешу неукоснительно..."

Наших юных историков коробил писарский витиеватый язык. От этих строк, нацарапанных карандашом корявым почерком, с множеством грамматических ошибок, веяло, казенной угодливостью, какой-то рабской приниженностью.

Иными становились язык и стиль, когда Ковалев начинал записывать свои впечатления лично для себя. Что-то хвастливое и одновременно неуверенное сквозило в его откровенных высказываниях.

"Вовремя драпанул из села. Савелий ходил за припасами, сказал, что на селе были ревкомовцы. Прямой-то улики против меня нет. Но кто знает? Свидетелей достаточно. Значит, наверняка засекли меня. Надо до поры притаиться, и крепко притаиться, иначе — стенка!

...Придет мое время! Верю. Не удержатся большевики, не удержатся. Весь мир против советов. Такая мощная сила! Держись, Ковалев!

...Забота первейшая: дать о себе весточку за рубеж. Наказал Савелию, чтобы свел меня с верными людьми. Есть такие на Амуре. До срока нужно-го ждут. Написал донесение атаману. Не забудет меня атаман. Ему верные слуги нужны. А служить я буду, чтобы мне потом служили. Что атаман Семенов? Есаулом был. Теперь в чести. Пусть в изгнании пока, но в чести.

...Устроился я в тайге неплохо: припасы есть, охота знатная. Только Настя меня беспокоит, задумчива, плачет по ночам, ну да привыкнет. Не для себя одного заточил добровольно себя в тайге, и о ней забочусь.

...Верный человек из села приходил. Зимовье свое ему не показал, в пещере встретились, так надежнее... Обрадовал он меня. Назвал многих дружков прежних, крепких мужиков. Не по нутру им советы. Действовать, говорят, согласны, только план нужен. Дал я им хороший план. Убивать советчиков, тех, которые дотошнее работают.

Дальше шел список жертв бандитских нападений шайки Ковалева. Против каждой фамилии Ковалев хладнокровно проставлял: "Убран". Против двух имен активистов добавление: "собственноручно".

"...Ну вот через два года моего таежного сидения радость большая. Пришел тот человек, коего ждал давно, — посланец Семенова. Не принес он мне никакого письма от атамана, да и ссылается на передачу атамановых указаний через его доверенного, однако верю посланцу. Пытал его основательно, водил за нос, не споткнулся ни разу: наш человек!

— Что же мне делать? — спрашиваю посланца. — Сидеть не могу.

— Пока сиди, — отвечает. — Ты нам тут нужен, не раскрывайся. Дело заваривается нешуточное, и такие, как ты, нужны будут освободителям Родины.

— Сижу, — говорю, — и так не зря.

Показал ему список убранных советчиков. Одобрил.

— Дезорганизация советского тыла — главнейшая наша сегодняшняя цель, — отвечает. — Так и продолжай. Будем давать новые задания.

Отдал ему для передачи Семенову донесение. Прочитал, одобрил.

— Ты казну упоминаешь полковую. А много ли денег было в денежном ящике? — спрашивает.

Ответил, что немного, но взял все.

Неплохо было бы, если бы те деньги отдал на дело освобождения России. Сказал, что подумаю. Верный, верный, но с деньгами шутки плохи. Ухтурский тоже был верный, а до дела дошло, в кусты... В конце концов договорились на четвертой части. Расписку мне дал. Расставались полюбовно. Зимовье посланцу тоже не показал, да тот и не настаивал, чем лиш-ний раз подтвердил свою причастность к белому движению за границей. Правда, жалко денег, но назвался груздем — полезай в кузов...

...Еще два года прошло... Забыли обо мне все. И сам я одичал, что ди? Не тянет к людям. Все это время искал золото. И нашел! Богатые пески неподалеку от пещеры. Очень хорошо, что нанайцы боятся бывать в этих местах, злых духов пугаются. Это мне на руку. Пробовал мыть песок, есть золотишко. Придет время, мои будут прииски.

Ухтурский, царство ему небесное, хоть и сволочь, но умен был, белая кость... "Золото во все времена у людей главная опора", — говаривал.

...Семенов тоже был простой есаул. А стал атаманом. Я хуже его? Мне только вытерпеть, только вытерпеть...

...Савелий портиться стал. Часто отлучается на несколько недель. Боюсь, что предаст меня. А как узнать, что на душе у старого? Пристрелить бы его, да тогда рук лишусь. Придется построже следить за ним, проверять. Один раз он прямо сказал мне:

— Твое дело шибко худо, капитан. Один ты. А один и амба слабый.

— Такты, — говорю, — продать меня хочешь, сучья лапа!

— Не ругайся, — отвечает, — Савелий добро помнит. Живи.

Ишь, разрешает мне жить!

А с Настей, с ребятишками он добр. Чую, что если бы не Настя, не дети, отвел бы он меня на веревочке в чека, как пить дать.

...На днях натерпелся страху. С братаном встретился на Силинке. Шел к селу посмотреть хоть издали, что там делается, вижу: идет братан. Такое зло взяло меня. Вот ты ходишь, никого не боишься, а я, заслуженный офицер, прячусь, словно зверь. Руки сами винтовку схватили. Да не успел я. Ловчее меня оказался братан. Не знаю, почему меня отпустил. Шел и ждал пулю в затылок. Пожалел... Не пойму... Но теперь надо быть осторожным, приведет по следу погоню...

...Нынче лето проболел, поясница замучила, простыл, наверно, когда золото мыл. Отошел малость, выходить на охоту стал. И здесь ко мне явился верный человек, односельчанин. Обрадовался я: может, приказ за рубеж перейти.

— Ты здесь нужен, — сказал односельчанин.

— Годы идут, вроде не нужен я никому, — отвечаю.

— Терпеть надо, — успокаивает односельчанин, — Сейчас самые дела разворачиваются. Прибегал из Маньчжурии человек, говорит, надо одну диверсию совершить.

— Это где диверсию?

— В селе, где ж, — сказал односельчанин и смотрит на меня с удивлением. — Ты что, разве ничего не знаешь, что в селе делается?

— Что же?

— Э-э, паря! Да там завод, город целый строят. Народу нынешней весной тысячи понаехало из России. Все переворошили. Из села многие переселились в другие места, кто добровольно, а кто, вроде меня, сами утекли.

— Так что — диверсия?

— Надо не дать строить завод. Жечь, взрывать надо.

— Значит, мне из тайги выйти и сразу в чека? — озлился я.

— Руководить станешь. Ты же военный человек. А у нас там на стройке, есть помощники. Говорили мне, что у тебя деньги имеются. Так вот тем помощникам надо подбросить малость.

— Я уже подбрасывал, а где мои деньги?

— Не пропали, не бойся. А если хорошо дело проделать на стройке, то тебе большой барыш выйдет, паря. Тогда можешь и к Семенову отправляться. Документы выправим. И не с пустыми руками уйдешь.

Согласился я. Надо же когда-то прийти к какому-то концу. Годы прошли, а конца не видать, сомнения грызут душу.

...Годы прошли. И дочек уже нет в живых. Умерли зимой. Настя все плакала, уговаривала к доктору их свозить, на Амур выйти. Побоялся тогда. Сам лечил, Савелий помогал. Умерли... С тех пор Настя как каменная стала, молчит целыми днями, плакать уходит на могилки. А я окаменел, не трогает это все меня.

...Ходил с односельчанином стройку смотреть. На сопку поднялись ночью. Батюшки! Сколько огней электрических на том месте, где село наше было. На версты размахнулась стройка. Да, сила большая. Против такой силы большущую силу надо иметь.

Односельчанин работает в конном парке. Придел меня в ватник, в каких на стройке все ходят, пошел все показывать. На озере верфи строят.

— Вот их и надо сжечь, особенно склады. Тогда стройке конец будет, — говорит односельчанин.

Все рассмотрели, план составили: он и керосин подготовил, чтобы поджигать. Неделю жил на стройке. Немного помощников-то оказалось у односельчанина, но и таким рад будешь.

Устроили пожар. Здорово горели склады! Еще по моему совету контору стройки подпалили. Рад я был такому фейерверку. Давно так весел не был. Ходил и смотрел беспрепятственно. Люди-то пожар тушили, что им до меня.

Только одно укололо меня. Видел, как строители — они, оказывается, все почти комсомольцы — выбрасывали из конторы пачки денег, собирали в мешки. Утром услышал я, что ни одного рубля не пропало, все вернули в кассу. Бессребреники? А может, новые люди, как о том бормочет Савелий, совсем почти покинувший меня?

...Вернулся на зимовье, жду обещанных документов. Намекнул Насте, что скоро мы покинем Силинку и переберемся в места куда более веселые, а деньжата у нас есть, хватит на обустройство. Выслушала равнодушно. Она уже не верит мне давно, Не удержался, рассказал о том, что был на стройке, что видел как горели склады. Побледнела вся, глаза горят, никогда ее такой не, видел, даже когда умирали дети.

— Зачем? — кричит, а глазами съест меня хочет.

— О чем ты? — спрашиваю.

— Зачем поджигал, зачем людей мучишь всю жизнь, зачем ты живешь только!

Не знаю, чем успокоить, слов не найду.

— Для тебя же, Настя, стараюсь.

— Погубил ты меня. Зверь ты, волк! — кричит, волосы рвать на себе стала, плачет, на землю бросилась. Долго так плакала, потом встала, лицо спокойное, не смотрит на меня.

— Вот что, Ковалев (впервые по фамилии назвала), ухажу я от тебя. Проклинаю я тот день, когда встретила тебя, все проклинаю. За слабость себя проклинаю! Хуже волка ты! Оставайся, жди своего Семенова, тоже палач, как и ты, и все твои дружки.

И пошла. Пошла к речке, не оборачиваясь идет, не спеша.

— Стой! — кричу. — Убью! — Винтовку схватил, прицелился, а руки дро-

жат, не могу стрелять. А она идет молча. Скрылась за кустами, а я стою, как столб, ноги к земле приросли. Чувствую, что последнюю связь с миром теряю. Выбежал к реке, вижу, отвязала бат Настя, села, и понесло ее по речке вниз, туда, к ненавистным мне людям.

Прошло некоторое время, опомнился я, испугался. А вдруг она, Настя, выдаст? Сейчас доберется до стройки, выдаст все, и придут за мной. "Не дамся просто". Решил догнать, но поздно хватился. Плохонькая лодка на половине пути затонула, пришлось пешком брести. Ночью глубокой пришел к тому односельчанину. Жена его высунула в двери голову, шепнула: "К Петровичу иди". Петрович, это тот, помощник. Того поднял. Трясется весь от страха: "Уйди, бога ради, говорит, пока не засекали. Ведь твоего дружка, односельчанина значит, чекисты замели. Да и мне скоро каюк. А все золото твое проклятое!" Схватил топор, медведем на меня. Пришлось уйти...

...Неделя миновала, никто меня не потревожил. Не выдала Настя. Может, и за себя боялась? Кто знает... Успокоился немного. Надо покидать тайгу. Возьму часть денег и — в Хабаровск или в Благовещенск. Там граница недалече.

Савелий сегодня заявился в зимовье. Похоже, следит он за мной, в чем-то подозревает. Про Настю спрашивал, не верит, что ушла. А может, старый думает, что я убил ее? Черт с ним, он предан все же мне, как собака, да и что он понимает.

Все, прячу сундук свой, потом возьму. Придет мое время — прииск моим будет и слава придет к Ковалеву. А теперь — к своим!.."

...Все эти записи прочитали в тот вечер в тайге у костра геологам Олег и Вера, Долго сидели люди у догорающего костра, размышляя о лавнишной трагедии. Один из пожилых рабочих, шевеля палкой головни, сказал:

— До чего же лютости много бывает в человеке.

— То не человек, а зверь, — ответил другой слушатель. — Помню, в Отечественную я партизанил. Попадались нам такие людишки. И всегда нас брало удивление: как это могут эти люди держать злобу, камень за пазухой против всего народа целую четверть века.

— На этот вопрос отвечает жена Ковалева, — заметил пожилой рабочий. — Волк, а не человек.

— Атамана Семенова наши войска захватили в Маньчжурии. Судили и повесили, — сказал Эдик. — А вот где помощники Ковалева?

— Подошли, наверно — презрительно проговорил пожилой рабочий. — А может, и рыщут где по свету, давясь злобой. Справедливое наказание...

20. ЗАРНИЦЫ

Мурлыкая под нос любимую песню про Амур, Новицкий, достал из шкафа парадный свой костюм из черной шерсти. Аккуратно прикрепил к бортам пиджака ордена и медали. Он всегда так поступал, если встречался с молодежью, справедливо считая это выражением уважения и к заслугам старшего поколения и к молодым слушателям. Были тут орден Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, медали. Первый орден Новицкий

получил за строительство железной дороги. А Красную Звезду ему вручили на фронте за наведение важной переправы через Днепр. Рубашка белая, галстук черный... Смотрится Новицкий в зеркало, подмигивает себе с улыбкой.

— А что, дед, ты у меня еще молодец! — слышит позади голос Егора.

Новицкий скосил улыбчивый глаз на внука, отметил: повзрослел Егорка, огненные непокорные волосы причесаны, галстук модный, брюки наглажены, хотя раньше всегда пузырились на коленях, а галстук, подарок Новицкого ко дню рождения, решительно отвергнут. Но не так внешне повзрослел Егор, как внутренне. Как-то подобрался парень, даже выше ростом стал, в глазах твердость появилась. Вчера, когда заявился домой весь подранный, загорелый и сбросил рюкзак на пол, дед обнял Егорку, а потом отстранил от себя и посмотрел ему в глаза. По привычке хотел прочесть нотацию за опоздание, за волнения, которые внук доставил ему в походе, но не решился: так серьёзно ответил на взгляд деда внук. А потом Егор с увлечением рассказывал о посещении зимовья, о новых находках, развязал рюкзак и вынул из него бархатное красное знамя. Ребята поручили ему хранить знамя до того, как они отнесут его в городской музей, где состоится торжественная встреча молодежи с ветеранами гражданской войны. Сегодня эта встреча, на нее так тщательно собираются дед с внуком. Все это вспомнил сегодня. Новицкий и потому принял товарищески-доверительный тон внука, принял шутку:

— В старики записываться не собираюсь, — и добавил озабоченно: — Не опаздываем?

— Успеем, можешь не торопиться, а я пойду.

— Что, разве не со мной?

— Мне тут за одним товарищем надо забежать, — сообщил Егор, скрываясь за дверь.

Конференц-зал музея переполнен. Белые рубашки и платица, красные галстуки, голубые, синие, оранжевые пилотки, стриженные и лохматые головы, косички. Гомон ребячьих голосов. У стены стоят школьники, которым не хватило мест. Первые два ряда заняли почетные гости встречи — ветераны гражданской и Великой Отечественной войн. Сияют медали, ордена, почетные знаки. За столом, покрытым зеленой скатертью, разложены дневники следопытов, найденные ими бумаги о полке, рядом на стене прикреплено красное знамя полка. К нему сейчас приковано общее внимание старых и молодых участников собрания. За столом директор музея Ткачев, старый друг Новицкого, и наши следопыты? Ободряюще смотрят на них родственники.

— Думал, игра, а вот серьезное дело совершили ребята, — шепотом сказал сидящему рядом Новицкому отец Олега.

— Так и бывает у человека: настоящая жизнь, настоящие открытия начинаются с мечты или игры, — ответил Новицкий. — Если, конечно, игра тоже стоящая, или мечта — большая...

Сияющий Ткачев занял председательское место, поднял руку, призывая к тишине.

— Сегодня мы собрались, чтобы послушать наших юных следопытов, —

начал он. — Они совершили поход по родному краю, собрали богатый материал о красном полке, о героях гражданской войны на Дальнем Востоке. И нашли вот эту дорогую реликвию, — показал он на знамя. В зале оглушительно захлопали в ладоши.

— Послушаем их, ребята, и вы, товарищи ветераны, и дорогие родители. Олег, предоставляю тебе слово.

Наши друзья заранее договорились, что отчитываться о походе станет Олег, а если будут вопросы, то отвечать всем по очереди.

Олег разложил листки доклада на столе, тронул пальцами очки, пригладил ладонью хохолок на макушке и откашлялся. Посмотрел в зал на ребят, потом перевел взгляд на ветеранов, на родителей, затем на друзей, сидящих рядом за столом президиума. Пауза затянулась, слышались еле заметные смешки в дальнем углу. Олег открыл было рот, чтобы заговорить, но снова уткнулся в листки. Новицкий заметил, как покраснело ухо отца Олега, как тот наклонился вперед, словно хотел подтолкнуть сына: "Начинай же..." И Олег начал говорить. Нет, ничуть не дрожал голос его, и не сбивался, не путался в словах юный докладчик, сразу же овладевший вниманием зала. Он толково рассказывал обо всем, что увидели и услышали в путешествии по краю участники интересного поиска.

"Вот чешет, — с завистью подумал Костя. — А я бы замучил всех словами "вот" и "понимаешь"..."

Хотя заранее условились, что вопросы будут задаваться после доклада, нетерпеливая аудитория то и дело спрашивала:

— О чжурчжэнях подробнее!

— А жив ли Подвысоцкий?

— Кто поставил памятник комиссару Шерому?

— Тише, ребята, — успокаивал Ткачев. - Вопросы потом.

Олег закончил доклад. Он поймал взгляд отца, тот одобрительно кивнул ему: "Молодец!" Теперь на вопросы отвечали все участники похода. А потом Вера и Олег бережно сняли знамя полка со стены, поднесли его ветеранам.

— Это знамя мы передаем вам, наши деды, сделавшие революцию и завоевавшие Советскую власть, — звенящим от переполнивших ее чувств голосом произнесла Вера. Знамя принял седобородый старик. Глаза старика стали влажными, он прижал край полотнища к губам.

— Ребята, какие же вы славные, ребята... — заговорил ветеран, прижимая к груди полотнище. — Вы помогли восстановить честь героически сражавшегося полка народоармейцев. Хитростью и предательством завладел враг знаменем. Но сама наша родная земля сохранила его. Не смог враг унести на поругание ценность нашу. Вот видите: пришло время, и внуки, красные следопыты, находят знамя и возвращают истории. Большое вам спасибо за этот-подвиг, внуки мои дорогие.

Старик обнял Веру и Олега и поцеловал их в головы.

— Полвека назад, — продолжал ветеран, — я видел это знамя. Я был в Благовещенске, молодой боец в ту пору. Присутствовал на торжественном собрании в Народном доме. Работницы порта передавали вышитое знамя новому полку. Тогда бойцы полка поклялись вернуться с победой.

Мне не пришлось служить в Ульбинском полку. Меня, молодого моряка, поставили командовать военной флотилией на Амуре. Били врагов разных мастей: и калмыковцев, и японцев, и американцев, и семеновцев. На суше действовали ульбинцы и народоармейцы других полков, на воде — громила их наша флотилия. Пришло время — сбросили врага в Тихий океан.

Хорошо рассказывали сегодня ребята о родной земле своей и людях, живущих на ней. Это наша земля, ребята, кровью и потом политая, родная земля. Берегите ее, готовьтесь ее защищать. Гордитесь историей своего народа, вы — ее продолжатели. Гордитесь и знайте ее историю, изучайте. Родина начинается с дома родного, семьи, улицы, с берез на опушке леса, что за родным селом. Понятие "Родина" всегда конкретно, ребята. Умейте находить вокруг себя дорогие приметы Родины. Судя по всему, вы это умеете делать.

И еще вот что я хочу вам предложить, ребята. Вы сами убедились, как много нераскрытого в истории нашего края. Вы убедились сегодня, чего можно достигнуть даже малыми силами. А если не четверо, а все вы, здесь сидящие, и другие пионеры и школьники города примут участие в розысках новых документов о годах революции и гражданской войны, более поздних годах, тоже очень интересных? Тогда откроются тысячи новых страниц славной летописи Приамурья.

— Как вы смотрите, ребята, на то, чтобы, создать при музее клуб красных следопытов? — сказал директор музея, едва ветеран закончил речь.

— Создадим клуб! — хором закричали в ответ.

— Олега председателем!

— От всех школ пускай будут члены клуба...

Не откладывая, избрали совет клуба, председателем единогласно назначили Олега, очень польщенного такой честью. Тут же и примерный план работы составили. Согласились с Новицким, что всем членам клуба красных следопытов надо овладеть основами туризма.

— Неважные из вас будут следопыты, если не будете знать, как по тайге ходить. А тайга-матушка нас окружает со всех сторон зеленым океаном, — подкрепил свои соображения Александр Николаевич и так при этом, взглянул на Егора, что тот заерзал на стуле. Думал, наверно, что обмолвится старик об его оплошности, но нет, не упомянул дед о том, как внук заблудился в тайге, и за это Егор был благодарен деду.

Потом все пели песни времен гражданской войны. Ребятам подтягивали ветераны. У седобородого оказался глубокий бас. Он дирижировал руками и пел:

*... Чтобы с бою взять Приморье,
Белой армии оплот...*

Уже вечерело, когда возвращались домой. Впереди шествовали родители нашей четверки, а ребята — чуть подальше. Старшие что-то горячо обсуждали и оглядывались, наверно, речь шла о детях. Стояли подолгу, когда кому-нибудь нужно было сворачивать к дому. Наконец остались Новиц-

кий и Вера с Егором.

— Домой? — спросил Новицкий внука.

— Мы пройдемся... — сказал Егор.

— Добро, — согласился Новицкий, пряча улыбку. "Вон он, Егоркин товарищ", — тепло подумал он о Вере.

Через минуту, забыв обо всем на свете, шли Егор и Вера по улицам родного города, после долгого отсутствия казавшегося им еще роднее, ближе. Не сговариваясь, вышли на берег Амура. Вечерние тени легли у правого берега. Зажглись огоньки на мачтах катеров, скользящих по зеркальной глади тихой сегодня реки. Сели на травяном крутом обрыве. Долго молча смотрели на реку, темно-лиловые хребты сопок, на багровые отблески угасающего заката.

— Мне кажется, что я не была в городе и на Амуре целый век, — проговорила Вера.

— Верно, у меня тоже такое чувство, — сказал Егор, взглянув на Веру. Сейчас, вечером, глаза у нее не синие, а темные, глубокие, печальные.

— А знаешь, — заговорил Егор, — мне кажется, что мы там, в тайге... .

Вера внимательно посмотрела на Егора и улыбнулась:

— Значит, и ты переживаешь то же?

— Ну конечно.

— Знаешь, Вера, — проникновенно заговорил Егор.— Я никогда не думал, что могу так хорошо понимать другого человека. Он молчит совсем, а я его понимаю. Все равно, как бы его биотоки передаются мне,

— Ого, биотоки!

— Я читал в "Технике молодежи"...

— Кого же ты так хорошо понимаешь? — В голосе Веры ирония.

— Так, одного человека, — пробормотал Егор.

— Обиделся? А я хочу знать. Ну скажи. — Вера взяла руку Егора.

— Тебя...

Вера порывисто взглянула в глаза Егора, отвела взор и тихо сказала:

— Егор, Егор...

Что она хотела выразить, называя его имя? "Биотоки" совсем ничего не разъясняли Егору. Пояснила сама Вера.

— Я тоже тебя понимаю, — призналась она. — Это называется родством душ. Читала где-то. Помнишь, как ты вернулся из тайги?

— Как же, помнит Егор, все помнит, с какой тревогой и радостью встретила его Вера после возвращения.

— Давай спустимся к самой воде, — предложил Егор.

Взявшись за руки, они бежали к отмели. Потом шли берегом. Поскрипывала, шуршала галька под ногами. Вера старалась идти тихо, как ходят взрослые девушки, но это ей не очень, удавалось. И вот они шагают быстрее, как шли по тайге. Вера загадала: "До того бакена, потом обратно", — показала на красный огонек вдаль.

— Да, город стал другим, и река, и весь этот мир, — развела широко руками, запрокидывая голову, Вера. — Люди стали другими... сложнее, что ли?

Вера и Егор не заметили, что давно достигли бакена, его огонек предо-

стерегающе мигал над маслянисто-черной водой. Темнота сгущалась. За сопками по горизонту то тут, то там ярко вспыхивали зарницы, отблески далекой грозы.

— Зарницы. Красиво, — проговорила Вера.

— Дед называет их сполохи, — ответил Егор. — Люблю смотреть.

Было что-то победное и тревожное в мгновенно вспыхивающих и гаснущих разрядах далеких молний.

— Как будто идет где-то бой, — заметила Вера.

— Сражение за Волочаевку, — ответил Егор.

— А эта зарница с космодрома, — показала рукой Вера. — Сейчас ракета летит на Марс...

— И мы с тобой — космонавты. — Егору нравилась словесная игра в необыкновенное. Нет, не игра, что-то большее, совсем близкое к действительности.

И опять поняла Вера душевное состояние Егора. О прошлом и будущем думали они оба, впервые, пожалуй, так серьезно думали. И это тоже предвестник мятежной юности? И прошлое и будущее становилось близким, своим, понятным, нужным, очень нужным.

— Мы смогли бы так, как комиссар Шерый?

— Смогли, Вера, — убежденно сказал Егор, сжимая в темноте ладонь подруги. — Ведь смогли же Александр Матросов, Лиза Чайкина, Зоя Космодемьянская...

— Олег Кошевой, — назвала Вера.

— Ты кем бы хотела стать? — неожиданно спросил Егор.

— Врачом, — как о давно решенном отозвалась Вера.

— Я модельщиком, потом инженером. Корабли буду строить. И еще хочу стать военным моряком, — поделился своими мечтами Егор.

— Как это сразу: модельщиком, инженером, моряком?..

— Не сразу. Сначала модельщиком. Ну, потом буду учиться на инженера. А военным моряком стану, когда пойду служить в армию. И если будет война...

— Ты будешь командиром корабля, я судовым врачом, — подхватила Вера, одобряя план Егора.

— Олег будет нашим комиссаром.

— А Костя?

— Ладно, так уж и быть, возьму Костю юнгой, — важно согласился Егор.

Друзья рассмеялись. Взявшись за руки, они шли в город, освещенный ярко и празднично. Они с нежностью смотрели сейчас на светящиеся теплым светом окна зданий, на людей, спешащих по своим делам, на неясные очертания деревьев, отбрасывающих узорчатые тени на асфальт. Это их город, их люди, их деревья, их голубые огни уличных фонарей, их музыка звучит в парке, их пароход гудит, приближаясь к стене желанной пристани.

Этот мир с его большой и радостной жизнью, с его зарницами и звездным небом принадлежит им.

ВРЕМЯ ЦВЕТЕНИЯ

*повесть о детских
и школьных годах Г.Н. Хлебникова*

С. Вишнякова

СВЕТ ИЗ ОКНА

Геннадий Николаевич Хлебников родился 23 декабря 1915 года в селе Кипень Гатчинского района Ленинградской области. Деда звали Андрей Тимофеевич — крестьянин, деревенский почтальон, он много читал: и книги, и газеты. Любовь к чтению передалась сыну Николаю.

Николай Андреевич закончил церковноприходскую школу, по тем временам слыл образованным человеком. И покупал книги, трепетно перелистывал страницы, обожествлял их: он нутром понимал, что каждая буква несет в себе информацию о Космосе, соединяет его с ним, делает гражданином не только своей страны. Земли, но и Космоса. Николай Андреевич занимался литературным творчеством: писал статьи, стихи, они печатались в "Крестьянской газете", в "Красной газете", в "Ленинградской газете". Молодая советская власть помогла раскрыться талантам, помогла человеку совершенствоваться.

Мать писателя Екатерина Павловна рано лишилась родителей: сначала находилась на попечении в воспитательном доме, а затем ее отдали в крестьянскую семью Егора Кузина. Девочка росла вместе с хозяйскими детьми. Подошло время — заневестилась. Ее познакомили с Николаем Хлебниковым, жившим в пяти километрах от ее Витино, в селе Кипень. Венчали в церкви.

Молодая семья увеличилась: родились дочь и сын. Сын Геннадий, будущий писатель, рос здоровым, веселым, любознательным. Родители предоставили сыну полную свободу. А село Кипень, населенное немцами, финнами, русскими, с красивыми окрестностями, с бушующей зеленью деревьев, верхушки которых стремительно пробивались в голубую высь, с маленькой речушкой невдалеке и Нарвским шоссе, словно были сделаны для ребячьих утех. Как и другие мальчишки — его сверстники, в жару он не вылезал из реки, ловил рыбу, ходил по грибы и ягоды. Зимой катался на санках-лебянках с горы, мастерил кормушки для птиц, спасал их в морозы. Здесь Геннадий учился любить свою землю, свое село, учился труду, помогал отцу поддерживать в хорошем состоянии Нарвское шоссе. Увлекался историей, географией, литературой, в детских фантазиях возникали города и страны, которые ему ещё предстояло увидеть; он рисовал в своем воображении встречи с ними. Постепенно в сознании мальчика раздвигались

границы кипеньских окрестностей, виделись пути к неизвестным дорогам Великой Руси, к русской истории.

Из воспоминания писателя об отце: "Земли и у меня, видишь, кот заплакал, а вас, парней, еще пятеро, кроме тебя, так что выходит — идти тебе на заработки в Питер". И отец ушел с молодой женой. Он усиленно занимался самообразованием, много читал, и добился в своей жизни немало. Он прошел путь от землекопа до поста старшего мастера Нарвского шоссе, что протянулось от Нарвских ворот Ленинграда до города Ямбурга. Отец очень гордился этим своим званием. Человек прямой, честный, отзывчивый, он пользовался уважением.

Николай Андреевич достиг основательного положения в обществе. Жизнь пошла в гору. Радоваться бы и украшать ее. Но в глубине души он чувствовал пустоту, которая держала в тисках. Память о земле, запах пашенок витали вокруг, пронизывали миллиарды клеточек головного мозга, прожигали грудь. Он гордился, что его уважают, обращаются за советом, верят его сказанному слову. И в то же время он ощущал в себе раздвоенную личность; ему казалось, что он занял не свое место. Он чувствовал себя, как на вокзале, когда желание только одно — уехать, а куда — незнано, а потому и билет не куплен.

Затем Николай Андреевич загорелся желанием получить земельный участок где-нибудь на хуторе, построить дом, разбить сад, заняться огородничеством, хозяйством. Екатерина Павловна не раз охлаждала пылающую голову мужа: "Ты уже и забыл, как крестьянствовать. Какой из тебя поселянин? В первый день набьешь мозоли, а в другие дни будешь лечить руки".

И вдруг подвалило счастье: при очередном землеустройстве семье Хлебникова отвели шесть десятин земли. И сердце возрадовалось, и наступил для души праздник! Их ждет земля, готовая принять ласку и заботу труженика. Вспоминает Геннадий Николаевич: "Отцу не терпелось быстрее переселиться на хутор. Своими руками он спешно построил маленькую мазанку, приладил к ней такой же саманный хлевок, и мы переехали в лес, покинув большое красивое село Кипень, где жили много лет, где я родился".

Мать протестовала, она не хотела жить в халупе; если строиться, то сразу основательно, красиво, чтобы потом не жалеть.

Дом — главное. Дом — государство, твоя держава, в котором тебя любят и знают; дом защищает от бед и ненастий; дом, из которого вылетают птенцы, а потом они возвращаются птицами. И он должен быть красивым, а не "тяп-ляп". "Ничего, — утешал отец, — все у нас будет, ведь и Москва не сразу строилась".

Но дом так и не построили: на это нужны деньги и время, а у отца ни того, ни другого не было, работа дорожного мастера не позволяла отвлекаться на хозяйственные дела.

Мать свыклась с хуторской жизнью, освоила новые правила в ней, всюду успевала; накормить скотину и подоить корову, пироги напечь и заштопать ветхое бельешко... и все с шуткой, с прибаутками. Вставала рано и приветствовала зорьку ясную и лес, окружающий хутор со всех сторон, травинку, сгибающую под тяжестью обильной росы, и стрекотание куз-

нечиков — утренний перезвон лесных молодчиков. С природой "на вы" вела разговор; и любо, и славно ее слушать.

Отец нанял работников для постройки дома, колодца, хозяйственных построек. Продав свинину, он расплатился с работниками наперед: один груз с плеч долой. Те деньги приняли, сказав, что земля слишком грубая, непослушная, сбежали. И, если бы не зарплата дорожного мастера, идти бы нам с сумой по дороге.

-Ну, какой ты хозяин!— горячилась мать. — Тебя любой проходимец вокруг пальца обведет.

Отец понимал ее правоту, прозорливость, хотя и сердился. Неурядицы тяжелым бременем легли па плечи и давили, сгибали, как лозу сгибает шальной ветер, они создавали условия для ссор. Оба были упрямыми, не уступали друг другу. Ссоры участились. И после каждой ссоры отец грозился бросить. Эту фразу мать не принимала всерьез, считала ее только приложением к очередным колючим словам. Как-то раз мать возьми да и передразни отца

-Уйду, уйду... Испугал!

— Посмотрю, как ты одна станешь жить.

— Не бойся, не пропаду.

— Вот как? Хорошо, оставайтесь.

И ушел. На самом деле ушел. Вот так просто, так легко, спокойно, словно ждал удобного случая, собрал свои пожитки и хлопнул дверью. Сестра училась в Ленинграде, и она не видела этой ужасной сцены.

Геннадий с матерью растерянно смотрели из окна в спину удаляющегося отца. Мужчина уходил из семьи, не оглянувшись на сына, на мать его детей. Уходил навсегда. Уходил, чтобы не вернуться.

По воспоминаниям писателя: "Уход отца привел мать в смятение и растерянность. Хотя она и старалась не подавать виду, тщательно скрывала свои чувства, я понимал: ей очень трудно сейчас. Мать ходила, как в воду опущенная, забросила повседневные рабочие дела. Даже скотину пришлось кормить и поить мне: она часто забывала это делать. Однажды я увидел, что мать сидит возле окна и смотрит на ту сторону, в которой растворился отец, и... курит папиросу. Заметив меня, она смутилась, жалко улыбнулась и сказала: "Папиросы кто-то оставил. Вот решила одну курнуть. Противно!" — и, размяв папиросу, выбросила ее в окно.

Прошло несколько дней, мать приободрилась: "он думает, что мы пропадем, верно, сынок? Не хуже мы станем жить".

Началась нелегкая борьба за существование, за выживание, за утверждение себя.

С каким яростным отчаянием, необыкновенным упорством мать старалась придать благополучный вид своей семье, своему дому, своим многочисленным повседневным делам. И сын помогал ей во всем, старался согреть сыновним теплом одинокую ее участь. Вставали рано, чуть забрезжит рассвет, ложились после полуночи. Они не успевали за день сделать намеченное, а следующий день готовил новые заботы. И сено наметали в стога, и картошку копали, кормили скотину, птицу, жали овес, огораживали посевы от заблудших овец, коров.... А тут вещи обзавелись привычкой

ломаться, ржаветь...

"Чтобы изготовить новую оглоблю, — Геннадий Николаевич делится своими воспоминаниями, — развести и наточить пилу, выстругать топорище и т.д., нужны были мужские руки. Нам не хватало отца. Приходилось обращаться к мужикам в соседнюю деревню. Какой-нибудь бородач молча выслушивал просьбу матери, скучнел, почесываясь, отнекивался, ссылаясь на занятость; но, лишь только завидев сургучную головку в кошеле матери, веселел, соглашался, проворно брался за работу. Строгая оглоблю или топорище, бородач наставительно поучал меня: "Присматривайся, мальтий, учись, сам потом сделаешь". Я учился, присматривался, но опыт не быстро дается подростку. Так что приходилось носить сороковку бородачам, таяли наши скудные сбережения".

Геннадий ходил в школу в соседнее село. Дорога петляла через лес. Занятия кончались в сумерки. В зимнем вечернем лесу мерещились волки. Мальчик заглушал страх песнями, чтением стихов. Он бежал, спотыкаясь о коряги, падал в снег, хотелось плакать от боли, жалости к себе.

И как только кончался лес, малец непременно видел яркий свет, струившийся из окна родного дома; как маяк, свет мягко манил к себе, согревал мыслью о встрече с самым надежным и верным человеком — матерью. И было радостно от того, что его ждут, что в доме тепло и уютно "Мама, милая мама, как хорошо, что ты у меня есть, что ты меня никогда не бросишь!"

ОТЕЦ НЕ УЗНАЛ

Школа сгорела. Ее спалил пьяница-сторож. Другая, близлежащая школа находилась от хутора в восьми километрах. И Геннадию пришлось заниматься самообразованием.

Горе ходило по пятам и жалило безжалостно. Заболела Красотка. Недаром буренушку так величали: все тело покрыто золотисто-рыжей шерстью и только на лбу светилось белое пятно, как солнышко в ясную погоду. Красотка щедро делилась молоком, выручала при бесхлебице. Мальчонка обнимал любимицу, шептал ласковые слова, словно старался перекачать часть энергии, здоровья кормилице, словно извинялся за недосмотр, просил прощения, обещал впредь ласкать: только не покидай, не сироти.

Ветеринар осмотрел корову, скорбно покачал головой, но лечить отказался: слишком поздно обратились. Пришлось зарезать милую. Часть мяса продали, и немного залатали дырки.

— Ну, что, дружок, — обращалась к коню мать. — Одна надежда на тебя. Ты уж не подведи.

Рубили дрова. Мать их возила на продажу в Ленинград. Мерин, хоть и старый, но помощник пока что. Верно служил хозяйке. И все-таки старые разбитые ноги друга не выдержали, подкосились. Тяжелый груз на старости оказал плохую услугу. Закатились глаза, застеклялись от светлых струй; скупая слезинка скатилась по заолоделой щеке мерина. И сразу посерел небосвод. Солнце спряталось за облако. Погоревали, повздыхали, посето-

вали на злую судьбу и стали искать выход из безвыходицы.

А наутро мать пошла по ближайшим селам, предлагая свои услуги по обновлению одежды.

Через несколько дней она вернулась, таща на спине большой мешок. Я с любопытством наблюдал, как мать развязывает мешок. Она извлекла из него старую солдатскую шинель, какие-то потрепанные пиджаки, брюки".

— Заказов набрала. Перешивать буду, перелицовывать, штопать, а где и из лоскутков узор придумаю, чтобы спрятать беду. Ничего сынок, проживем, и не хуже прежнего жизнь засветится. Ты только хорошенько смажь швейную машинку.

Отныне в избе с раннего утра до полуночи стрекотала машинка-живинка. Пол усыпан лоскутками. Мать искусно перелицовывала старые вещи, наглаживала, наводила лоск. Неприхотливые благодарные заказчики платили, кто как и сколько мог: деньгами, рожью, мясом. Мать помолодела, тихонько напевала, крутя ручку машинки. Она светилась изнутри, и лучи радости, пусть временной, надежности согревали сына. Она пела, и сама была песнью.

Материнская песня всколыхнула прошлое. Воспоминания унесли мальчика в родное село Кипень. Там по вечерам собирались соседи в их квартире. Мать исполняла по заказу песни то грустные, протяжные, как бескрайняя даль за Нарвским шоссе, то веселые, бесшабашные, они заставляли ноги плясать, и не только плясать, каждая клеточка бурлила, ликовала.

Мать любила людей, не скупилась с ними делиться знаниями, не отмахивалась от советов сельчан; и они тянулись к ней, как к жарко натопленной печке холодной зимой. Она возглавляла женский сельсовет, ее избирали делегатом на всесоюзный слет женщин.

Согретая работой и песнями мать хорошела и на душе у мальчонка поселился праздник. Геннадий смастерил себе лыжи и на них отправлялся в лес, изучал следы лесных обитателей, вел беседы с деревьями, катался по проложенной им же лыжне.

Нарядов у деревенских жителей было немного, заказы кончались. И мать отправилась в отдаленные села, пропадала неделями. А Геннадий оставался один в избе, окруженной лесом, который становился недружелюбным, даже страшным. Подросток, чтобы заглушить страх, вслух выдумывал необыкновенные истории, в которых он побеждал недругов. Читал стихи громко, голос заполнял каждый угол, а потом, когда мальчик переводил дыхание, голос продолжал жить, становился самостоятельным и, как Берегиня, успокаивал, охранял темными ночами.

Возвращалась мать, и хибара наполнялась светом, становилась шире и выше. Мать приносила деревенские гостинцы: пироги с капустой, моченые яблоки, сало... Геннадий радовался гостинцам, но больше — присутствию матери. Она была для него Державницей, заменяла Мир, Вселенную, и даже Солнце. Мальчик задыхался от счастья, избыточно-радостное волнение металось в глазах ликующих, на пламенеющих от жаркой печки губах. И рассыпчатая горячая картошка в чугушке, и блины, только что испеченные и горками заполонившие стол, и запах травяного чая — все говорило, что жизнь пришла в застывший домик, запахло жизнью, зазвучало жиз-

ню.

Екатерина Павловна получила письмо из Смоленской области от брата. Ругает Николая Андреевича. Приглашает племянника в гости.

— Поезжай, сынок, там школа рядом, поучишься годик, а там решим, что дальше. У меня душа изболелась, что ты неучем растешь.

Геннадий тотчас согласился: подальше от этого леса, от одиночества.

Дядя — инвалид Первой мировой войны, вместо левой ноги — деревяшка. Он целый день сидит у подслеповатого окна и шьет сапоги, чинит изношенные. Одним словом, сапожничает, таким образом, зарабатывая на пропитание.

— Большая семья дяди, человека доброго, но слабохарактерного, встретила меня враждебно, — говорит Геннадий Николаевич в доверительной беседе. — Мне говорили прямо в лицо, что я нахлебник и дармоед, что мать моя — гольная дура, отправила сына за тридевять земель. Через месяц дядя, преодолевая крайнее смущение и стыдясь самого себя, сказал мне: "Мои-то тут тебя совсем заклюют. Они и меня-то... Поезжай, братец, домой". Он дал мне денег на дорогу, круглый каравай поклеванного хлеба, проводил до станции".

Утомленный ожиданием поезда и неприятными воспоминаниями, Геннадий, как только вошел в вагон, устроился на нарах и тут же провалился в бездну: крепко уснул. И не слышал, как выкрали хлеб, деньги. Проснулся от холода: ноги и руки застыли, даже теплое дыхание не помогло. Вышел на станции "Красное село". На него обрушился злой пронизывающий февральский ветер. Без рукавиц, в худеньких ботинках, а до хутора шагать целых двадцать километров.

Геннадий не идет, а бежит: быстрые движения должны спасти от замерзания. Вот станция Логово, вот Горелово... Длинный путь, наверное, не преодолеть. Он упорно продолжал бежать, хотя ноги уже дрожали от усталости и холода. Вот и Нарвское шоссе, укатанное до блеска проезжающим транспортом. Последние километры даются

не просто. Нахлынуло полнейшее безразличие к себе, к дороге, он уже не бежит, а еле передвигает ноги.

Темнота опустилась, когда подросток пересекал село, в котором жил отец. У освещенного окна задержался. Отец склонился над столом и что-то писал. Задумчиво устремлял свой взгляд вдаль и снова писал. Повернулся* к окну, скользнул по фигуре заиндевелого подростка и снова склонился над столом. Не узнал! А мама, если бы даже и не узнала, все равно бы почувствовала... Хорошо отцу: нет заботы о детях, думы не гложут, как их накормить, уму-разуму наставить, сердце ни за кого не болит, свободен, доволен.

И мальчику стало жаль мать, она столько тратит сил и здоровья, чтобы поднять на ноги детей. Сестренке пальто купила, отвезла в Ленинград... Геннадий ясно увидел худенькую женщину, она в постоянных заботах совершенно забыла о себе, о своей красоте, что еще не стара и могла бы пофорсить. По ее стану не струятся шелка. И пышные волосы не собраны в замысловатую прическу. Она бодрится. Но сын вдруг осознал, что она

беззащитна, ее каждый может оскорбить, а опоры нет, нет человека, который смог бы уберечь от плохих взглядов и слов. Сыновье сердце сжалось от обиды и бессилия.

А вдруг с матерью что-то случилось за время разлуки?! Тревога пронзила все его существо, вернула потерянную энергию.

Дорога через лес. О страхе не было времени думать. Только бы все было хорошо, только бы беда не забрела в их маленький дом. Он призывал все добрые силы, молил их о помощи.

Ноги не слушались, глаза слипались. А если матери дома нет, если она отправилась по деревням в поиске заказов? Стволы деревьев расступились, освобождая дорогу. Вдали замаячил маленький огонек на хуторе. Мать дома! Одной тяжестью меньше. Собрав остаток сил, мальчик побежал, скорее ему показалось, что побежал. Просто желанный огонек дал дополнительный приток энергии.

Но мальчик не дошел до родного порога, упал в колючий обжигающий снег. С ужасом понял, что больше не встанет. Он слабо крикнул: "Мама!" И она услышала, нет, почувствовала беду, выскочила простоволосая, в одном легком платьице, кинулась к чернеющему предмету. Схватила сына на руки и, как маленького, внесла в дом. Она опустила свое дитя в холодную воду, растирала руки, ноги и причитала: "Больше никуда не пушу!" А мальчик смеялся и плакал, гладил пушистые волосы и шептал: "Мамочка, роденькая моя, хорошая моя".

РОДОВОЕ ДЕРЕВО

Раннее утро. Из подсиненных рассветом окон струился загадочный свет. Геннадий проснулся и мысленно пожелал себе и матери удачи на сегодня. Он поздоровался со всем миром и улыбнулся ему. И извлек из памяти вчерашний разговор: мать устроила его в школу-интернат. Помог в этом трудном деле старый знакомый Владимир Петрович Широков — директор школы крестьянской молодежи.

Сквозь алую герань на окнах низенькой мазанки пробивалось утреннее солнышко, веселило душу. Солнце растекалось светлыми пятнами на половицах, пугалось в разноцветье лоскутных ковриков. Настенные часы отстукивали секунды.

Босые ноги мальчика утонули в полотняном пуху, словно материнские руки приласкали. Он жадно оглядывал дом-храминушку, жадно впитывал каждую деталь, старался запомнить и запахи, и формы, и предметы родного очага.

Сегодня мальчик расстанется со всем, что дорого ему, и надолго. Он уйдет из дома, в котором чувствовал себя защищенным, где его любили, понимали. Дом восстанавливал душевное равновесие, в нем летали его мысли, придуманные герои скрашивали вынужденное одиночество.

В родном доме все по-деревенски просто и по-русски традиционно: кровать с маленькими шишечками, спинки которых украшали легкие занавески с вышитыми красными нитями бережными знаками, русская печь

с лежанкой, круглый стол с резными ножками, пузатый самовар, фотографии в рамках, самодельный ковер, рисунок которого сотворен из лоскутков.

Нужен, очень необходим дом детства человеку как кузнец характера и мастерства, как трамплин для взлета. Дом детства — это не только стены, потолок, мебель, это прежде всего люди, которые населяют его, их мысли, чувства, поступки. Дом детства — это где ткется полотно любви и уважения, полотно радости, мужества и милосердия.

Настало время расправить свои крылья для полета и Геннадию. И он вдруг осознал каждой клеточкой, что мазанка с вишневым садом, сотворенная заботливыми руками отца, самая лучшая и прекрасная на свете, это плоть его мыслей. У него будут другие дома, быть может, наряднее, но этот дом, дом детства, останется в памяти, он будет всегда рядом, будет охранять и согревать его беспокойную душу.

Мать пекла пироги, варила картофель в мундире, наполняя комнату приятными запахами. А он стоял спиной к родимой, и плечи ходили ходунком.

— Ну, что ты, соколик мой ненаглядный, — мать подошла и бережно притянула к себе кровинушку, — все будет хорошо, ласка моя; все будет хорошо, светлость моя.

Мать усадила сына за стол, прикоснулась к его вихрам, и волны счастья и покоя обволокли ее со всех сторон, и хоровод светлячков запиликал на солнечных скрипках.

— Помни одно, сынок: человек сам себя создает, он — творец себя, ~ наставлял твердый и нежный голос. — Не позволяй лени властвовать над собой. Не позволяй, чтоб тобой командовали, заставляли сгибаться перед сильными и хитрыми. Сам становись сильным, но и сам зря не обижай никого.

Они шли через лес. Златоволосая хозяйка зеленого моря рассыпала самоцветы листьев, и они шуршали под ногами. Царица Осень мелькала среди деревьев, оставляя багряные и желтые мазки на отживающих свой век листьях. Голубая фата чудесницы, словно реченька, освежала усталые лица, бодрила.

Геннадий шагал с родимой не торопясь, успевал переброситься словами, выразить восхищение Матушкой Природой, при этом не забывал смотреть под ноги, чтобы не споткнуться о корягу.

Направлялись в Гостилицу. Там находится школа-интернат. Мать не сказала: "Сынок, вот тебе сменное белье, краюха хлеба. Иди через лес напрямиком, не сворачивай в сторону. Дорога сама приведет в Гостилицу. А там "язык до Киева доведет". Она взяла сына за руку и отправилась в путь вместе с ним: так надежнее, так сердце не заболит и не опухнет от неясных мыслей.

Привал. Они сбрасывают заплечные мешки, достают припасы: яйцо, молоко, хлеб.

— Устал, сынок? — она просто сказала, чтобы посочувствовать; нет, не просто: словом обласкала, голосом залечила подступившуюся печаль-рану, глазами занежила.

— Нет, — ответил Геннадий. Если мать бодрится, то негоже сыну снижать. Мальчик с любовью смотрит на лик земной богини: матушки-голубушки. А она, с прибаутками и шутками, угощает сыночка и не ведает — не разумеет, как он только что ее повеличал.

— Ну, вот и все, подкрепились малость, Матушка Земля силы прибавила, благодарствуем ей, кормилице-поилице. Пошли, сынок, засветло должны поспеть.

И снова лесная тропа, усыпанная пожухлыми листьями, выводящая к думам-раздумьям. И снова мелькают переплетения веток в замысловатые паутиновые орнаменты. Не с них ли копировали узоры наши предки? А фон — воздушная синь. А краски, вот они, разбросала их художница Оеень-Осинушка.

Стежка привела к горе Дятлицкой, так ее кличат крестьяне. У подножья горы — нагромождение валунов. Геннадий бывал здесь не раз. Отец рассказывал дивную историю: несколько тысяч лет назад со Скандинавии полз огромный ледник толщиной в километр и все стирал на своем пути, тащил впереди себя и камни, и землю, и ветки загубленных деревьев, словно боров громаднейших размеров. Ледник остановился в этих местах, успокоился сам, успокоился и вал земли и камней. Вал уплотнился, вжился и возгордился среди равнинных красот, породнился с ними. Отшлифованные ледником в пути камни-валуны улеглись сторожами у подножья горы.

Мать вскарабкалась на вершину горы. Перед их взором раскинулся широкий простор, испещренный полосками пашен, отделенных друг от друга широкими межами. Вдали виднелись избы Дятлицы. Вот церковь с зеленым куполом и белой звонницей. Золотые церковные кресты купались в солнечном свете, соперничая с осенними красками леса и полей. Здесь прошли детство и юность матери, здесь ее встретил и полюбил отец, в церкви венчались и дали обет верности.

— Сынок, — слышится взволнованный материнский голос, — здесь мои корни, а значит, и твои. Это моя Родина: Дятлицы — твоя веточка по материнской линии. Вся родня — и по матери, и по отцу — огромное дерево с большими и малыми ветками. Обрубишь корни — память о предках иссякнет, и засохнут ветки-детки, и погибнут до срока. Чтобы родовое дерево благоухало, зеленело, радовало душу, нужно поливать его, поить добрыми мыслями, действиями. И не позволять никому охаивать. Запомни, сынок. Береги честь отца и матери, и свою тоже.

И ОБИДА НЕ ТАК КРАПИВИТ

Село Гостилицы в стародавние времена служило для принятия заморских гостей — купцов. Поэтому и название такое звонкое, зазывное, в нем слышится и смех, и неторопливый сказ, и удаль молодецкая, и братское рукопожатие, одним словом, лицом к гостю, гостеприимность.

Посреди Гостилицы — круглая площадь со стражами лип. Площадь украшал двухэтажный дворец с зубчатой башней. Высокое гранитное крыльцо у главного входа не раз принимало знатных и именитых гостей. Подни-

маясь по гранитным ступенькам, приезжий как бы воспарялся, приготавливаясь к пышному торжеству, знал, что будет обласкан, принят по достоинству.

С угловой башни дворца открывался великолепный вид на окоему. Шумел медной листвою старинный парк. В нем нашли уют дубы, липы, ясени, березы... Парк пересекала Быструшка с маленькими плотиками в установленных местах. Закруглились озера, искусственные водоемы со студеной водой. Таинственные гроты. Горбатые каменные мосты.

Во дворце много комнат и залов. Винтовая деревянная лестница объединяла два этажа. Дворец принадлежал немецкому барону, сбежавшему за границу после революционных событий. Запустелый дворец имел неприятный вид: стеклы в окнах побиты, выщербленный паркет потускнел, комнаты замусорены.

Дворец отдан сельской молодежи, отдан под интернат. Ему требовалась косметика. Засучив рукава, школьники в свободное от уроков время наводили блеск.

Мальчишки и девчонки не только учились, но и занимались пришкольным хозяйством: чистили коровник, кормили и поили коров и лошадей, свиней, птицу (гусей, кур, уток), дежурили на кухне, кололи дрова, носили воду, обрабатывали пришкольный участок, занимались сельским хозяйством. Учились и трудились, трудились и учились. Изо дня в день. Даже на каникулах многие не покидали школу, зарабатывали на хлеб.

Очень хотелось спать. Геннадий постоянно не высыпался. Да и выныривать из согретой своим теплом постели не очень-то приятно в плохо отапливаемом помещении.

Отец и мать Геннадия с уважением относились к учителям. Для них учитель — это человек, который много знает, во всем разбирается... Геннадий любил слушать рассказы родителей о своих учителях и мечтал о встрече со своим учителем.

Геннадий так же, как отец и мать, благоговел перед учителем, верил каждому слову. Для него великая честь — помочь учителю в чем-то.

Но с годами обожествление учителя пропало. Он понял, что учитель — такой же человек со своими слабостями, что он тоже ошибается и не всегда справедлив. Многие учителя промелькнули бабочкой-однодневкой, имена и лица которых стерлись из памяти, но некоторые засели прочно, как косяк в двери.

Учитель математики Константин Степанович Степанов — ветеринар по профессии. Он приходил в класс с ферм и полей в забрызганном грязью плаще. Проводил урок в нравоучениях, называл всех учеников бестолочками, ленивыми тварями. Ученики вбирали головы в плечи и твердили, как пономарь молитву, только одно желание: "Только меня не вызывай к доске...". Мальчишек и девчонок сковывал страх и стыд у доски, голова отказывалась соображать, слух притуплялся.

Зинаида Александровна Эйзенштейн — учительница словесности. Она увлекательно рассказывала о своих предках. И зная это, ученики, когда были не готовы к уроку, изыскивали вопросы по ее родословной.

Зинаида Александровна ценила юмор, неплохо владела этим даром,

поэтому могла снижать напряженность на уроках, и ученики как бы получали новый заряд легкости в голове. Уроки словесности нередко проводились на природе в сопровождении птичьего оркестра и перезвона прозрачных струй реки.

Зинаида Александровна по совместительству работала школьным библиотекарем, своим воспитанникам открыла имена знаменитых русских и зарубежных писателей, читала им вслух страницы редких книг.

Геннадий увлекался чтением стихов Пушкина, Кольцова, Гейне; он погружался в волшебный мир музыки слов. Его манило именно поэтическое звучание слова, музыкальная окраска, а не конкретное содержание произведения.

В это романтическое время ~ время цветения поросли Геннадий достает тетрадь со своими стихами, и записывает новые строки, рожденные под весенней луной.

Свои стихи показал Зинаиде Александровне. Мальчик раскрыл перед учительницей не просто тетрадь своих стихов, он принес свое сверкающее сердце, частицу самого себя. Наставница изумилась, возрадовалась; она бережно прижала к груди потрепанную тетрадь, засветилась изнутри благодарным сиянием.

— Замечательно, просто замечательно для твоего возраста. Ты будешь писать все лучше и лучше, только не бросай, трудись; не бойся, если появятся нескладушки, со временем слог отточится, и ты познаешь радость полета. Я рада, что у меня талантливый ученик родился.

Игорь Васильевич Глаголев преподавал химию, ботанику, зоологию, рисование. Он приходил в класс в свежей рубашке, подтянутый, уверенный в себе, он приносил запахи неба и земли, морозного утра или талого снега, цветущей липы или одуванчика. Творческий огонь и добрая энергия выплескивались на класс, приводили в движение дремлющих, заставляли каждого ученика думать, рассуждать, анализировать. Его уроки — праздник и мастерская, на которых ученики реализовывали свои возможности, могли оказаться на такой высоте, на которой чувствовали себя личностью.

Вот что вспоминает писатель Г. Хлебников:

"Когда проводятся химические опыты, нет отбоя от желающих ассистировать учителю. Затаив дыхание, следили мы, его воспитанники, за чудесными превращениями мела, селитры, марганцовокислого калия. В стеклянных колбах на наших глазах совершаются чудесные таинства природы. Вместе с нами радуется каждому удачливому опыту Игорь Васильевич, с доброй улыбкой мудрого кудесника, наблюдающего за нашей возней с хрупкими приборами в скромной лаборатории.

С наступлением весны мы часто проводили уроки ботаники на открытом воздухе, уходили в поле, в ближайший лес. Учитель, беседуя с нами, открывает незнакомые нам таинства силы природы деревьев, трав, цветов.

В руках у нашего сверстника Степана ивовый зеленый прут. Он походя ловко скашивает свистящей лозой головки подснежников. Вон и другой парнишка вооружился палкой и соревнуется со Степаном в ловкости, всем своим видом привлекая внимание товарищей. Заметив баловство озорника, Игорь Васильевич нахмурился и строго прикрикнул:

— Сейчас же прекратите! Степан!

Игорь Васильевич рассказывает о том, как растут цветы, деревья. Оказывается, все растения, окружавшие нас сложные организмы, в них происходят удивительно сложные химические и физические процессы. Тот же подснежник — целая фабрика! Растения берут из воздуха вредный для человека углекислый газ, а выделяют очень нам нужный кислород, которым мы дышим. И что кислород нам очень нужен, мы убеждаемся в этом, когда все, по команде Игоря Васильевича, затаиваем на мгновение дыхание, и потом с жадностью вдыхаем свежий весенний воздух, смеясь друг над другом. Степан, срубавший ивовым прутом подснежники, виновато косится на свою работу. А мы все со стыдом вспоминаем про себя о том, что порублено на нашем веку великое множество всяких цветов, так, зазря...

Игорь Васильевич жил в соседней деревне на квартире, но имел комнату и во дворце... Мне здесь ужасно нравилось. Игорь Васильевич собрат во дворе поломанную мебель, картины, пианино, все своими руками отремонтировал и обставил комнату...

Как-то пробегая по коридору в учительскую, я заметил, что дверь комнаты Игоря Васильевича приоткрыта. Я заглянул в комнату. Игорь Васильевич, одетый в серый халат, красил потолок маховой кистью. Все вещи сгружены в один угол. Увидев меня, он крикнул:

— Входи, Геннадий, поддержи, пожалуйста, ведерко.

Я взял ведерко с краской.

— Какая краска, какой цвет? — спросил учитель.

— Желтая, — ответил я.

— Правильно, желтая. И еще эта краска называется теплой. Ты видел в парковой беседке синий потолок и стены? Синий цвет называется холодным. А вот цвета желтые, оранжевые, красные зовутся теплыми цветами. Верно ведь, теплее становится, когда смотришь на этот потолок?

Я согласился с учителем. Действительно, в комнате казалось теплее, чем в том же, побеленном известью, коридоре.

Степан — веснушчатый задира, неуравновешенный и какой-то весь из нервных узлов, что ли, ему доставляло удовольствие кого-нибудь унижить, а себя возвысить.

Как-то на перемене он больно ранил своего товарища:

— Генка у нас вшивый, заразный, не подходите к нему.

Мальчишки попробовали заступиться:

— Генка всю зиму дома не был, не мудрено завшиветь. Охладишь, Степан, у нас, что ли, такой заразы нет?

Но Степан не унимался, еще более распалялся:

— Тоже, да не так. Не нужен он матери, вот и завшивел.

— Не тронь маму! — закричал парнишка и выбежал из комнаты с дрожащими от обиды губами. Слезы застилали глаза, и из горла вылетали раздражающие душу всхлипы.

Геннадий выбежал из школы и понесся по парку, не разбирая троп, мимо столетних деревьев, мимо ажурных беседок. Подросток с размаху упал на землю, прижался мокрой шеей к подножью могучего дуба: "Убегу... Ненавижу... Убегу... Ненавижу..."

В распятом положении парнишку нашел Игорь Васильевич. Геннадий хотел вырваться из цепких рук учителя и убежать далеко, хоть на берег Ледовитого океана — к тюленям добрым и неуклюжим.

— Это же несерьезно, Геннадий, я его ищу, дело у меня довольно серьезное, а он решил звезды в преисподней считать, а звезды вроде бы на небесах... Вот что, дружище, пойдем ко мне в гости, чаевничать будем и беседовать. Люблю мудрствовать за чашкой чая.

Значит, Игорь Васильевич ничего не знает о случившемся? Немного полегчало.

Неудачный день закончился роскошным вечером. Учитель затащил ученика в хозяйскую баньку, попарились, побили друг друга березовыми вениками, побряхтели от удовольствия; горячая вода разнежила, размягчила их тела. На чистом лице глаза, словно два солнца, блестели — хорошо-то как!

После бани, умиротворенные, успокоенные, мужчины пили чай в горнице. Геннадий сидел в рубашке учителя, а на ветру, за окном, трепыхалась постиранная заботливыми женскими руками его одежда.

— Вдвоем веселее, а? Давай так каждую субботу?

Ученик смотрит на учителя глазами доверчивой лани. Конечно, вдвоем веселее. И уже обида не так крапивит; боль, только что гнавшая паренька на край света, размягчилась и, словно утренний туман, оседала.

ПОДСНЕЖНИКИ

Степан стоял у доски спиной к классу и почесывал за ухом. Он никак не мог решить задачу с двумя неизвестными. Геннадию бы радоваться неудаче обидчика, а он весь изболелся, что не может помочь. Рядом с партой Хлебникова стоял Константин Степанович и, держа сцепленные руки за спиной, упорно глядел в затылок ученика, ждал ответа. От пристального взгляда учителя подросток нервно подергивал плечами, а когда не выдерживал давления, оглядывался.

Зина Марянина сидела за первой партой. Она давно решила задачу и была спокойна. Она сидела прямо и горделиво, положив руки перед собой. Сидела, не шелохнувшись, как на посту часовой. Словно каменная. Но и камень крошится, если его трясет ветер-лиходей, а солнце прожигает твердую породу.

— Степан, — Зина не сказала, а воздухом вытолкнула слово, но в классе стояла тишина, и поэтому слово прозвучало отчетливо и всем было слышно.

Степан небрежно взглянул на Марянину, хотел съехидничать, но его глаза широко распахнулись: он увидел тетрадный лист, который девочка умело, придерживала одним большим пальцем, а на нем крупными буквами было выведено решение задачи. Он схватил цепкими глазами всю запись и перенес на доску.

— Марянина, ты где находишься? — одернул Зину учитель. — Встань!

Будешь стоять до конца урока, а потом в учительской объяснишься.

И откуда такая смелость у девчонки?! Константина Степановича все боялись, никто не смел шепотом произнести слово, даже старались не дышать, а тут...

Девочка послушно поднялась, две косы закинула за спину, одернула синенькое платьице, под цвет глазам. Ее движения были плавными, мягкими, издавали нежную мелодию; они очаровали Геннадия, закружили, увлекли в заколдованный вихрь.

Еще вчера Геннадий не выделял Зину среди подруг, а сегодня залюбовался кудесницей. Тоненькая шея, как у подснежника стебелек; две косы, словно два пшеничных колоса, налитые зерном и позолоченные отблеском восходящего солнца. Необычное состояние и радовало, и смущало подростка.

Геннадий ждал Зину возле учительской. Он нацелился на долгое время, ведь нравоучения Константина Степановича бесконечны. Но ждать пришлось самую малость. Зинаида выскочила из учительской с красными и белыми пятнами на лице. Она проскочила мимо состра-дальца, не заметив его. Геннадий нагнал сверстницу:

— Что сказал?

— Ничего.

А в глазах нестерпимая боль полыхала. Понятно: не хочет, чтобы ее жалели. Гордая. А ведь можно было разделить боль на две половинки, все легче.

— Жалеешь?

— Нет...

— Геннадий, — Зина всех мальчишек и девчонок называла полными именами и это нравилось им: полное имя возвеличивало, — у меня все хорошо.

Он побрел в сторону леса, как к спасательному кругу. Он чувствовал себя так, как будто его вызвали в учительскую и отстегали. Ноги промокли, в рваных ботинках хлопала вода.

В лесу хорошо поработал апрель: под снегом бежали ручейки, перекликались. Солнечные лучи подождли вершины лип, и искры от небесного огня разлетались в разные стороны, салютировали Весне-Красне. Вешнее солнышко зацеловало верховинные ветви древ, сквозь ажурное переплетение которых просматривалась прозрачная синева. Кругом ликовала бесконечная, сама себя рождающая жизнь. Вот подснежники проклюнулись сквозь толщу рыхлого снега. Геннадий нагнулся, чтобы сорвать несколько цветов и подарить Зине — девчонки любят цветы. Он даже представил, как дивчина, прикрыв ресницами глаза, вдыхает тонкий аромат синего чуда. Но хрупкая жизнь так доверчиво смотрела на человека, что он не посмел ее прервать. И словно в благодарность за ладность, веснянки с желтыми глазами колыхнулись, пушистые лепестки заколебались стихом музыкальным.

Синее небо, синий снег, синий воздух, синий подснежник. И он, посиневший от вышинной сини и от синей водицы, хлопающей в разинутых подошвах ботинок, тянется к потепленному ласковому солнцу, а душа рождает возвышенные стихи, которые ладковец непременно подарит Зинаиде-

МУЗЫКА

Солнце накалило землю, и жаркий дух, поднимающий от нее, опалял лицо Геннадия, охлаждаясь, превращался в бисерные капли, которые, объединившись, устремлялись вниз ручейками и падали на раскаленную твердь. Вспомнил, как вчера хотел пригласить Зину в кино, просто погулять по аллеям парка. Но, бросив на себя оценивающий взгляд, он вдруг увидел неприглядного оборвыша и впервые устыдился своего вида. Застиранная и залатанная рубашка потеряла изначальный цвет. Брюки, если их можно так назвать, пузырились на коленках. А ботинки кричали о пощаде, просили отдыха.

И он решил: хорошенько поработает на сенокосе, на уборке картофеля, подзаработает денег и обновит свой гардероб. Вот тогда и пригласит Зину в кино. Но захочет ли она общаться с ним, не засмеет? Получше него есть. Вон Станислав — красавчик, хоть картину с него пиши, и лохмотья не портят. Она даже не смотрит в его сторону. А он размышлял, как красная дева.

Геннадий пристыдил себя, свои малиновые мечты, разогнул спину и запрокинул голову. И тотчас в глаза брызнул пучок ослепительных лучей. Солнце пекло спину, плечи. Небо ярко-голубое, светлое и радостное. По небу плыли лебединые девы. Крылья при каждом взмахе сверкали, словно перья с серебряным пухом. Молодой паренек восторженно смотрел вслед обнаженным лебедям; они плыли по небу медленно, не торопились удалиться, растаять в бездонной выси, прекрасные и чистые.

Внутри пело, песенная нежность завивала золотые витки в его организме. Рождалась глубинная красота, и внутренняя мелодия ее озвучивала. Мелодии выскальзывали наружу, паренек подхватывал их и напевал. Он хотел запеть во весь голос, но боялся спугнуть светилку, потерять искру красоты. Свет-Светилка, что так теплил добрые чувства, высветился, разбил на светляки и завьюжил вокруг Геннадия.

— Гена, ты уснул? — окликнул Алексей. — Смотри: Зина обогнала. Не оплошай дружище, подтянись.

Марянина ладно размахивала косой; движения косарицы спокойны, согласны. "Вжик-вжик", — пела коса. "Вжик-вжик", — падала трава к девичьим стопам. Густой аромат кошенилки плясал возле носа, разливался медовыми струйками по разгоряченному телу, проникая через кожу и дыхание в кровь.

— Я слушаю, — отозвался Геннадий.

— Что? — не понял Алексей.

— Музыку слушаю. Понимаешь, она звучит во мне, и звуки несутся с небес. Я ее чувствую. Она живая, волшебная.

— Нашел время: слушать, — укорил его друг. — Не заслушайся. Сегодня репетиция, не забудь.

Не заслушается. Не забудет. Как можно? Ведь он в оркестре балалаечником предстанет.

...Руководил школьным оркестром народных инструментов Павел Ива-

нович. Появился в школе недавно и уже всех пленил артистизмом: движение рук, взгляд, поворот головы, окраска голоса и даже одежда, повидавшая много на своем веку, хорошо отутюженная и ладно сидевшая на нем — все завораживало, очаровывало.

Павел Иванович отыскал в Гостилицах музыкальные инструменты и отремонтировал их своими, почти детскими руками. Своими руками изготовил несколько гитар, которые оказались не хуже, а даже лучше фабричных.

Учитель говорил:

— Все есть музыка. Каждая гора, каждое дерево, каждый город, каждый человек имеет свой голос, свою музыку. Музыка — это наше самовыражение, музыка — это наша внутренняя красота. Музыка — это язык, на котором разговаривают с нами небеса, Природа-Матушка. Музыка объединяет всех, заставляет двигаться, творить, любить.

Первым инструментом у русов была дудочка. Взяв в лесу кусок тростника, человек сделал четыре отверстия в этом тростнике на таком расстоянии, чтобы он мог легко положить на них кончики пальцев.

Первым струнным инструментом у русов была одина. Она имела форму листа липы, всего одну струну. Но сколько нюансов в мелодии она передавала, какие мысли навевала!

Металина имела две струны и прямоугольную форму. У струны — три струны, овальная форма.

Лада — любимый музыкальный инструмент древних русов, имел форму девичьего тела и четыре струны. Музыка лады очень похожа на человеческий голос. Если бы вы слышали игру лады, то вы бы никогда не подумали, что это инструмент. И хотя музыка лады не обладает магнетизмом, как голос самого человека, но она более притягательна, более впечатляет, а вся изысканность человеческого голоса и его шелковистая структура доведены до совершенства в звуке лады.

Русская музыка уникальна по характеру, поскольку исполнителю или певцу дана совершенная свобода в выражении их души через свое искусство.

— Ребята, любите музыку, ведь вся наша жизнь — это музыка, у каждого своя...

Геннадий поравнялся с дивчиной. Зина, почувствовав на себе взгляд сверстника, выпрямилась. Их взоры встретились.

"Ты — моя музыка, лебедушка, моя Берегиня", — мысленно говорил паренек.

И это так. Дева — сокровищница, если из нее исходят благородные слова и поступки и окрыляют лада. Тогда деве под силу отвести руками беду...

Между молодью запорхала бабочка и опустилась на платье с белыми ромашками.

— Озорница, — улыбнулся Геннадий, — как проворно перебирает лапками.

— Пусть озорничает, — смущенно ответила девочка.

— Конечно, пусть озорничает, — машинально повторил паренек.

Музыка смолкла. Нежная тишина сияющей лентой повязала двоих.

НАЦМЕНЫ

Говорят: наступило тяжелое время. Но время ли всему виной, разве оно создает безысходность?

Нацмены дорвались до власти, но не знают, как ею распорядиться, им не дано от природы управлять. В результате — хаос. Что бы оправдать свою несостоятельность, нацмены перекладывают вину на головы, которые до них властвовали, на гнилость предшествующего режима, а себя рекламируют как избавителей, как саму справедливость.

Нацмены разносят весть о врагах народа, призывают власть быть бдительной. И ночью, и днем большевики хватают "врагов" народа и увозят в неизвестном направлении.

Страну корежили репрессии.

Оказывается, только что схватили соседа.

— Тихий, обходительный такой, — рассуждают обыватели, — при встрече шляпу снимал, а вишь: имел другое лицо.

— В тихом болоте все черти водятся, — вторили ему.

— Да, это ты точно подметил. С виду такой хороший человек, а оказался врагом народа.

— Что же, он перед тобой будет раскрываться?

— И то верно.

— Была бы моя воля, я бы их на месте расстреливал. Житья от контры нет, мы им поперек горла стоим. И когда это только их всех переловят?!

— Молчи, не наше это дело. Наверху не могут справиться, а нам тем более не справиться...

Прошло немного времени, прежде чем кто-то заразумел. Стали сочинять анекдоты, частушки на сегодняшнюю действительность, за что расплачивались жизнями.

— Слышь, Марфа, Никонорыча за частушку арестовали. Боже праведный, человек нисколько не стоит.

— Видно, у них соглядатаи расставлены повсюду. У них уши все улавливают на расстоянии.

— Бабоньки, придержите язык, а то неровен час...

Мальчишки и девчонки сельской школы не сомневались в справедливых действиях советского правительства, они горячо обсуждали каждый случай, проклинали врагов народа. Им хотелось совершить подвиг во имя прекрасного будущего, лично поймать предателя, провокатора, вредителя...

Но трагедия не обошла стороной школу, где учился Геннадий Хлебников. Это случилось на уроке агронома Ивана Антоновича, который преподавал агрономическую науку, счетоводство. В дверь заглянула заплаканная и испуганная сестренка Кирюхи Кашеева, она поманила рукой брата, не обращая внимания на учителя.

Кирюха — тихий мальчик, талантливый, мастер по дереву. Видимо, мастеровые чаще всего малоразговорчивые, им некогда празднословием заниматься; ведь они творят даже тогда, когда под руками нет материала,

из которого они могли бы сваять осмысленную модель. Визуально творят, конечно. Он мог вырезать из дерева летящего орла или жар-птицу с ярким оперением, коня с пышной гривой и хвостом, голову сверстника. За мастерство Кирюху любили, относились к нему с должным вниманием, словно перед ними был не товарищ, а скульптор. А ведь не на пустом месте самородок расцвел, было и основание крепкое.

Отец Кирюхи — известный в округе кузнец Пантелей Святославович. Кузнец робил сани, телеги, колеса, косы, топоры... он нежно вбивал в копыто лошади плоские гвозди — подковывал четвероногого друга. Он придавал раскаленному металлу нужную форму, выявлял образ. Из проволоки свивал цветы, сказочных птиц. Его изделия сельчане называли проволочным кружевом, так изящны линии, так поэтичны линии!

Агроном Иван Антонович и кузнец Пантелей Святославович дружили. Они обменивались знаниями, опытом, дополняли друг друга.

Кирюха ушел, а мы терзались догадками: что случилось? Видимо, то же испытывает и учитель Иван Антонович: он закончил урок раньше времени и тотчас отправился в село. За ним поспешили ученики.

Во дворе Кашеевых стоял женский плач, какие-то люди сновали туда-сюда, торопливо грузили вещи арестантов.

Сельчане стояли поодаль в великом смятении, машина легковая, а рядом с машиной опершийся о дверцу — черноволосый мужчина, хладнокровно наблюдавший за действиями своих подчиненных.

И у всех на устах ставшее привычным слово: кулак. Это Кирюха — то кулак? Здесь что-то не так, явная ошибка.

— Это кто? — спросил Геннадий учителя, глазами указывая на черноволосого.

— Нацмен.

— Кто такие? Те, кто сменил царскую власть.

— Значит, большевики, революционеры, желают народу добра, — заключил подросток. — А те, что вещи грузят?

— Коммунисты.

— Разве это не одно и то же?

— Большевики — это власть. Коммунисты — исполнители.

— Я ничего не понял, — вздохнул Геннадий.

— Я тоже запутался, — ответил учитель.

Кирюха держался за отца, не отходил от него. Он не верил, что его отец — контра. Но как объяснить товарищам, что отца оклеветали и со временем обязательно разберутся, что его отец — самый лучший человек в мире, труженик. Видимо, кому-то мешал. А, может, потому и забрали, что труженик, а нужны лодыри? Боже, что только в голове не рождается!

Кирюха старался не встречаться с глазами друзей, с глазами учителя, он не знал, как помочь отцу, как доказать невиновность.

Одноклассники словно онемели, смотрели на происходящее широко открытыми глазами и ничего не понимали.

Односельчане старались заступиться за кузнеца, взывали к совести. Но судьба Пантелея Кашеева и его семьи была решена. А заступникам обещали Соловки.

— Да разве так можно? — вставил слово Иван Антонович. — Вы хотя бы для начала сельчан пораспрашивали об этом кулаке, они его знают с пеленок, а потом уже разбойничали.

— Не видишь: какое богатство нажил? — вышел из себя уполномоченный.

— Он своими руками...

— А где взял металл? У государства украл!

— Да этого добра на каждом шагу валяется. У меня тоже...

— Ничего, и до тебя доберемся.

— Страшно, — выдавила из себя тяжелое слово Зина, она закусила губу, сморщила лоб, вобрала в себя побольше воздуха и крикнула:

— Кирюха, мы верим, мы любим тебя!

У Кирюхи из глаз брызнули слезы фонтаном, но он их не стыдился. А небо было ослепительно голубым, и по нему летели белые лебеди-облака.

ПРОЩАНИЕ

Вот и промелькнули три года учебы. Пришло время прощаться со школой, с учителями. Разухабистый май пьянил настоем разнотравья.

Вечерами мальчишки и девчонки группами гуляли по парку. Звездное небо подмигивало с высоты и кружилось над ними жар-птицей. Они смеялись и горланили песни, радовались теплым вечерам и большому миру; их сердца трепетали в ожидании новизны, они без оглядки откликались на зов больших дорог. Нет-нет, да и нахлынут печальные волны. Но тут же беспричинное веселье подхватывает. Они подставляли лица пахучему воздуху, впитывая звуки уходящей вёсны. Ликующая весна внезапной задумчивостью тревожила сердца.

И мир такой большой, такой прекрасный распахнул настежь все двери и ослепил молодых лучезарным сиянием. Молодым не терпелось выпорхнуть из гнезда, вдруг ставшего тесным. Щемящее чувство близкой разлуки давило, но буйная молодость, как горячая река, грусть-тоску разрушала и, кружила, кружила...

Но прощание со школой закончилось для Геннадия не так, как хотелось. Вслед за безудержной радостью черной птицей прилетела беда: заболели глаза, паренек не мог смотреть на свет, плохо различал предметы. И Геннадий вынужден был лечиться в ленинградской клинике. А когда возвращался домой, на балтийском вокзале случайно столкнулся с одноклассницами. Они объяснили, что едут в Петроград учиться на ускоренных курсах наркомпроса.,

— А ты куда?

Геннадий мечтал о юридическом институте. Но это — долгая песня длиною в несколько лет. А Геннадию необходимо как можно быстрее встать на ноги.

— На слесаря, — не колеблясь, ответил паренек.

Девчата вошли в вагон, оставив Геннадия и Зину наедине. Они говорили, перебивая друг друга, говорили обо всем и ни о чем. Они говорили

бестолково, праздно, перескакивая с одной мысли на другую, словно хотели наговориться на всю оставшуюся жизнь, заглушая чепухой нахлынувшие чувства.

Зина смотрела в глаза Геннадию и ждала особых слов. А паренек, смущаясь, переступал с ноги на ногу. Так много надо сказать друг другу! Но налетевший ветер украл все слова и забавляется ими. Хотя бы одно слово задержалось; нет, все умчались с озорником.

— Зина, торопись! — окликнули ее подружки.

— Мне пора, — тяжело вздохнула девушка, а в больших глазах все еще надежда теплилась.

— Понимаю, — растерянно ответил юноша. Он понимал, что не то говорит, но деревянный язык не слушал сердце.

Перед глазами все поплыло: и умоляющие девичьи глаза, и серый перрон, и высунувшиеся лица пассажиров.

Колеса застучали по рельсам, унося Зину от паренька. Он спохватился, кинулся вслед удаляющемуся поезду, крича:

— Я люблю тебя, Зина!

Девушка махала косынкой и тоже что-то кричала. Их голоса встретились на середине пути и разбились на мелкие кусочки цветного стекла.

СОДЕРЖАНИЕ

Вишнякова С. Слово о Хлебникове.....	4
Колодин Н. Памяти Г.Н.Хлебникова.....	11
Солнцева С. О современнике.....	16
Вишнякова С. Как писались "Зарницы".....	17
Кошейкина С. Вы нам нужны!.....	19
Шигаева Е. Оповести "Зарницы".....	20
Хлебников Г. Зарницы: <i>Повесть</i>	22
1. Находка.....	22
2. Монета чжурчжэней.....	25
3. Дом на косогоре.....	33
4. Комиссар.....	39
5. Тонкая нить.....	47
6. Первое приключение.....	52
7. Догадка приходит через полвека.....	58
8. Связной полка.....	62
9. Темный братан.....	69
10. В тайге.....	77
11. Солнечный камень.....	83
12. Поющая пещера.....	89
13. Огни древних костров.....	104
14. Остановка на Чукчагире.....	117
15. Боги хранят тайны.....	123
16. Прииск "Изменчивый".....	131
17. Где живут лоси.....	139
18. Рукописи в берестяной коробке.....	149
19. Знамя полка.....	161
20. Зарницы.....	174
Вишнякова С. Время цветения: Повесть о Г. Хлебникове.....	180

Геннадий Николаевич Хлебников
Зарницы: Повесть

Набор текста: Белоусова Д.
Компьютерная верстка: Ковтунов Е.Ю
Рисунки учеников школы №51

Сдано в печать 29.01.2007 г.
Бумага офсетная
Шрифт обыкновенный
Отпечатано в Типографии ООО ПКП «ЖУК»
Тираж 100 экземпляров

Издательство "Со-Весть": 681032
г. Комсомольск-на-Амуре
До востребования